

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия

ПОЛИТИКА

МИР, ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

Серия «Библиотека ГВЛ»
основана в 2005 г. в память
об ученом, политике, предпринимателе
Геннадии Викторовиче Лебедеве
(1957—2004)

PEACE, LOVE, & LIBERTY

WAR IS NOT INEVITABLE

Edited by Tom G. Palmer

AtlasNetwork.org

StudentsForLiberty.org

JAMESON BOOKS, INC.
Ottawa, Illinois

Фонд Марины Садомской
«МОЯ ЛИНИЯ»

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия

ПОЛИТИКА

МИР, ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

Как жить без войн

Под ред. Тома Палмера

2-е издание, электронное

Челябинск • Москва
СОЦИУМ
2020

УДК 172.4
ББК 87.751.5
М63

Библиотека ГВЛ — совместный проект издательства «Социум»
и Фонд Марины Садомской «Моя Линия»

Friedrich Naumann
STIFTUNG **FÜR DIE FREIHEIT**

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу
(Германия)

Перевод с английского: *А. А. Столяров*

М63 Мир, любовь и свобода. Как жить без войн / под ред. Т. Палмера ; пер. с англ. А. А. Столярова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 332 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — (Библиотека ГВЛ. Политика). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-676-3

Статьи, опубликованные в настоящем сборнике, представляют эмпирические данные и логические аргументы в пользу мира. Мир обосновывается не просто как моральный идеал или желаемая цель, а как первоочередная практическая задача. Авторы сборника исследуют экономические, социальные, политические и психологические условия мира; выявляют причины войн — например, ложные концепции вроде «столкновения цивилизаций», «экономического конфликта», «протекционизма» и мировоззрения, основанного на идее «нулевой суммы», — чтобы затем развенчать их. Авторы обращаются к разуму. Они опираются на глубокое историческое знание, экономическую реальность, эмпирическую психологию, политическую науку, а также на искусство и эстетическое воображение.

УДК 172.4
ББК 87.751.5

Электронное издание на основе печатного издания: Мир, любовь и свобода. Как жить без войн / под ред. Т. Палмера ; пер. с англ. А. А. Столярова. — Москва ; Челябинск : Социум, 2015. — 320 с. — (Библиотека ГВЛ. Политика). — ISBN 978-5-906401-26-7. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-676-3

© ООО «ИД «Социум», 2015

Содержание

Предисловие	9
-----------------------	---

1. ТОМ ПАЛМЕР

Мир — это реальная альтернатива	15
Война — это организованное человеческое насилие	17
Если войну все же можно оправдать, то в каком случае?	22
Война — здоровье государства	29
Кто несет ответственность?	33
Свобода и мир	37

2. СТИВЕН ПИНКЕР

Отступление войны	
и концепции человеческой природы	39
Четыре причины, по которым	
отступление войны совместимо	
с реалистическим взглядом на человеческую природу	43
1. Произошли удивительные вещи	43
2. Человеческая природа многогранна	45
3. Обусловленные компоненты человеческой природы . .	48
4. Человеческое познание —	
открытая генеративная система	50
Закключение	54
Литература	55

3. ЭММАНУЭЛЬ МАРТЕН

Экономическое обоснование мира: почему	
богатые соседи — это очень добрая весть	57
Выигрывающие и проигрывающие	58
Мир производителей-потребителей	60

«Закон Сэя» и взаимная выгода	63
Действие закона Сэя на международном уровне	66
Торговые барьеры («протекционизм»)	
как игры с отрицательной суммой	69
Мир — основа процветания	72
4. ТОМ ПАЛМЕР	
Интервью с КРИСОМ РАФЕРОМ — БИЗНЕСМЕНОМ, СТОЯЩИМ ЗА МИР	76
5. ЭРИК ГАРТЦКЕ	
Миротворчество СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ	93
Трансформация	95
Томас неверующий	98
Причины мира	102
«Невидимая рука» мира	109
6. ТОМ ПАЛМЕР	
Политическая экономия ИМПЕРИИ И ВОЙНЫ	115
Хорошая новость: насилие отступает	117
Обречены ли цивилизации или страны на «столкновение»?	119
Является ли меркантилистский империализм выгодным предприятием?	124
Есть ли смысл в «Войне за нефть (и другие ресурсы)»?	136
Экономические заблуждения и международные отношения	143
Когда товары не могут пересекать границы, их пересекают армии	146
Античный взгляд	149
Кто принимает решения?	150
7. РОБЕРТ МАКДОНАЛЬД	
АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И НЕПРИЯТИЕ ВОЙНЫ	155

8. ДЖАСТИН ЛОГАН

Снижение роли войны как инструмента политики в современную эпоху	174
Подъем и упадок войн между крупными державами	175
Современные войны	178
Заключение	185

9. РЭДЛИ БАЛКО

Милитаризация полиции	188
---------------------------------	-----

10. ТОМ ПАЛМЕР

Философия мира или философия конфликта	195
Философия сотрудничества	207
Различие друга и врага	223
Идеи 1914 года	238
Войны не являются неизбежными	247

11. САРА СКВАЙР

Искусство войны	250
---------------------------	-----

12. МАРК ТВЕН

Военная молитва	260
---------------------------	-----

13. УИЛФРЕД ОУЭН

DULCE ET DECORUM EST	266
--------------------------------	-----

14. УИЛФРЕД ОУЭН

Притча о старце и отроке	268
------------------------------------	-----

15. КЭТИ РЕЙЗЕНВИТЦ

Мир начинается с тебя	270
Повышение информированности	272
Расширение нашего круга	274
Организационная работа	276
Заявите о себе: выберите мир	279

Содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	280
Герберт Спенсер. <i>Как английские СМИ</i> <i>освещали англо-бурскую войну</i>	280
Людвиг фон Мизес. <i>Мир</i>	289
Ион Деген. <i>Мой товарищ в смертельной агонии...</i>	297
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	298
УКАЗАТЕЛЬ	303

Предисловие

Люди должны учиться ненавидеть, и если они смогут научиться ненавидеть, их можно научить любить: ведь любовь более естественно входит в сердце человеческое, чем ее противоположность.

Нельсон Мандела¹

Война учит ненавидеть: ненавидеть наших врагов, наших соседей, ненавидеть тех, кто не похож на нас. Мир позволяет людям любить, превращать врагов в друзей, заменять столкновение сотрудничеством, а ненависть — любовью и дружбой.

Что способствует миру? Ответ очевиден: свобода. Что подрывает свободу? Ответ тоже очевиден: война.

Статьи, входящие в эту книгу, посвящены обоснованию необходимости мира. Их авторы рассматривают мир не только как моральный идеал и не просто как желанную цель, но прежде всего как насущную практическую задачу. Пацифисты слишком часто думали, что достаточно просто призывать к миру и осуждать войну; они не задавались вопросом, какие институты способствуют миру и препятствуют

* На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. Указатель.

¹ Nelson Mandela, *Long Walk to Freedom* (New York: Little, Brown and Company, 1995), p. 622.

войне, не изучали экономические, социальные, политические и психологические предпосылки мира. Они могут выступать против той или иной конкретной войны, но слабо представляют, почему вообще возникают войны, и не разбираются в этих причинах. Мир отнюдь не является неосуществимой мечтой или чем-то таким, ради чего приходится жертвовать процветанием, прогрессом и свободой. На самом деле мир, свобода, процветание и прогресс идут рука об руку.

Статьи этого сборника обращены к разуму. Они основаны на глубоком знании истории, экономических реалий, эмпирической психологии и политики; им свойственна строгая логичность, но не чужда и художественная, эстетическая образность. Чтобы сердце обратилось к миру, оно должно получить убеждение от разума.

Авторы сборника привлекают для своих рассуждений такие дисциплины, как психология, экономика, политология, история, юриспруденция, социология, этика, а также поэтика, литературоведение и эстетика. Все они помогают понять, что такое война и мир. Каждая статья интересна и полезна сама по себе. Читать их можно в любом порядке. Некоторые имеют строгое научное оформление; другие, будучи не менее серьезными, обходятся без сносок. Общая цель состоит в том, чтобы сделать важные проблемы доступными для широкого круга заинтересованных читателей, предоставить им доводы разума и факты, свидетельствующие о неразрывной связи свободы

и мира. (Миру и свободе уделено больше внимания, чем любви, по одной простой причине: мир и свобода — нечто такое, к чему можно стремиться совместно и организованно; любовь же есть то, чего каждое сердце должно искать самостоятельно. Поэтому главное внимание авторы посвящают институтам и идеологиям войны и мира — в надежде, что мир будет избран, ненависть отвергнута, а любовь станет возможной.)

Сборник «Мир, любовь и свобода» — совместный издательский проект двух организаций: *tlas Network* и *Students For Liberty*. Обе они действуют во всем мире: у них есть отделения и рабочие проекты на всех континентах. Они не связаны с госструктурами. Они выступают за универсальные ценности, т.е. за мир, всеобщую свободу и равенство перед законом. Они создают и поддерживают организации, которые действуют в интересах мира, свободы и справедливости и, в частности, следят за тем, чтобы государство не выходило за конституционные рамки, чтобы соблюдалась свобода слова и вероисповедания, обеспечивалась защита добросовестно приобретенной собственности, соблюдались права на мирный протест, не ущемлялась свобода торговли и свобода рынка. Авторы сборника показывают, каким образом эти идеи — идеи «классического либерализма» (или «либертарианства», как его принято называть в некоторых странах) — взаимодействуют и подкрепляют друг друга. Их статьи вносят вклад в изучение проблемы мира с позиций либеральной (или либертарианской)

школы мысли, — традиции, основанной на идее добровольного человеческого сотрудничества¹.

Корни этой традиции уходят глубоко в историю. Они различимы в сочинениях китайского мудреца Лао-цзы и великих религиозных лидеров. Они отчетливо заметны в работах Марка Туллия Цицерона — выдающегося оратора, философа и политика, который возносил красноречие и разум над жестокостью и силой. В известном трактате «Об обязанностях» Цицерон писал: «Итак, у всех людей должна быть лишь одна цель: одна и та же польза для каждого в отдельности и для всех сообща; если каждый станет рвать ее себе, то вся общность человеческой судьбы будет нарушена. Более того, если природа велит человеку хотеть, чтобы о другом человеке, кем бы он ни был, была проявлена забота уже по одной той причине, что он — человек, то, по велению все той же природы, польза должна быть общей для всех людей. Раз это так, то все мы подчиняемся одному и тому же закону природы, а если это именно так, то закон природы, несомненно, воспрещает нам посягать на интересы ближнего»².

Эта книга говорит о недопустимости насильственных действий. Она убеждает в том, что есть мирная

¹ Дополнительную информацию об идеях либерализма можно найти в другой книге данной серии: *Why Liberty*, Tom G. Palmer, ed. (Ottawa, Ill.: Jameson Books, 2013).

² Об обязанностях III 26—27 (Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975. С. 130).

альтернатива применению силы. Она посвящена всем сторонникам мира и свободы. Я надеюсь, что нынешнее молодое поколение доживет до старости в условиях мира и свободы и оставит наш мир более миролюбивым, справедливым и свободным, чем нашло его. Тем, кто стремится к этой цели, книга даст полезную пищу для размышлений.

Том Палмер
Найроби, Кения

1

ТОМ ПАЛМЕР

Мир — это реальная альтернатива

Какова природа войны? Действительно ли война — неотъемлемая черта человеческой жизни? Может ли она иметь оправдание, и если да, то при каких условиях? Каково воздействие войны на нравственность и свободу?

Всеобщий и устойчивый мир, к сожалению, относится к ряду тех явлений, которым есть место разве что в отвлеченном воображении мечтателей или в сердцах благородных энтузиастов. Вместе с тем несомненно, что война содержит в себе столько неразумия и порочности, что во многом остается возложить надежду на прогресс разума. Но если остается на что-то надеяться, ради этого следует приложить все усилия.

Джеймс Мэдисон¹

¹ James Madison, *The Writings of James Madison, comprising his Public Papers and his Private Correspondence, including*

Войны возникают не случайно. Их нельзя сравнивать с торнадо или метеоритами, — и не только потому, что войны могут принести неизмеримо больше разрушений. Гораздо важнее другое: в отличие от войн торнадо и метеориты появляются не в результате человеческого выбора и человеческих решений. Войны порождаются людьми. Существуют идеологии, которые пропагандируют войну. Существуют политические программы, которые делают ее более вероятной. Эти идеологии и политические позиции можно изучать, сопоставлять и рационально обсуждать. Можно думать, что «все хотят мира», но это будет ошибкой. В основу многих идеологий заложены конфликт и насилие. И даже если их пропагандисты публично заявляют, что они против войны и за мир, предлагаемая ими политика объективно способствует внезапному перерастанию таких конфронтаций в войну. Как верно заметил один из ключевых представителей американского Просвещения и авторов Конституции США, Джеймс Мэдисон, «война содержит столько неразумия и порочности», что мы должны сделать все возможное для ее предотвращения.

Можно ли сказать о войне что-нибудь такое, что еще не было сказано? Вот я ввел запрос «war» (война) в гугле и за 0,49 секунды получил ответ: «Резуль-

his numerous letters and documents now for the first time printed, ed. Gaillard Hunt (New York: G.P. Putnam's Sons, 1900). Vol. 6. Chapter: Universal Peace, Originally published in The National Gazette, February 2, 1792.

татов примерно 536 000 000». И это только на английском. За 0,23 секунды: «Результатов примерно 36 700 000» — это на французском (*guerre*); за 0,30 секунды: «Результатов примерно 14 700 000» — на немецком (*Krieg*). На китайском я за 0,38 секунды получил «примерно 55 900 000 результатов» при написании упрощенными иероглифами (战争), а за 0,34 секунды «примерно 6 360 000 результатов» при написании традиционными (戰爭). (На русском поиск на слово «война» гугл выдает 66 500 00 результатов за 0,48 секунды. — *Ред.*) Можно ли к этому что-то добавить?

И все же одну очень важную вещь добавить можно. Следует внести в обсуждение *больше разума*, или, как предложил Мэдисон, «возложить надежду на прогресс разума».

Война — это организованное человеческое насилие

В словарях война обычно определяется как «состояние вооруженного конфликта между народами или государствами или между группами внутри народа или государства». Примерами такого прямого значения могут служить высказывания: «Австрия вела войну с Италией» или «Между Австрией и Италией была война». Можно употреблять термин «война» и в переносном значении, скажем: «Он воевал с соседями» или «Правительство начало войну с наркотиками». В этой книге он используется в первом значении,

т.е. означает вооруженный конфликт между государствами. (Конечно, в «войне с наркотиками» тоже бывают вооруженные столкновения, но эти действия либо предпринимаются государствами против торговцев наркотиками и их клиентов, либо связаны с выяснением отношений между соперничающими наркодельцами; это не конфликт между государствами.)

«Вооруженный конфликт» подразумевает применение смертельного насилия. На войнах люди умирают. Но они не просто умирают: их убивают другие люди. Война и применение вооруженной силы означают убийство людей. Военные сознают эту несомненную истину. Политики часто не хотят ее замечать. Довольно привести знаменитый вопрос, который Мадлен Олбрайт (тогда постоянный представитель США при ООН, а впоследствии государственный секретарь) задала председателю Объединенного комитета начальников штабов генералу Колину Пауэллу: «Вот вы постоянно расхваливаете армию; но зачем нам эта прекрасная армия, если мы не можем ее использовать?»

В своих воспоминаниях Пауэлл писал: «Я думал, меня удар хватит». И правда, мог хватить. Олбрайт по традиции считала вооруженные силы одним из орудий государства, предназначенных для реализации ее планов. Пауэлл объяснил, что «американские военнослужащие — это не игрушечные солдатики, которых можно передвигать на какой-то глобальной игровой доске», и что «мы не должны применять вооруженные силы, пока не возникла безусловная политическая

необходимость». Как военный человек, генерал Пауэлл понимал: когда вооруженные силы «используют», умирать будут не игрушечные солдатики и не шахматные фигуры, а реальные люди¹.

Помню, много лет тому назад я беседовал с отставным контр-адмиралом американского флота Джином Лароком; говорили мы об использовании вооруженных сил. Адмирал выражался с военной прямоотой (цитирую по памяти): «Задача вооруженных сил — уничтожать противника и лишать его способности наносить урон нам. Мы хороший мост не построим, — разве только для того, чтобы пропустить танки. Мы не знаем, как учить детей читать и писать. Мы не умеем разъяснять людям, что такое закон и демократия. Убить врага и лишить его возможности вредить нам — вот это мы умеем. Когда вам действительно понадобится убивать и разрушать, тогда и обращайтесь к нам, с остальным — не к нам». Война — это убийство людей. Тем, кто не любит говорить об этом, порой приходилось видеть убийство лично и близко или убивать самим.

Люди, которые по собственному опыту знают, что такое война, воспринимают ее совсем иначе, чем профессора политологии, подобные Мадлен Олбрайт. Будучи официальным представителем Соединенных Штатов, она открыто и искренне одобряла бомбардировки Ирака, унесшие множество невинных жизней.

¹ Colin Powell, *My American Journey* (1996; revised ed., New York: Ballantine Books, 2003), p. 576.

На одной из публичных конференций в США, посвященной войне в Ираке, один из участников сказал Мадлен Олбрайт: «Мы не хотим ничего доказывать Саддаму Хусейну кровью иракских людей. Если вам нужно разобраться с Саддамом, разбирайтесь с ним, а не с иракским народом».

Олбрайт ответила в своем традиционном духе: «То, что мы делаем, мы делаем для того, чтобы все вы могли спать спокойно. Мы — величайшая страна в мире [пауза, аплодисменты], и то, что мы делаем, мы делаем как незаменимая страна, желающая добиться более безопасного мира для наших детей и внуков, для всех стран, которые соблюдают нормы»¹.

¹ “US Policy on Iraq draws fire in Ohio,” CNN Special Report, «The Standoff with Iraq», February 18, 1998, — <http://edition.cnn.com/WORLD/9802/18/town.meeting.folo/>. Хиллари Клинтон, супруга позапрошлого президента, была членом Сената в то время, когда происходило голосование по Ираку. В 2006 г., во время выдвижения кандидатов от Демократической партии на президентские выборы, ее попросили разъяснить, почему она выступала за применение военной силы. Клинтон ответила: «Конечно, если бы мы тогда знали то, что знаем сейчас, вопрос вообще не стоял бы на голосовании, а я, разумеется, не голосовала бы так» (Toby Harnden, «Clinton shifts over Iraq as Obama threatens», *The Telegraph*, December 20, 2006, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1537474/Clinton-shifts-over-Iraq-as-Obama-threatens.html>). (Возможно, прежде чем голосовать, ей следовало бы подумать, не обернутся ли дела так плохо, или прислушаться к тем многим, кто уже тогда предупреждал о катастрофических последствиях, которыми грозит задуманная война.)

Чтобы оправдать репутацию «незаменимой страны» и «добиться более безопасного мира для детей и внуков», Олбрайт и ее коллеги выступали за бомбардировки Ирака и экономические санкции, которые грозили дорого обойтись иракскому народу. При Клинтоне вторжение в Ирак не произошло; его осуществил следующий президент, Джордж Буш. Но Олбрайт и ее коллеги полностью поддержали разрушительную и безумного дорогую авантюру администрации Буша. Были ли эти решения продуманными и оправданными? Как выяснилось, нет. Они не имели достаточного основания, оправдывающего их выполнение. Не было веских доказательств, что Ирак разрабатывает «оружие массового уничтожения», которое может быть применено «через 45 минут» после получения соответствующего приказа. Не было точно установлено, что режим Хусейна причастен к террористическим актам 11 сентября 2001 г., — хотя официальные представители правительства заявляли обратное.

Во что же все это вылилось? Точное число жертв войны в Ираке установить сложно, и этот вопрос до сих пор вызывает разногласия. Но более или менее очевидно, что в ходе вторжения погибли десятки тысяч иракских солдат; американцы, англичане и их союзники потеряли несколько тысяч убитыми и несколько десятков тысяч ранеными. С 2003 по 2011 г. погибли (по самой осторожной оценке) 118 789 гражданских лиц; в основном они стали жертвами чудовищно жестокой гражданской войны

и борьбы за власть, спровоцированной вторжением и оккупацией¹.

А сколько богатства было потеряно? Только правительство США заняло около 2 триллионов долларов на финансирование военных действий в Ираке и Афганистане (по времени эти операции частично совпадают, и их нецелесообразно рассматривать отдельно друг от друга), а общие затраты на две кампании составили, по самым скромным подсчетам, 4 триллиона долларов (приведенных к настоящему моменту). Скорее всего, они были значительно больше². Англия и другие страны тоже потратили очень много. Инфраструктура Ирака сильно пострадала. Стоило ли тратить столько жизней и столько денег, чтобы вызвать столько смертей и разрушений?

**Если войну все же можно оправдать,
то в каком случае?**

Мало кто согласится с Олбрайт, что правомерно вести войну, т.е. убивать, ради поддержания престижа «незаменимой страны». (Хотя, конечно, такие люди есть.) Но давайте возьмем более сложный случай. Если война начата ради «более безопасного мира

¹ Iraq Body Count Project, <http://www.iraqbodycount.org/database/>.

² Linda J. Bilmes, «The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets», Harvard Kennedy School Faculty Research Working Paper Series, March 2013, RWP-13-006.

для наших детей и внуков», не будет ли она оправданной? «Какова вероятность того, что, убивая одних людей сейчас, мы сделаем будущее положение других людей более безопасным?» Для ответа на такой вопрос нужны факты. Подобное убийство, *возможно*, и улучшит нашу дальнейшую безопасность, но на тех, кто выступает за войну, в любом случае лежит главное бремя доказательства. А те, кто выступал за войну США против Ирака, не стали утруждать себя сбором доказательств.

Справедливость войны — как оправданность ее инициирования, так и соблюдение норм ее ведения — давно обсуждаемая тема. Правомерность объявления войны обозначается латинским термином *jus ad bellum* в отличие от правовых норм ведения военных действий, *jus in bello*. Эти два аспекта нередко рассматриваются как отдельные предметы. Оправданна ли война и допустимы ли методы, которыми она ведется? Многие известные правоведы и философы рассуждали и спорили о том, чем можно оправдать открытие военных действий, должны ли быть — раз уж война началась — моральные и правовые ограничения на использование силы, и если да, то какие именно.

Позволительно ли начинать войну ради защиты достоинства правителя или страны, ради престижа «незаменимой страны», ради захвата ценных земель и ресурсов, ради защиты чьих-то интересов или жизней граждан страны? А если война уже идет, разрешено ли убивать только вооруженных противников

на поле боя или можно убивать пленных и членов семей вражеских солдат, в том числе детей (которые могут стать солдатами)? С течением времени военные действия обрастали все большим количеством запретов, а правила их ведения становились предметом различных соглашений и конвенций.

Совокупность всех этих положений обозначается сейчас терминами «законы и обычаи войны» и «теория справедливой войны»¹. Существует мнение, что *jus in bello*, т.е. соблюдение норм поведения на войне, действительно вне зависимости от того, справедлива ли война. Вместе с тем, принято считать, что если война справедлива, т.е. ведется за правое дело, тогда для достижения победы оправданны любые средства, какими бы нежелательными или предосудительными они ни были сами по себе.

С точки зрения тех, кого заботит оправданность и правомерность, этот традиционный подход как раз и не позволяет ответить на вопрос, соответствует ли сама война критерию справедливости (*jus ad bellum*). В своей книге «Война и нравственность» (*On War and Morality*) Роберт Холмс высказывает весьма убедительное мнение: «Не цель оправдывает

¹ Философские аргументы подробно изложены и проанализированы в: Richard Tuck, *The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant* (Oxford: Oxford University Press, 1999). Значимые соглашения и прочие юридические документы собраны в: Adam Roberts and Richard Guelff, eds., *Documents on the Laws of War* (Oxford: Oxford University Press, 2001).

средства, а, напротив, допустимость средств (учитывая, что убийство и разрушение заложены в самой природе войны) вкупе с соблюдением прочих условий *jus ad bellum* служит оправданием цели»¹. На войне убивают не только «злодеев»; в число «сопутствующих потерь» попадают совершенно невинные люди. Если ничем нельзя оправдать убийство людей и разрушение жизненно важных объектов, то нельзя оправдать и сам процесс — войну. Отсюда следует: «Чтобы оправдать открытие военных действий, необходимо прежде всего оправдать выбор средств. Вступление в войну и применение выбранных средств — это не две отдельные задачи... Невозможно оправдать применение военной силы без предварительного обоснования методов, которыми предполагается вести войну»².

Планирование войны будет морально безответственным, если оно ограничивается только ее формальными целями, — ими могут быть возвращение исторических территорий, защита чести и достоинства, выполнение обязательств, ответ на агрессию или иные задачи, — и не принимает во внимание неизбежные последствия. Холмс справедливо констатирует: «Война по сути своей есть организованное насилие, т.е. сознательное и систематическое причинение смерти и разрушения. И она сохраняет свою природу

¹ Robert Holmes, *On War and Morality* (Princeton; Princeton University Press, 1989), pp. 178—179.

² Ibid., p. 179.

вне зависимости от того, какие средства применяются, — атомные бомбы или луки со стрелами»¹.

С полным игнорированием этого обстоятельства я столкнулся около десяти лет назад, когда работал в охваченном войной Ираке и прилетел в Канаду на конференцию. Одна из участниц пожаловалась мне, что Канада не присоединилась к «Коалиции доброй воли», которая вторглась в Ирак и свергла кровавую тираническую клику Саддама Хусейна и его баасистской партии. Я сказал, что ей лучше радоваться тому, что правительство ее страны решило *не* участвовать во вторжении и оккупации.

Потом, уже на самой конференции, я пересказал багдадские «уличные слухи»: говорили, что новая иракская полиция получила приказ расстреливать тех, кто был схвачен при закладке взрывных устройств, и что высокопоставленный чиновник лично расстрелял арестованного, чтобы продемонстрировать решимость властей. От взрывных устройств тогда погибло много военных и гражданских лиц. (Я не знал и не знаю, правду мне рассказывали или нет. Я просто передал то, что сам слышал от нескольких иракцев.)

¹ Ibid., p. 180. Холмс добавляет: «Поскольку начинающий войну не может не понимать, что ему придется совершать подобные действия, достаточное обоснование войны требует столь же полного обоснования этих действий. И сначала следует обосновать правомерность применения убийства и насилия: это послужит необходимым условием оправданности достижения *любых* целей войны *любыми* средствами (и следовательно, необходимым условием соблюдения требований как *jus ad bellum*, так и *jus in bello*).

Та самая дама, которая очень хотела вступления Канады в войну, была крайне шокирована и заявила, что «надо что-то делать». Я сказал, что, прежде чем одобрять войну, ей следовало бы представить возможность подобных эксцессов. Ведь такие вещи «случаются» на войне. А иначе что получается: мы, не подумав, выступаем за войну, а потом ужасаемся тому, что она приносит насилие, кровь и даже преступления.

Война не только приводит к непредусмотренным жертвам, которые, так сказать, «не учитываются» в решении начать ее. Война меняет человеческий характер. Моральные ориентиры теряют не только некоторые участники военных действий, но порой и те, кто в них не участвует. Сотрудник журнала «Time» Джо Клейн — маститый журналист, сторонник президента Обамы. В одной телепередаче он столь пылко защищал санкционированные администрацией Обамы обстрелы с беспилотников, что заявил буквально следующее: «Да, правильно, если их используют не как надо. Такое, конечно, очень может быть, — если только наверху не те люди. Но у нас-то что в итоге? Чьих четырехлетних детей убивают? Мы как раз и делаем все, чтобы всякие террористы не могли убивать четырехлетних детей здесь»¹.

¹ Цитируется с приложением полной видеозаписи в: Glenn Greenwald, «Joe Klein's sociopathic defense of drone killings of children», *The Guardian*, October 23, 2012, <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/23/klein-drones-morning-joe?newsfeed=true>.

Если отвлечься от неприкрытого реверанса в сторону Обамы («Такое, конечно, очень может быть, — если только наверху не те люди»), просто трудно представить столь бессердечное оправдание убийства четырехлетних детей. Но г-н Клейн не стал извиняться. Защищая войны, которые ведут «правильные люди», их апологеты теряют моральные ориентиры.

По этой и другим причинам всегда и при всех обстоятельствах следует исходить из презумпции избегания войны. Бремя доказательства лежит на тех, кто хочет начать войну или вступить в нее. Чтобы это доказательство стало убедительным, нужно привести чрезвычайно веские доводы. Кто-то скажет, что столь убедительных доводов в принципе не бывает. Другие скажут, что можно с достаточным основанием оправдать оборонительную или превентивную войну при наличии реальной угрозы. Но в любом случае переход к военным действиям должен быть обоснован исчерпывающим образом. Кроме того, война допустима лишь в целях самообороны и ни в коем случае не должна вестись ради захвата территорий или просто ради защиты «достоинства» и демонстрации «верности». Если уверенности *нет*, логика бремени доказательства требует выступать *против* войны. Здесь нет места для промежуточности, нейтралитета или «может быть». Если война не имеет достаточно обоснования, значит, ее нельзя допускать. Вопрос стоит только так: да или нет.

Война — здоровье государства

Война — это здоровье государства. Она автоматически запускает в обществе непреодолимое стремление к единообразию, к страстному сотрудничеству с государством в подавлении миноритарных групп и индивидов, которые лишены широкого стадного чувства.

Рэндольф Бурн¹

Война на каждом шагу бросает вызов праву и подрывает его верховенство. Она концентрирует полномочия в руках исполнительной власти и предоставляет готовое оправдание для любого злоупотребления полномочиями. В этой связи можно упомянуть недавние разоблачения в отношении обширной и весьма сомнительной с точки зрения закона системы шпионажа и слежки. Еще несколько лет назад такая система была бы сочтена фантазией параноика; а теперь ее оправдывают интересами «войны с террором».

Война увеличивает власть правительства и его возможности применять принуждение. С каждой новой войной чрезвычайные полномочия прибавляются, и их отмена (если она вообще удастся) требует все больше времени и усилий. Как и другие кризисные ситуации,

¹ Randolph Bourne, «The State», in Randolph Bourne, *The Radical Will: Selected Writings 1911—1918* (Berkeley: University of California Press, 1992), pp. 355—395, p. 360.

война создает «эффект храповика», который переводит нажим государства на более высокую ступень; после войны этот нажим может ослабеть, но редко возвращается к довоенному уровню. Как отмечает историк экономики Роберт Хиггс, усиление власти происходит в порядке реакции на «кризисы», особенно на войны и депрессии: «С началом кризиса правительство расширяет свою реальную компетенцию в сфере принятия экономических решений», а «после кризиса эти добавочные полномочия сокращаются не в полной мере и оставляют правительству больше власти, чем оно имело бы, не будь кризиса»¹. Война служит оправданием для принудительного труда (в форме воинской повинности), повышения налогов, конфискаций и реквизиций товаров, нормирования потребления и обобществления средств производства. Новые государственные ведомства, новые полномочия и налоги — все эти меры можно обосновать ссылкой на их необходимость для «победы в войне», «разгрома врага» и «спасения нации». Война порождает коллективизм и этатизм.

Война приносит налоги и государственные долги. Вот бесстрастное объяснение Томаса Пейна: «Война есть общая жатва для всех, кто имеет отношение к распределению и расходованию государственных

¹ Robert Higgs, *Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government* (Oxford: Oxford University Press, 1987), p. 73 [см.: Хиггз Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010].

денег; и это одинаково для всех стран. Это своего рода завоевание внутри страны: его цель — увеличение дохода; а поскольку доход невозможно увеличить, не поднимая налоги, нужен убедительный предлог для увеличения расходов. Озирая историю английского государства, его войн и налогов, наблюдатель, не ослепленный предвзятостью и не увлеченный личным интересом, несомненно, признает: не налоги вводились ради ведения войн, а, напротив, войны затевались ради введения налогов»¹.

Война, как ничто иное, способна оправдать увеличение налогового бремени. По весьма обоснованному мнению Маргарет Леви, история государств продемонстрировала, что «самое приемлемое оправдание налогов — это война»².

Во время войны критика властей считается изменнической, пораженческой и антипатриотичной. Гражданские свободы ограничиваются, вводится цензура, газеты закрываются и поощряется слежка за гражданами. Соотечественников объявляют врагами, их демонизируют, преследуют, подвергают аресту, сажают в тюрьму, высылают или убивают.

Наконец, война освобождает правительство от обязанности отчитываться за свои действия, позволяет

¹ Thomas Paine, *The Rights of Man, Part I*, in Paine, *Political Writings*, ed. by Bruce Kuklick (Cambridge: Cambridge University Press, 1989), p. 86 [*Пейн Т. Права человека // Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959*].

² Margaret Levi, *Of Rule and Revenue* (Berkeley: University of California Press, 1988), p. 105.

ему преследовать собственные цели под предлогом заботы о стране. Она дает политическим элитам возможность консолидировать влияние, отвлечь внимание от внутренних проблем и объединить общественное мнение в поддержке действующих правителей. В драме «Генрих IV» (часть 2) Уильям Шекспир со свойственной ему образностью показал политические возможности войны. Вот сцена, когда старый король вызывает сына и объясняет, какую политическую пользу может принести заграничный поход:

У всех, кого я в качестве друзей
Тебе препоручаю, лишь недавно
Я вырвал жала и спилил клыки.
Их мятежи мне дали власть. Их бунты
Всегда могли свалить меня. Одних
Я устранил с пути. Других вниманье
Хотел отвлечь войной в святой земле.
Поставь себе за правило, мой Гарри:
Наполни беспокойные умы
Походами, заморскими делами,
Отправь подальше шумных непосед
И на чужбине дай им развернуться,
Чтоб прошлое забвеньем поросло¹.

«Наполнить беспокойные умы походами и заморскими делами» — испробованный политический прием. Он один и тот же везде: на Востоке и на Запа-

¹ Шекспир. Генрих IV. Часть 2, действие 4, сцена 5 (перевод Б. Пастернака).

де, на Севере и на Юге, в демократиях и диктатурах. Это инструмент власти. И он во многих случаях работает.

Кто несет ответственность?

Организованное насилие обходится очень дорого: за него расплачиваются жизнями, свободой и материальным благополучием. Оно редко соответствует критерию рациональной обоснованности. И после войны справедливость тоже редко торжествует. Победенных карают, но победители редко предстают перед судом за то, что они сделали со своими жертвами. Так было во все времена. Один из величайших борцов за соблюдение законности, римский философ и сенатор Катон Младший, публично обвинил в тяжком военном преступлении Юлия Цезаря, одного из самых беспощадных убийц в истории. Вот как историк Плутарх описывает эту достойную внимания сцену в римском сенате: «Когда Цезарь, отважно вторгшись в земли воинственных племен, одержал победу и распространился слух, будто он напал на германцев во время перемирия и перебил триста тысяч, все считали, что народ, в благодарность за радостную весть, должен принести жертвы богам и справить праздник, и только Катон настоятельно советовал выдать Цезаря тем, кто пострадал от его вероломства, не брать ответственность за преступление на себя и не возлагать ее на государство. “Нет, — воскликнул он, — давайте за то поблагодарим богов жертвами, что безумие

и безрассудство полководца они не вменили в вину воинам и по-прежнему щадят наш город!»¹.

15

Нечего и говорить, что Цезаря не взяли под стражу и не выдали немногим уцелевшим германцам. Им не предоставили возможности покарать Цезаря за массовое убийство соплеменников. А сам Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» открыто одобряет собственное поведение. Вот, в частности, что он рассказывает (повествуя о себе в третьем лице). К Цезарю явилась мирная делегация германских вождей; он ее задержал и, пользуясь случаем, напал на вражеский лагерь. Не ожидавшие этого германские воины попробовали было сопротивляться. «Но, — продолжает Цезарь, — вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную; в погоню за ними Цезарь послал конницу. Когда германцы услышали у себя в тылу крик и увидали избивание своих, то они побросали оружие, оставили знамена и кинулись из лагеря; но, добежав вплоть до того места, где Моса [Маас] сливается с Рейном, должны были отказаться от дальнейшего бегства: очень многие из них были перебиты, уцелевшие бросились в воду и погибли, не справившись ни со своим страхом и утомлением, ни с силой течения. Наши все до одного, за исключением весьма немногих раненых, благополучно вернулись в лагерь, избавившись от очень

¹ Плутарх. Катон 51 [Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. М., 1994. С. 252].

опасной войны, так как число неприятелей доходило до четырехсот тридцати тысяч»¹.

Многие ли сегодня знают, что Юлий Цезарь лично руководил хладнокровным истреблением сотен тысяч людей, совершенным в один день? Один лишь Катон-стойк осудил преступление Цезаря и впоследствии заплатил за это жизнью. После Второй мировой войны за преступления судили побежденных, но, как и следовало ожидать, мало внимания было уделено преступному поведению государственных деятелей и военнoслужаших стран-победительниц. В первую очередь это относится к СССР, но также к китайским режимам (гоминдановскому и коммунистическому), к США и Великобритании. В двух последних странах прошло несколько заседаний военных судов, но они редко выносили обвинительные приговоры за убийство военнопленных².

Война — организованное насилие. Она разрушительна, а не созидательна; она несет смерть, а не жизнь; она служит неподотчетной власти и враждебна свободе.

Тысячи лет тому назад неизвестный поэт написал сочинение «Состязание Гомера и Гесиода», изобразив

¹ Цезарь. Записки о Галльской войне IV 14—15 [Записки Юлия Цезаря. М., 1993, с. 76].

² Чтение отчетов о разгуле насилия в эти годы — тяжелое занятие. Войну развязали страны Оси (вместе с советскими союзниками Германии). Некоторые военные и политические лидеры стран Оси понесли заслуженное наказание, но вина за убийства лежала не только на них. В большинстве своем преступления остались совершенно безнаказанными, — как это вообще свойственно войнам.

в нем состязание двух основоположников поэзии Западной цивилизации. Гомеру принадлежит «Илиада», образцовая военная поэма, начинающаяся словами: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына»¹. Гесиод — автор поэмы «Труды и дни», в которой повествуется о том, как вести трудолюбивую и достойную жизнь. Анонимное сочинение о двух поэтах талантливо задумано: один поэт начинает, цитируя строки из своего знаменитого произведения, другой продолжает своими подходящими строками. Гесиод говорит мирно и обыденно, Гомер — воинственно и возвышенно.

Когда состязание подошло к концу, «все эллины воскликнули, что победителем должен быть признан Гомер. Но царь Панед потребовал, чтобы каждый из поэтов продекламировал самый лучший отрывок из своих стихов. И Гесиод произнес следующие строки:

Лишь на востоке начнут всходить
Атлантиды-Плеяды,
Жать поспешай; а начнут заходить —
за посев принимайся... (393—394)

А Гомер на это:

Щит со щитом, шишак с шишаком,
человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми
бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах... (XIII 131—133)

¹ Здесь и далее «Илиада» цитируется в переводе Н. Гнедича, а «Труды и дни» в переводе В. Вересаева. — *Прим. перев.*

И вновь элины восхищенно приветствовали Гомера, ибо стихи его неизмеримо превышали обычный уровень; и потребовали они, чтобы Гомер был объявлен победителем. Но царь отдал приз Гесиоду, объявив, что получить его должен тот, кто призывает людей к миру и земледелию, а не тот, кто поет им о войнах и побоищах»¹.

Настало время превозносить достоинства мира, сотрудничества и трудолюбия, торговли и коммерции, науки и знания, любви и красоты, свободы и справедливости. Пора оставить позади пороки войны — раздоры и разрушения, грабежи и конфискации, цензуру и запреты, ненависть и страх, насилие и беззаконие. В современном мире, миролюбивом и стремящемся к процветанию, приз должен достаться тем, кто призывает людей к миру, а не к войне и убийству.

Свобода и мир

Свобода и мир. Именно это предлагают либералы. Свобода и мир — дело сознательного выбора. Они вызвали и продолжают вызывать миллиарды людей из нищеты и страданий. Выбор в пользу свободы и мира — правильный выбор взрослых людей. В этом

¹ Unknown author, «Of the Origin of Homer and Hesiod, and of their Contest», in Hesiod, the Homeric Hymns, and Homerica, trans. by Hugh E. G. Evelyn-White (Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1914), pp. 585—587. [Лукач Ю. Состязание Гомера и Гесиода. <http://www.poezia.ru/article.php?sid=108461>].

выборе есть смелость; в нем есть порыв; в нем есть дерзание; в нем есть величие и славный облик, которые неизмеримо выше тех чудовищно искаженных их образов, которые предлагает война. Предпринимательство, процветание, гражданское общество, дружба, достижения, продуктивность, искусство, знание, красота, любовь, семья, удовлетворенность, полнота жизни, счастье — все это дается миром и разрушается войной.

Тем же, кто сетует, что мирное существование слишком «скучно», тем, кто тоскует по вражде, раздору, насилию, много лет назад ответил великий классик либерализма Бенжамен Констан: «Разве мы существуем только для того, чтобы вымостить нашими мертвыми телами вашу дорогу к славе? У вас есть вкус к войне: но нам-то какая от него польза? Вам скучно в спокойное мирное время. Но нам-то что за дело до вашей скуки?»¹

Человеческая история переполнена войной и убийством. Пора, наконец, вручить приз не тем, кто твердит о войне и убийстве, а тем, кто предан миру и мирному труду.

¹ Benjamin Constant, «The Spirit of Conquest and Usurpation and their Relation to European Civilization», — *Constant, Political Writings*, Biancamaria Fontana, ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 82.

2

СТИВЕН ПИНКЕР

Отступление войны и концепции человеческой природы

Возможно, в это трудно поверить, но войны идут на спад. Что свидетельствует об этом замечательном факте и каковы его причины? Стивен Пинкер — профессор психологического факультета Гарвардского университета. Занимается исследованиями в области языка и проблем сознания. Публикуется в «*New York Times*», «*Time*» и «*The New Republic*». Автор восьми книг, в том числе: «*The Language Instinct*» («Язык как инстинкт», см. рус. пер.), «*How the Mind Works*» («Как работает сознание»), «*Words and Rules*» («Слова и правила»), «*The Blank State*» («Чистый лист»), «*The Stuff of Thought*» («Содержание мысли»). Самая последняя — «*The Better Angels Of Our Nature: Why Violence Has Declined*» («Добрые ангелы нашей природы: почему насилия стало меньше»).

Насколько можно судить, война отступает. За две трети столетия, прошедшие после Второй мировой войны, великие державы, да и вообще развитые страны за редчайшими исключениями не сталкивались

на поле боя, — беспрецедентное явление в истории (Holsti 1986; Jervis 1988; Luard 1988; Gaddis 1989; Mueller 1989, 2004, 2009; Ray 1989; Howard 1991; Keegan 1993; Payne 2004; Gat 2006; Gleditsch 2008; обзор см. в: Pinker 2011, глава 5). Вопреки прогнозам экспертов, США и СССР не начали третью мировую войну, а великие державы не вели боевых действий друг против друга со времен окончания Корейской войны в 1953 г. После 600-летнего периода, в течение которого страны Западной Европы каждый год начинали две новые войны, с 1945 г. они не начали ни одной. Если взять самые богатые страны всего мира, а их примерно сорок, то и они не вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Еще один приятный сюрприз: после окончания «холодной войны» в 1989 г. количество войн всех видов во всем мире сократилось (Human Security Centre 2005; Lacina, Gleditsch, and Russett 2006; Human Security Report Project 2007; Gleditsch 2008; Goldstein 2011; Human Security Report Project 2011; обзор см. в: Pinker 2011, глава 6). Войны между государствами стали крайне редким явлением, а число гражданских войн, возрас-
 19 ставшее в 1960—1990-х годах, уменьшилось. Общемировой уровень смертности от межгосударственных и гражданских войн вместе взятых также неуклонно снижается: почти 300 человек на 100 тысяч жителей планеты во время Второй мировой войны, почти 30 во время Корейской войны, немного больше 10 в эпоху Вьетнамской войны, меньше 10 в 1970—1980-х годах и менее одного в XXI в.

Насколько серьезно следует относиться к данным, свидетельствующим об отступлении войны? Что это — статистическая аберрация, случайное и преходящее везение? Результат некорректной методики, избранной для подсчета войн и их жертв? Период временного затишья в неумолимом круговороте вещей — затишье перед бурей, разлом Сан Андреас перед Великим землетрясением, сухостой, готовый вспыхнуть от тлеющего окурка? На эти вопросы нет точных ответов. В данной статье я рассмотрю их сквозь призму свойств человеческой природы.

Многие эксперты сомневаются, что война в принципе может отступить: человеческая природа, говорят они, не изменилась, и нам по-прежнему свойственна врожденная склонность к насилию, которая постоянно порождает войны в нашей истории. Врожденная агрессивность существует, и доказательств тому достаточно: мы наблюдаем повсеместную агрессивность у приматов и вездесущее насилие в человеческих обществах — убийства, изнасилования, домашнее насилие, восстания, разбои, междоусобицы. Кроме того, есть веские основания полагать, что в ходе эволюции нашего вида некоторые гены, гормоны, отделы мозга и само давление естественного отбора способствовали насилию (обзор этих вопросов см. в: Pinker 2011, главы 2, 8 и 9). Всего за два поколения людей, которые достигли зрелости с 1945 г., это воздействие не могло стать прямо противоположными и аннулировать результаты нескольких миллионов лет эволюции гоминид.

Поскольку наша биологическая тяга к войне никуда не делась, то, согласно этой логике, любые мирные интерлюдии будут преходящи. Тех, кто не считает, что отступление войны — это статистический артефакт или полоса везения, принято называть романтиками, идеалистами и утопистами. Немногочисленные поклонники Руссо и правда глубоко уверовали в его теорию, считая, что изначальная склонность к насилию не присуща человеческой природе: мы, говорят они, — безволосые бонобо (так называемые «шимпанзе-хиппи»), мы наполнены окситоцином и наделены нейронами сочувствия, которые естественным образом делают нас миролюбивыми.

Я не думаю, что мы — «шимпанзе-хиппи», но считаю, что отступление войны — это реальный факт. Как записного реалиста школы Гоббса меня несколько не смущает утверждение, что отступление войны вполне совместимо с неромантическим взглядом на природу человека. В книге «Чистый лист» («The Blank Slate», 2002) я отмечал, что наш мозг сформировался в ходе естественного отбора и усвоил в числе прочих свойств такие импульсы, как жадность, страх, месть, ярость, мачизм, трайбализм и самообман. Каждый из них по отдельности или в той или иной комбинации способен побудить наш род к насилию. Тем не менее я намерен показать, что это не слишком лестное мнение о человеческой природе несколько не мешает считать отступление войны реальной и, возможно, устойчивой тенденцией в человеческой истории.

Четыре причины,
по которым отступление войны
совместимо с реалистическим
взглядом на человеческую природу

1. Произошли удивительные вещи

Снижение, а иногда и полное исчезновение насилия определенных видов отнюдь не является чем-то экстраординарным в человеческой истории. В моей книге «The Better Angels Of Our Nature: Why Violence Has Declined» («Добрые ангелы нашей природы: почему насилия стало меньше») (Pinker 2011) и в книге Джеймса Пейна «A History of Force» («История силы») (Payne 2004) приведены десятки таких случаев. Вот некоторые примеры.

- В анархических племенных обществах уровень военной смертности был, вероятно, раз в пять выше, чем в первых государствах.
- Во всех ранних цивилизациях человеческие жертвоприношения были обычной практикой; к настоящему времени они совершенно исчезли.
- Уровень смертности от насилия в Европе со Средних веков до XX в. сократился по меньшей мере в 35 раз.
- В ходе гуманитарной революции во второй половине XVIII в. все крупные страны Запада отменили пытки как вид уголовного наказания.
- В прошлом в европейских странах смертной казнью карались сотни видов преступлений, — даже

такие мелкие, как кража кочана капусты или неодобрительное высказывание о королевском парке. Начиная с XVIII в. смертная казнь стала назначаться только за государственную измену и особо тяжкие уголовные преступления; в XX в. она была отменена во всех демократиях Запада, кроме США. Но и в США 17 из 50 штатов отменили смертную казнь, а в оставшихся число казненных (по отношению к численности населения) составляет ничтожную долю того, что было в колониальный период.

- Некогда рабство было повсюду совершенно законным институтом. В XVIII в. началась кампания за отмену рабства; она распространялась по всему миру и завершилась в 1980 г., когда рабство было запрещено в Мавритании.
- В результате гуманитарной революции были также упразднены охота на ведьм, религиозные преследования, дуэли, кровавые зрелища и долговые тюрьмы.
- Некогда в США линчевали в среднем 150 чернокожих в год. В первой половине XX в. эта цифра упала до нуля.
- Телесные наказания детей — узаконенная порка в школах, шлепки и оплеухи дома — в большинстве стран Запада практически исчезли, а в некоторых из этих стран запрещены законом.
- С 1970-х годов уровень преступности, связанной с насилием, — убийств, изнасилований, домашнего насилия, насилия над детьми и преступлений

на почве ненависти — резко сократился (в ряде случаев почти на 80%).

Учитывая эти объективно установленные факты, невозможно утверждать, что человеческая природа не допускает снижения уровня насилия. Разумеется, допускает. Вопрос только в том, как это происходит.

2. Человеческая природа многогранна

22

Люди склонны сводить человеческую природу к одной сущности и потом спорить, что же это за сущность. Низки мы или благородны, соответствуем представлениям Гоббса или представлениям Руссо, обезьяны или ангелы? При таком упрощенном подходе мы должны быть либо склонными к насилию, поскольку регулярно к нему прибегаем, либо миролюбивыми, поскольку способны жить мирно.

Но мозг — невероятно сложный орган, состоящий из многих анатомически и химически разнородных участков. По мнению большинства психологов, человеческая природа не единообразна; она охватывает множество различных умственных способностей, элементов, органов, внутренних импульсов и прочих подсистем. Одни подсистемы могут толкать нас к насилию, а другие — удерживать от него.

Насилие порождается четырьмя основными видами мотивации, каждым из которых заведуют разные нейробиологические системы.

Эксплуатация. Насилие используется как средство достижения цели. Скажем, наносится вред людям,

которые мешают некоему лицу достичь желаемого. Примеры — грабеж, завоевание, изгнание или уничтожение местного населения, убийство или заключение в тюрьму политических или экономических соперников.

Господство. У отдельно взятых индивидов — стремление возглавить иерархию подчинения и стать вожаком стаи; у групп — стремление к племенному, этническому, расовому, национальному или религиозному превосходству.

Месть. Убеждение, что человек, задевший чьи-то интересы или достоинство, заслуживает наказания.

Идеология. Системы массовых убеждений, насаждаемые с помощью неявного внушения, идеологической обработки или прямого насилия; как правило, строятся на утопических представлениях. Примеры: национализм, фашизм, нацизм, коммунизм и воинствующие религии. Поскольку утопия есть мир, обещающий быть безгранично и вечно благим, против тех, кто мешает идти к светлому будущему, допускается применять насилие в любом масштабе, согласно поговорке: «Нельзя приготовить яичницу, не разбив несколько яиц» (или «лес рубят — щепки летят»).

Против этих низких побуждений действуют наши положительные, добрые способности.

Самоконтроль. Участки лобных долей головного мозга способны предвидеть долгосрочные последствия наших действий и подавлять стремление к этим действиям.

Сочувствие. Способность ощущать чужое страдание.

Нравственное чувство. Система норм и запретов, основанная на непосредственном понимании порядочности в отношении отдельных людей, верности в отношении сообщества, уважения к законной власти, сохранения чистоты и святости. Нравственное чувство способно вынуждать к соблюдению норм порядочности и тем самым делать невозможными определенные вредоносные действия. (К сожалению, оно способно быть и причиной насилия, поскольку может рационализировать воинственные идеологии, основанные на трайбализме, пуританстве и авторитаризме.)

Мышление. Когнитивный процесс, позволяющий нам проводить объективный беспристрастный анализ.

Таким образом, совершение актов насилия зависит от взаимодействия перечисленных способностей; само строение человеческой природы не обрекает наш род на неизменный уровень насилия.

В частности, решение начать войну может быть спровоцировано любым сочетанием мотивов, подразумевающих насилие. Если этому решению не противостоят никакие мотивы, препятствующие насилию, тогда тот, кто его принимает, должен мобилизовать воинственную массу, подстегивая агрессивные поползновения соотечественников и, напротив, подавляя мирные настроения. Таким образом, реальное развязывание войны зависит от того, будут ли многочисленные психологические процессы последовательно развиваться, не встречая противодействия со стороны других психологических процессов, которые распределены по социальным сетям, связывающим многих других людей.

Нет никакого основания считать, что соотносительная сила этих соперничающих влияний должна оставаться неизменной в ходе человеческой истории.

3. Обусловленные компоненты человеческой природы

Многие компоненты человеческой природы носят обусловленный (зависящий от влияния среды), а не гидравлический (гомеостатический) характер. Подозрение, что перерыв в войнах, вероятно, является эфемерным, часто основано на ментальной модели, в которой тяга к насилию понимается как гидравлическая сила. Эту тягу в лучшем случае можно переключить или перенаправить, но бесконечно держать ее под спудом невозможно. Гидравлическая модель человеческой мотивации глубоко укоренена в нашем представлении о насилии. Научный статус этой модели придали психоанализ, этология и бихевиоризм (под видом снижения интенсивности влечений); кроме того, она согласуется с кибернетической концепцией гомеостаза, в которой цепь обратной связи удерживает систему в постоянном равновесии, противодействуя любому дисбалансу. Согласуется она и с нашим субъективным опытом: человек не может бесконечно обходиться без пищи, воды или сна; ему очень трудно сдерживать сексуальное желание, нарастающие позывы зевнуть, чихнуть, почесаться или справить нужду.

Однако было бы большой ошибкой считать все реакции человека гомеостатическими. Многие из них имеют адаптивный, ответный или обусловленный

характер: они запускаются разными комбинациями факторов воздействия среды, когнитивного и эмоционального состояния. Возьмем, например, эволюционно обусловленную боязнь высоты, змей, заточения, глубокой воды или пауков. Даже если страх перед змеями имеет врожденный характер, человек может прожить всю жизнь, не испытав этого страха, если не встретится со змеей. Можно упомянуть еще дрожь, сильную влюбленность или любовную ревность.

Мотивация насилия тоже не всегда гомеостатична. Нет никаких оснований полагать, что потребность причинить кому-то вред постепенно накапливается и требует периодического выхода. Насилие связано со значительным риском увечья и даже смерти, если человек защищается, если он или его родственники мстят или если его вынуждают к превентивным действиям. Согласно теории естественного отбора механизмы приспособления меняются, когда потенциальные издержки превышают потенциальную пользу. Гидравлическая тяга к насилию вряд ли может меняться, а вот обусловленные обстоятельствами позывы могут. В числе этих обстоятельств можно упомянуть хищничество и эксплуатацию, когда представляется возможность эксплуатировать жертву без особого риска; доминирование, когда чей-либо мужской престиж внезапно ставится под вопрос в глазах значимой аудитории; мстительность, т.е. осуществление наказания с целью окончательно пресечь оскорбления или физический ущерб; ярость, когда некто, долго представлявший угрозу, вдруг оказывается в уязвимом

положении. Если эти обстоятельства не реализуются, — допустим, человек ведет упорядоченную жизнь мирного обывателя и не сталкивается с серьезными угрозами и оскорблениями, — тогда любая склонность реагировать на них насилием будет пребывать в таком же «спящем» состоянии, как страх перед ядовитыми змеями. Та же чувствительность к изменению условий может, при соответствующем стечении обстоятельств, заглушить у политических лидеров всякое стремление втянуть свои страны в войну.

25 4. Человеческое познание —

открытая генеративная система

Среди различных психологических способностей, которые могут удерживать нас от насилия, особое место занимает когнитивный аппарат, позволяющий человеку мыслить. Разум — это комбинаторная система, способная порождать огромное количество четких мыслей. Подобно тому как из десятков тысяч слов, содержащихся в наших словарных запасах, можно с помощью правил синтаксиса составить триллионы предложений, так с помощью когнитивного процесса из даже еще большего числа понятий, содержащихся в нашей умственной кладовой, можно составить неисчислимое множество связных мыслей (Pinker 1994; 1997; 1999). В этом пространстве доступных человеческому разуму идей находятся убеждения, история, религия, идеология, суеверия, а также интуитивные и формализованные теории, которые возникают в результате наших размышлений и распространяются с помощью языка

в наших социальных сетях, где затем обрабатываются, обновляются и сочетаются. При наличии адекватной социальной инфраструктуры — грамотности, открытости дискуссий, мобильности людей и идей, признанного господства логической корректности и эмпирической проверки — в этой фоновой среде периодически могут рождаться научные открытия, глубокие математические истины и полезные изобретения.

Благодаря своим когнитивным способностям наш вид превозмог бедствия болезней и голода; при помощи тех же способностей он может совладать и с бедствием войны. Военные трофеи — бесспорно, соблазнительная вещь. Но рано или поздно люди неизбежно осознают, что в долгосрочной перспективе победители и побежденные меняются местами, а потому все только выиграют, если каким-то образом договорятся одновременно сложить оружие. Проблема в том, как побудить другого опустить оружие одновременно с тобой: односторонний пацифизм делает страну уязвимой для агрессии все еще воинственных соседей.

Не нужно сильно напрягать воображение, чтобы признать: к решению этой проблемы постепенно подключаются изобретательность и опыт человечества, точно так же как они шаг за шагом устраняли голод и болезни. Вот некоторые плоды человеческого познания, которые отнимали у лидеров и народов желание вступать в войну.

- Появление института государства снизило привлекательность ориентированного на эксплуатацию

насилия за счет того, что уголовное наказание сводит на нет ожидаемую выгоду. Это, в свою очередь, ослабляет желание потенциальной жертвы применить превентивные меры к потенциальным агрессорам, принять угрожающий вид, чтобы удержать их от нападения или отомстить после него.

- Ограничение полномочий государства, в том числе с помощью демократического механизма, запрещает государству использовать в отношении граждан больше насилия, чем необходимо для предотвращения преступлений.
- Инфраструктура коммерции, благодаря которой покупка вещей становится дешевле, чем грабеж, а другие люди имеют бóльшую ценность живыми, чем мертвыми.
- Международное сообщество, способное распространять нормы ненасильственного сотрудничества, представляющие собой более широкие аналоги тех норм, которые позволяют людям сосуществовать в быту и на работе.
- Межгосударственные организации, способные поощрять коммерцию, разрешать споры, разделять воюющие стороны, предотвращать нарушения и наказывать агрессоров.
- Дозированная реакция на агрессию: экономические санкции, международная изоляция, предупредительные заявления, тактика ненасильственного сопротивления и пропорциональные контрудары — в отличие от безоговорочного возмездия.

- Примириительные меры: церемонии, памятники, комиссии по установлению исторической истины, формальные извинения — все, что способствует компромиссу между бывшими врагами, сдерживая их стремление отплатить друг другу по каждому пункту.
- Гуманистические контридеологии — права человека, всеобщее братство людей, расширение взаимопонимания и осуждение войны, — способные конкурировать на рынке идей с национализмом, милитаризмом, реваншизмом и утопическими идеологиями.

Эти и другие когнитивные инструменты, насколько можно судить, снизили вероятность того, что постоянные трения, характерные для человеческих взаимоотношений, будут приводить к военным конфликтам (Russett, Oneal 2001; Long, Brecke 2003; Mueller 2004; Mueller 2010; Gleditsch 2008; Goldstein 2011; Human Security Report Project 2011). Многие из этих плодов человеческой изобретательности присутствуют в теориях «либерального», или «кантовского», мира, и упомянуть этого мыслителя эпохи Просвещения здесь вполне уместно. Подобно другим знаменитым политическим мыслителям Века разума и Просвещения, например Локку, Юму и Спинозе, Кант размышлял и об условиях, позволяющих отказаться от насилия, и о комбинаторных механизмах человеческого познания. Такое сочетание психологических и политических интересов, я думаю, не случайно.

Заключение

Только время покажет, действительно ли отступление войны является устойчивой переменной в состоянии человечества, а не временным затишьем или статистической флуктуацией. Надеюсь, однако, что по крайней мере один из источников скепсиса относительно реальности этого отступления мне удалось устранить: это интуитивное представление о том, что заложенная в человеческой природе склонность к насилию делает такое отступление невозможным. Несомненно не только то, что снижение уровня насилия в истории человечества подтверждено целым рядом фактов, но и то, что оно вполне совместимо с несентиментальным взглядом на несовершенство человеческой природы. Современная концепция человеческой природы, основанная на когнитивной науке и эволюционной психологии, утверждает, что наш вид, при всех его недостатках, способен обуздывать свои низменные наклонности. Человеческая природа не определяется одним качеством или импульсом: это сложная система. Она состоит из многих элементов и включает как механизмы, ведущие к насилию, так и механизмы, ему препятствующие. Кроме того, механизмы, порождающие насилие, не являются непреодолимыми гидравлическими силами: это условные, способные со временем меняться, реакции на конкретные обстоятельства. Один из механизмов, препятствующих насилию, — это открытая комбинаторная система, способная генерировать бесконечное количество идей. И в числе

этих идей — институты, позволяющие снижать вероятность войны.

Литература

- Gaddis, John Lewis. (1989) *The Long Peace*. New York: Oxford University Press.
- Gat, Azar. (2006) *War in Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press.
- Gleditsch, Nils Petter. (2008) "The Liberal Moment Fifteen Years On," *International Studies Quarterly* 52(4): 691—712.
- Goldstein, Joshua S. (2011) *Winning the War on War*. New York: Dutton.
- Holsti, Kalevi J. (1986) "The Horsemen of the Apocalypse," *International Studies Quarterly* 30(4): 355—372.
- Howard, Michael. (1991) *The Lessons of History*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Human Security Centre. (2005) *Human Security Report 2005*. New York: Oxford University Press.
- Human Security Report Project. (2007) *Human Security Brief 2007*. Vancouver, BC: HSRP.
- Human Security Report Project. (2011) *Human Security Report 2009/2010*. New York: Human Security Report Project.
- Jervis, Robert. (1988) "The Political Effects of Nuclear Weapons—A Comment," *International Security* 13(2): 80—90.
- Keegan, John. (1993) *A History of Warfare*. New York: Vintage.
- Lacina, Bethany, Nils Petter Gleditsch, and Bruce Russett. (2006) "The Declining Risk of Death in Battle," *International Studies Quarterly* 50(3): 673—680.
- Long, William J., and Peter Brecke. (2003) *War and Reconciliation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Luard, Evan. (1988) *The Blunted Sword*. New York: New Amsterdam Books.

- Mueller, John. (1989) *Retreat from Doomsday*. New York: Basic Books.
- Mueller, John. (2004) *The Remnants of War*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Mueller, John. (2009) "War Has Almost Ceased to Exist," *Political Science Quarterly* 124(2): 297—321.
- Mueller, John. (2010) "Capitalism, Peace, and the Historical Movement of Ideas," *International Interactions* 36(2): 169—184
- Payne, James L. (2004) *A History of Force*. Sandpoint, ID: Lytton 52(4): 691—712.
- Pinker, Steven. (2002) *The Blank Slate*. New York: Viking.
- Pinker, Steven. (1994) *The Language Instinct*. New York: HarperCollins.
- Pinker, Steven. (1997) *How the Mind Works*. New York: Norton.
- Pinker, Steven. (1999) *Words and Rules*. New York: HarperCollins.
- Pinker, Steven. (2011) *The Better Angels of Our Nature*. New York: Viking.
- Ray, James L. (1989) "The Abolition of Slavery and the End of International War," *International Organization* 43(3): 405—439.
- Russett, Bruce, and John Oneal. (2001) *Triangulating Peace*. New York: Norton.

3

ЭММАНУЭЛЬ МАРТЕН

Экономическое обоснование мира: почему богатые соседи — это очень добрая весть

Если один выигрывает, должен ли кто-нибудь другой 29
обязательно проигрывать? Оборачивается ли выигрыш
одной страны потерями для других стран? Эммануэль
Мартен — экономист, главный директор Института
экономический исследований — Европа. Он организует
различные программы в Европе и Африке, является осно-
вателем и редактором *UnMondeLibre.org* и *LibreAfrique.org*. Публикуется в таких изданиях, как «Le Cercle des
Échos» и «Les Échos» во Франции, «Il Foglio» в Италии,
«L'Écho» в Бельгии, «Libération» в Марокко и «The Wall
Street Journal—Europe».

*Война стоит стране больше, чем прямые
расходы на войну; в убыток следует вклю-
чать все то, что могло бы быть приобре-
тено, если бы не война¹.*

Жан-Батис Сэй

¹ Jean-Baptiste Say, *A Treatise on Political Economy* (Philadelphia: Lippincot, Grambo & Co.), Book III, chapter 6,

Выигрывающие и проигрывающие

Многие убеждены, что если кто-то получает прибыль, кто-то другой обязательно несет убыток. Они убеждены, что между людьми итоговая сумма приобретений и потерь равна нулю: на каждый выигрыш одних приходится обусловленная им и равнозначная потеря других. Соответственно, когда сторонники этого убеждения видят, что кто-то преуспевает, они ищут того, кто должен нести потери. Если бы процветание было возможно только таким образом, социальные конфликты были бы повсеместными, а война — неизбежным явлением.

К счастью, можно преуспевать и так, чтобы не причинять потерь другим. Современный мир служит убедительным свидетельством того, что доходы выросли практически повсюду. По сравнению с прошлым, жизнь все большего числа людей стала более продолжительной, более здоровой и богатой. Растет не просто количество благополучных людей; растет процент мирового населения, повышающего свое благосостояние.

Есть, конечно, определенный класс ситуаций, в которых выигрыш одного неизбежно оборачивается ущербом для другого. Если, например, вор что-то крадет, его прибыль происходит за счет обворованного. Но выигрывать можно не только путем воровства: выигрыш приносят работа, инновации, открытия, инвестиции и обмен.

§51. <http://www.econlib.org/library/Say/sayT39.html#Bk.III,Ch.VI>

Один из самых видных экономистов в истории четко и ясно объяснил, как выигрыш одного человека может быть и выигрышем другого. Тем самым он объяснил не только экономические основания материального преуспевания, но и экономические основания мира. Жана-Батиста Сэя (1767—1832) иногда называют «французским Адамом Смитом». На самом же деле он не ограничился популяризацией идей Смита, а значительно развил их.

Как и Смит, Сэй критиковал войну, колониализм, рабство и меркантилизм; а приветствовал он мир, независимость, освобождение и свободу торговли. Но в ряде отношений Сэй пошел дальше Смита. Он объяснил, что услуги имеют ценность (более того, ценность материальных товаров определяется услугами, которые они нам доставляют) и что создание одних товаров и услуг является источником спроса на другие товары и услуги. Эту связь иногда называют «законом рынков Сэя». Вывод Сэя очень важен, причем не только в «макроэкономическом» плане, но и в плане социальных отношений в целом и международных отношений в частности. Если люди могут свободно торговать, то рост богатства одной стороны не причиняет вреда ее торговым партнерам, а, напротив, способствует их благополучию. Происходит это потому, что рост благосостояния одного торгового партнера приводит к повышению спроса с его стороны на товары и услуги других.

Недрузи свободного рынка, в первую очередь экономические националисты и меркантилисты, утверждают, что если одна страна становится

богаче, это непременно происходит за счет других. Весь мир они рассматривают с точки зрения «нулевой суммы», т.е. считают, что итоговая сумма выигрышей равна нулю: если один выигрывает (находится «в плюсе»), кто-то другой непременно проигрывает (находится «в минусе»). Сэй показал ошибочность этой схемы. Его вывод принципиально важен для дела мира, ибо он гласит: страны могут процветать совместно, поскольку свободная торговля приносит обоюдную выгоду. Торговля — игра с «положительной суммой», при которой итоговая сумма выигрышей положительна. Напротив, конфликты и войны хуже ситуаций с нулевой суммой, т.е. когда выигрыш одной стороны равен потере другой. Войны почти всегда являются «играми с отрицательной суммой», поскольку сумма потерь в них выше любых выигрышей. Иными словами, в войне обе стороны терпят убытки.

Мир производителей-потребителей

Нации на собственном опыте убедятся, что они действительно не заинтересованы в войне друг с другом, ибо они несомненно испытывают все бедствия, связанные с поражением, а выгоды победы остаются совершенно иллюзорными¹.

Жан-Батист Сэй

¹ Say, *Treatise*, Book III, chapter 6, §54. <http://www.econlib.org/library/Say/sayT39.html#Bk.III,Ch.VI>.

Сэй объяснил, что при рыночной экономике людей следует рассматривать одновременно и как производителей, и как потребителей. Производить значит «придавать вещам ценность, наделяя их полезностью»¹. Развитие производства измеряется способностью производить новые продукты и снижать цены уже существующих. Производство большего количества товаров означает, что цены на них будут ниже, чем в противном случае, а это, в свою очередь, означает, что у потребителей остается добавочная покупательная способность на приобретение других товаров.

Сэй указывал, что в процессе создания «полезности» ключевую роль играет предприниматель. Сэй сам был предпринимателем и понимал, что значит быть «предприимчивым», т.е. способным «предпринимать» новые дела и жертвовать всем прочим ради эффективного производства товаров и услуг. (Собственно, это и называется «сокращением издержек» производства.) Сэй разъяснил, насколько важна роль предпринимателей на рынке. Предпринимателей очень часто изображали такими гениями-провидцами, которые обладают сверхъестественными способностями и совершенным знанием рынков, технологий, продуктов, вкусов, людей и т.д. Но Сэй показал, что элементы

¹ Jean-Baptiste Say, *Catéchisme d'économie politique* (Paris: Guillaumin et Cie, libraires, Sixieme edition, 1881), p. 9: «Produire, c'est donner de la valeur aux choses en leur donnant de l'utilité». В английском издании этого предложения нет.

предпринимательской деятельности присущи всем нам, в том числе и самым «рядовым» среди нас.

Предприимчивость может, например, заключаться в поиске способов удешевления производства, которое «высвобождает» ресурсы, недостающие для выполнения других задач. О том, как увеличить производство и снизить затраты, думают все: заводской рабочий, который старается выполнить норму за меньшее время; фермер, который хочет получить хороший урожай при максимальном сокращении времени на обработку земли; ресторатор, принимающий в расчет, когда люди уходят с работы, и сообразующий процесс приготовления пищи с этим временем. Организация обменов — тоже форма производства: она делает недостающие продукты доступными в том месте и в то время, где и когда они в противном случае не оказались бы; это повышает ценность того, что предлагают обе стороны, и побуждает их к заключению сделки¹.

¹ Кроме того, Сэй подчеркивал значение мирной конкуренции среди соперничающих производителей и потребителей. Рыночная конкуренция — это *процесс*, двигателем которого служит инновационная активность предпринимателей. Цены выполняют роль сигналов — показывают экономическим игрокам выгодные направления. Кроме того, это обучающий процесс: он осуществляется путем проб и ошибок и приносит потребителям новые, более совершенные продукты и другие выгоды. Главное условие для конкуренции — свобода доступа на рынок. Поэтому Сэй столь решительно выступал против привилегированных гильдий, государственных концессий, особых условий для компаний, т.е. против всего того, что ограничивает рынки и создает монополии.

«Закон Сэя» и взаимная выгода

Влиятельная теория, помогающая понять экономическое развитие, получила название «Закон рынков Сэя». В знаменитом «Трактате по политической экономии» (1803) есть глава под названием «Débouchés» («места сбыта» — торговые точки или торговые рынки). В ней Сэй объясняет, почему «само производство создает спрос на продукты»¹, — в соответствии с принципом «продукты обмениваются на продукты» (который он формулирует ниже). Часто приписываемое Сэю выражение «предложение рождает спрос на себя» — карикатура на его идею. На самом деле он говорил именно о том, что мы наблюдаем: мир становится все более благополучным, среднемировое богатство со времен Сэя многократно выросло, бедность отступает, все большему числу людей доступны здоровье, грамотность, долгая жизнь и доступ к потребительским товарам. Одним из первых Сэй выявил причинный механизм роста всеобщего благосостояния, «эффект снежного кома», благодаря которому повышается богатство торговых партнеров. На сухом языке современной экономической науки это называется «межсекторальной теорией экономического роста»: рост одного производителя, сектора или страны приводит к увеличению рынка или спроса для других производителей, секторов или стран.

¹ Say, *Treatise*, Book I, chap. 15, §3. <http://www.econlib.org/library/Say/sayT15.html#Bk.I,Ch.XV>.

Но стоит подумать о том, как это происходит, и открывается замечательная картина.

33 Когда торговцы поставляют больше своих специальных продуктов, они создают больше полезности для других; эти другие, специализируясь на своей продукции, тоже создают больше полезности, которая способствует торговле. Покупая у другого, каждый имеет больше «покупательной способности». Если воспользоваться терминологией другого выдающегося французского экономиста, Жака Рюэффа, каждый получает больше «прав» благодаря полезности, созданной им для другого. Имея больше прав, каждый может больше приобрести у другого.

Взаимные выигрыши в процессе обмена продуктами вызывают кумулятивный эффект. Доставляя моему соседу больше полезности, я становлюсь богаче, а мой сосед становится богаче, доставляя полезность мне. Раз я стал богаче, я могу купить больше у соседа, и он тоже станет богаче. Разумеется, в маленькой или закрытой экономике возможности разделения труда и производства ограничены; но на крупных рынках для многих людей, специальностей и отраслей открываются дополнительные возможности. Как еще до Сэя указал Адам Смит, «разделение труда ограничивается размерами рынка»¹. Сэй же добавил, что «чем более

¹ Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (Indianapolis: Liberty Fund, 1979), Book I, Chap. 3, p. 31 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 79].

многочисленны производители и чем более разнообразны их продукты, тем скорее растут в числе и размерах рынки для этих продуктов»¹.

Сэй описывает обмен продуктами как игру с положительной суммой. Если, в условиях свободного обмена, мои покупатели становятся богаче, — это для меня очень добрая весть. Если же, напротив, они становятся беднее, это не только не добрая, а определенно плохая весть. Как поясняет Сэй, «успех одной коммерческой отрасли создает больше покупательных средств и, соответственно, открывает рынок для продуктов всех других отраслей; напротив, стагнация одного источника производства или торговли отзывается на всех прочих»².

Сэй указывал, что экономическое развитие — это механизм, самоподдерживающийся, основанный на (если воспользоваться современной сухой терминологией) чисто «эндогенном росте». «Размер рынка» — фактор, от которого в первую очередь зависит уровень специализации и разделения труда, — определяется внутренним состоянием рынка в том отношении, что размер рынка зависит от самого производства. Увеличение производства повышает покупательную способность; это приводит к расширению рынка, которое, в свою очередь, открывает возможности для повышения производства.

Очевидно, что работа механизма экономического развития имеет постепенный и эволюционный характер.

¹ Say, *Treatise*, Book I, chap. 15, §15.

² Ibid., §9.

Поэтому во времена Сэя население Франции «покупало и продавало во Франции в пять или шесть раз больше товаров, чем при жалком правлении Карла VI»¹. Разделение труда и специализация увеличивают количество отраслей и создают новые отрасли производства (и даже отрасли отраслей). Рыночная экономика — это непрерывно развивающийся процесс.

По сравнению с большинством экономистов его времени Сэй был оптимистом. Навязчивая идея редкости не довлела над ним. Напротив, он подчеркивал способность человека создавать продукты и богатство, разъяснял, почему такое производство служит необходимым условием подобной деятельности других. Производство и торговля — игра с положительной суммой. Поэтому для Сэя, в отличие от Томаса Мальтуса, с которым он полемизировал, редкость не была навязчивой идеей. Сэй стремился исследовать и понять экономику процветания; он отвергал мрачную мальтузианскую картину будущего человечества. Сэй оказался прав, а Мальтус — нет.

Действие закона Сэя на международном уровне

И за пределами страны, и внутри страны вредить соседу значит вредить самому себе: «Каждый человек заинтересован в общем благополучии всех, и... успех одной производственной отрасли способствует успеху

¹ Ibid., §4.

всех остальных»¹. Действительно, внутри страны мы редко слышим жалобы на процветание другого города или другой отрасли; люди, как правило, понимают, что если французские фермеры процветают, это будет хорошо для французских рабочих, и наоборот.

Подлинный источник выгод городского населения от торговли с сельским и сельского с городским в том и состоит, что чем больше они сами производят, тем больше товаров и лучшего качества могут приобрести: «Город, окруженный богатой сельской местностью, не знает недостатка в состоятельных и многочисленных покупателях; в свою очередь, соседство богатого города придает дополнительную ценность сельской продукции. Деление стран на сельские, промышленные и торговые практически ничего не объясняет. Ведь успех в сельском хозяйстве побуждает стремиться к успеху в промышленности и торговле, а цветущее состояние промышленности и торговли благоприятно сказывается на сельском хозяйстве»².

Далее Сэй показывает, что связи между странами ничем не отличаются от связей между областями или между городами и сельской местностью одной страны: «Положение страны по отношению к ее соседям тождественно положению одной из ее провинций по отношению к другим провинциям или положению сельской местности по отношению к городу.

¹ Ibid., §16.

² Ibid., §17.

Страна заинтересована в процветании соседей, поскольку их богатство гарантирует ее выгоды»¹.

То есть и в данном случае богатые соседи представляют для нас возможность продать больше и самим обогатиться.

Еще подробнее Сэй разъясняет свою точку зрения в переписке с Мальтусом. Он показывает, насколько коммерсант заинтересован в богатстве других стран или областей: «Я отнюдь не противоречу себе, когда утверждаю, что одни продукты открывают рынок сбыта для других продуктов и что средства производства, каковы бы они ни были, всегда (если им не препятствуют) применяют себя к задачам, наиболее насущным для стран, и эти насущные задачи одновременно создают новое население и новые источники удовлетворения его потребностей. Давайте оглянемся на 200 лет назад и представим, что некий торговец привез много товаров в те места, где сейчас Нью-Йорк и Филадельфия. Смог бы он их продать? Или представим, что ему удалось организовать там ферму или мастерскую. Смог бы он продать хоть какой-нибудь из своих продуктов? Нет, конечно. Ему пришлось бы самому потреблять их. Почему же сейчас мы наблюдаем совсем другую картину? Почему есть уверенность, что товары, привезенные в Филадельфию и Нью-Йорк или там изготовленные, будут проданы по текущим ценам? На мой взгляд, очевидная причина в том, что фермеры, торговцы,

¹ Ibid., §18.

а теперь и промышленники Нью-Йорка, Филадельфии и прилегающих местностей производят там или посылают туда продукты, за счет продажи которых покупают то, что поставляется из других районов»¹.

Торговые барьеры («протекционизм») как игры с отрицательной суммой

36

Многие тогда утверждали (как утверждают некоторые и сейчас), что не нужно торговать с иностранцами и что все нужно делать «дома». Сэй весьма убедительно опроверг эту точку зрения: «Возможно, нам скажут: “То, что верно в отношении нового государства, не годится для старого; в Америке было пространство для новых производителей и новых потребителей, а в стране, где и так избыток производителей, требуются только дополнительные потребители”. Позвольте мне возразить: единственными настоящими потребителями являются как раз те люди, которые сами что-то производят; только они могут купить продукты, произведенные другими. А те потребители, которые сами ничего не производят,

¹ Jean-Baptiste Say, *Letters to Mr. Malthus, on Several Subjects of Political Economy, and on the Cause of the Stagnation of Commerce. To Which is added, A Catechism of Political Economy, or Familiar Conversations on the Manner in which Wealth is Produced, Distributed, and Consumed in Society*, trans. John Richter (London: Sherwood, Neely, and Jones, 1821). Letter 1: http://oll.libertyfund.org/index.php?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1795&layout=html#chapter_99253.

могут что-то покупать лишь за счет ценности, созданной теми, кто производит»¹.

Сэй разъясняет, почему «протекционизм» саморазрушителен: это все равно, что «у дверей каждого дома взимать ввозную пошлину на одежду и обувь, — с той похвальной целью, чтобы обитатели домов делали эти вещи самостоятельно»². По современным понятиям, Сэй прекрасно представлял себе важную роль международных цепочек добавления стоимости.

Порой слышны жалобы, что у одних стран «дефицит внешней торговли», а у других — «профицит». Считается даже, что «дефицит» — безусловно плохая вещь. Сэй разъяснил ошибочность концепции «торгового баланса» — вредного наследия меркантилистской школы, ставшего причиной многочисленных войн. «Торговые войны», или «войны возмездия», ведутся исключительно ради выгоды тех немногих, которые достаточно хитры, чтобы представить в глазах общественности свои частные интересы как интересы всей страны.

Уже тогда Сэй с большим недоверием относился к тому, что мы сейчас называем «соглашениями о свободной торговле». Он выступал за политику односторонней свободы торговли: следует рассматривать все иностранные государства как соседей и друзей. Привилегированные торговые связи подразумевают нера-

¹ Say, *Letters to Mr. Malthus*, Letter 1.

² Say, *Treatise*, Book I, Chapter XVII, §55. <http://www.econlib.org/library/Say/sayT17.html#Bk.I,Ch.XVII>.

венство в отношении разных партнеров: если экспортеры из одной страны получают «концессии», значит, экспортеры из другой страны автоматически их не получают; такая ситуация служит источником конфликтов. Сэй понял, что подобные соглашения способствуют не интенсификации торговли, а просто «перенаправлению торговли», т.е. отклоняют торговые потоки от стран, не участвующих в тех или иных соглашениях.

Сэй предупреждал об опасностях субсидирования экспорта. Такая политика порождает то, что мы сейчас называем «кумовством» и «погони за рентой»: разного рода дельцы манипулируют законами к своей выгоде. Сэй критиковал «кумовской капитализм» *avant la lettre*, т.е. еще до того, как возникло само это понятие. По словам другого выдающегося французского экономиста, Фредерика Бастиа, кумовство есть, в сущности, «взаимный грабеж».

Оппонентом Сэя по вопросу свободной торговли — и мира — был не кто иной, как сам Наполеон Бонапарт. Будучи редактором журнала «*Décade Philosophique*», Сэй сначала поддержал осуществленный Бонапартом в 1799 г. государственный переворот, который положил конец Французской революции и установил режим Консульства. Сэй даже был членом Трибуната — одной из четырех высших палат Консульства. Но после того как в 1803 г. Сэй опубликовал свой «Трактат», Бонапарт, ставший в 1802 г. «пожизненным» консулом, потребовал, чтобы Сэй переписал разделы о свободе торговли и привел их в соответствие с принципами протекционизма и госу-

дарственного вмешательства в экономику. Сэй решительно отказался выполнять это требование. Интеллектуальная честность стоила ему места в Трибунате, искаженного цензурой второго издания «Трактата» и запрета заниматься журналистикой.

Бонапарт стал оппонентом Сэя и на самом что ни на есть практическом уровне. Будучи изгнан из общественной жизни, Сэй решил организовать прядильную компанию. Он обладал предпринимательскими способностями, установил новейшую гидравлическую машину, довел число рабочих до 400 и составил серьезную конкуренцию английским производителям. Но протекционистская политика Бонапарта привела к разорению компании в 1812 г. Сэй, его рабочие и их семьи на собственном опыте испытали практические последствия ошибочных идей.

Мир — основа процветания

В 1799 г. во время похода Бонапарта в Египет погиб младший брат Сэя, Орас, — подававший большие надежды ученый. Возможно, именно потеря брата в колониальной экспедиции заставила Сэя задуматься о том, чего на самом деле стоит война. В поздних изданиях «Трактата» он решительно критикует «разрушительные войны... — такие какие пережила Франция при Наполеоне»¹.

¹ Say, *Treatise*, Book I, Chap 11, Note 7. <http://www.econlib.org/library/Say/sayT11.html#Bk.I,Ch.XI>.

Мир — первое условие экономического развития. Когда люди повсеместно гибнут или стоят перед угрозой гибели, они не будут вкладывать деньги и строить планы на будущее столь широко, как делают это в мирное время. Сэй настаивал на необходимости пресечь «грабеж» со стороны государства. Власти попирают права собственности не только в тех случаях, когда конфискуют предприятия или земельные угодья, но и тогда, когда ограничивают свободу пользоваться и распоряжаться собственностью. Сэй считал, что полномочия государства следует ограничить, что оно должно действовать по правилам («регулярно») и что «ни одна страна никогда не достигала сколько-нибудь заметного благосостояния, если не управлялась по правилам»¹.

Мир — безусловно первое условие взаимного экономического обогащения стран. Война отнимает, калечит и разрушает человеческие жизни, уничтожает богатство, порождает голод, истощает редкие ресурсы. Войны — это игры с отрицательной суммой. Одна из задач политической экономии состоит в том, чтобы продемонстрировать издержки войн и ценность мира. Спросите сегодня швейцарца в Цюрихе или шведа в Стокгольме, почему их город или их страна живут

¹ Say, *Treatise*, Book I, chap. 14, §9. Опасность такого неупорядоченного правления состоит в том, что люди «скрывают часть своей собственности от алчных взоров властей; а ценность может стать невидимой лишь в том случае, если не будет работать» (Say, *Treatise*, Book I, chap. 14, §9, <http://www.econlib.org/library/Say/sayT14.html>).

так богато, и вам, скорее всего, скажут: «Потому что мы не пострадали в двух мировых войнах».

А вот как сформулировал ту же мысль Сэй: «Нации на собственном опыте убедятся, что они действительно не заинтересованы в войне друг с другом, ибо они несомненно испытывают все бедствия, связанные с поражением, а выгоды победы остаются совершенно иллюзорными... Владычество над землями или над морями окажется равно лишенным привлекательности, когда станет очевидно, что все его выгоды достаются правителям, а их подданные в подавляющем своем большинстве не получают от него никакой пользы. Для частных лиц величайшая возможная польза состоит в полной свободе взаимодействия, а ее можно реализовать только в условиях мира. Природа склоняет нации к мирному сосуществованию, и если их правительства принимают решение нарушить его и вовлечь свои страны в войну, то они действуют одинаково враждебно и по отношению к собственному народу, и по отношению к тем, против кого воюют. Если их подданные настолько слабы, что потворствуют пагубному тщеславию или честолюбию воинственных правителей, то я не знаю, чем столь вопиющее недомыслие отличается от поведения тех бойцовых животных, которых натаскивают для того, чтобы они рвали друг друга на куски всего лишь ради развлечения их жестоких хозяев»¹.

¹ Say, *Treatise*, Book III, chapter 6, §54, <http://www.econlib.org/library/Say/sayT39.html#Bk.III,Ch.VI>.

Мир и свободная торговля взаимно подкрепляют друг друга: тем самым они не просто обеспечивают экономическое развитие, а доставляют подлинное богатство и человеческое процветание.

4

ТОМ ПАЛМЕР

Интервью с Крисом Рафером — бизнесменом, стоящим за мир

³⁹ *Что связывает коммерцию и мир? Что побуждает бизнесмена поддерживать мир и выступать против военного вмешательства в чужие дела? Какова связь между свободой, добровольным действием и миром? Крис Рафер основал ведущую мировую компанию по производству томатной продукции; она занимается выращиванием и переработкой томатов, доставкой продукции и обслуживанием. Рафер — основатель Института самоуправления (Self-Management Institute) и Фонда гармонии и процветания (Foundation for Harmony and Prosperity)*

Палмер: Спасибо, что нашли время, Крис. Вы, конечно, не догадываетесь, а ведь я как раз сегодня имел небольшое дело с вами и с вашей компанией — купил себе кетчуп для жаркого и несколько томатов на салат. И я подумал, что эти томаты, очень возможно, ваши. Так что рынок, наверно, нас сегодня мирно связал. И отсюда мой первый злободневный вопрос: почему проблема мира так важна для бизнесмена?

Рафер: Ну, на такой вопрос можно ответить по-разному. Мир позволяет нам делать бизнес вместе, создавать высшую общую ценность. Мы можем действовать с учетом ценностей друг друга, наших настоящих ценностей, и ничто не заставляет нас делать то или иное по принуждению. Мир — первая предпосылка свободного обмена, на котором стоит весь мой бизнес. Если мы взаимодействуем не принудительно, на добровольной основе, мы изучаем ценности наших покупателей и наших поставщиков и партнеров. Ведь какие ценности у этих покупателей, поставщиков и партнеров — это только они сами знают. А я как бизнесмен реагирую на сигналы в экономике, которые сообщают мне, в форме цен, что ценится. Эта информация приходит ко мне в виде цифр и цен, а у них нет никакой национальной, языковой, расовой или религиозной подоплеки. Они просто сигнализируют о предпочтениях людей.

Это одно из самых удивительных свойств рынка и работы на рынке. За ценами ничего не скрывается, у них нет предрассудков, нет национальности и религии. Цены — это ценности других людей, собранные воедино и представленные мне в форме цены; а сама цена выражена цифрой, которую можно сравнить с другими цифрами. Опираясь на эти цифры, я могу решать, куда направить ограниченные ресурсы. Они говорят мне о стоимости ресурсов, указывая, сколько за них готовы заплатить другие. Цены помогают мне точнее настраиваться на ценности других.

Палмер: А у Вас есть заграничный бизнес?

Рафер: Есть. Примерно 30 процентов нашей продукции мы продаем в других странах.

Палмер: Значит, иностранцам?

Рафер: Ну да; но для меня все они просто покупатели. Меня это вообще не волнует — разве что в тех случаях, когда вмешивается какое-нибудь правительство. А так примерно от 10 до 20 процентов зарубежных продаж у нас идут для канадцев и мексиканцев, а остальные уже распределяются по всему миру. Каждый месяц мы имеем дело с покупателями в 40—50 странах — в Японии, Саудовской Аравии, Нидерландах, Англии, Аргентине, в общем, везде. В основном это томатная паста и томатные продукты.

Палмер: И вы хорошо зарабатываете на этих продажах?

Рафер: Естественно. Иначе мы бы этим не занимались. По этим продажам я вижу, что мы добавляем ценность по всему миру, что мы реагируем на ценности наших покупателей и стараемся им соответствовать. У нашей внимательности к чужим ценностям есть и еще один важный аспект. Когда вы продаете продукт другому человеку — все равно, за границей или дома, внутри границ, — вы можете рассматривать ваш продукт как знак мира, сотрудничества и уважения. Если вы видите в других людях покупателей, вам в голову не придет стрелять в них или вредить им. Торговля — это такая прекрасная альтернатива насилию и принуждения.

Палмер: Говорят, что международная торговля вредит окружающей среде и если это так...

Рафер: Если бизнесмен работает на свободном рынке, т.е. уважает чужие права собственности, то он первый защитник окружающей среды. Настоящий защитник окружающей среды знает, сколько стоят товары, сколько стоят исходные материалы — нефть, древесина, резина, стекло и т.д. А благодаря бухгалтерскому учету, который становится возможным благодаря существованию цен, прибылей и убытков, информация о ценах — это не просто абстрактное знание, а знание работающее: оно изменяет поведение. Цены дают нам знание об издержках и одновременно побуждают нас максимально снижать издержки. Мы не хотим неоправданных расходов, и нам нужно удостовериться, что мы их избегаем. Главное — соблюдать чужие права, т.е. права собственности. Когда права не соблюдаются, вот тогда мы и видим упадок окружающей среды — ее загрязнение, непроизводительное использование и разрушение. Если права собственности четко определены и защищены, мы должны учитывать, как наши решения отразятся на других людях. Знаете ли, правительствам обычно не нужно учитывать такое воздействие их решений, потому что они могут прибегнуть к принуждению. А вот нам нужно каждый день, каждую минуту думать о ценностях и правах других людей. Наш бизнес основан на добровольности действия. Мы не можем силой заставить людей потреблять наши продукты, производить их или поставлять нам товары. Все совершенно добровольно, с начала и до конца.

Палмер: Вот вы постоянно говорите о добровольности действия. Вы себя кем считаете — сторонником принципа добровольности, либертарианцем или...?

Рафер: С моей точки зрения, это, в общем, одно и то же. Раньше такое значение имел термин «либеральный», но сейчас в США он порой звучит крайне двусмысленно, потому что «либеральным» называют противоположное «консервативному». Можете называть меня «классическим либералом», но если понимать все эти термины в одном определенном значении, то можно сказать, что я готов называться как угодно — либералом, классическим либералом, сторонником добровольности или либертарианцем. Для меня важно одно: чтобы людей не принуждали и мы взаимодействовали добровольно и мирно.

Палмер: А давно вы пришли к такому убеждению и как именно?

Рафер: Мои родители были далеки от политики, а я рос очень стеснительным. Таким, видно, и остался. Поэтому я сторонился всяких там дискуссий. И вообще никогда не считал себя интеллектуалом. Я тогда поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, жил в общежитии, познакомился с массой людей моего возраста, и многие из них были гораздо умнее меня. Тогда-то я и начал участвовать в разговорах о политике. И как-то так само собой получилось, что я всегда высказывался в том духе, что вредить другим неправильно. Постепенно у меня появлялись все новые доводы, ну а общий принцип я просто считал здравым смыслом. Может быть, что-то на меня повлияло, но если

и так, то я не знаю, что именно. Не могу сказать, что мои убеждения сложились под влиянием определенной книги, человека или точки зрения, — во всяком случае, не припоминаю. Просто я так устроен, что смотрю на вещи и стараюсь понять, как это работает и как может работать лучше. В Калифорнийском университете я специализировался в экономической теории. Моим руководителем был профессор Том Соуэлл; у Армена Алчиана и Уильяма Аллена я тоже многому научился. Первый курс, который я прослушал, это, помню, как раз и было введение в экономику, которое читал Билл Аллен. Так что первое, чем я ознакомился, это была экономика. Я узнал, что экономика очень помогает понять, как взаимодействуют люди.

Экономика — общественная наука, а не подраздел математики, в который многие сейчас стараются ее превратить. Это общественная наука, и она изучает, как люди в своих действиях соотносятся друг с другом. У меня никогда не было впечатления, что кто-то навязывает нам какие-то политические убеждения. Слова «либертарианский» я тогда не слышал, но начал уже серьезно размышлять о том, как люди могут взаимодействовать, чтобы получить то, что ценно для них. А потом я кое-что узнал о либертарианстве и сказал себе: «Вот это по мне. Именно так я и считаю». У меня не было никакого озарения или просветления. Я просто думал, что люди должны иметь возможность жить мирно и заботиться о том, как совместно получить ценное для себя. А что у моих убеждений есть название, — это я узнал только потом.

Палмер: Значит, вы уже в университете, когда изучали экономику, поняли, что ее суть — это добровольное взаимодействие. А как вы пришли от теории к деловой практике? Как это было?

Рафер: Я вырос в совершенно рабочей семье. Правда, дед у меня был мелким бизнесменом, предпринимателем. Помню, он брал меня с собой на нефтяное месторождение, где вложил немного денег в разведку. У него был патент или два, а в доме мастерская. Так что он был немножко изобретатель и немножко предприниматель. У меня о нем только детские воспоминания. Он умер, когда мне было 12 лет. Но у меня всегда было представление, что вот так жизнь и идет, когда станешь старше. Ну а мой отец в основном работал у деда. Ну, прямо как бывает на ферме. Ты — маленький ребенок и видишь, как папа работает на тракторе, а дед ходит в банк и заключает сделки, пока отец делает саму сельскую работу. Я думал, что жизнь так и устроена, потому что все так делают. И в какой-то мере это предопределило и мою жизнь. Я получил степень бакалавра по экономике, магистра по агрономии, а потом магистра по бизнесу. Я закончил школу бизнеса в Калифорнийском университете и никогда даже не искал работу. Я просто переехал в Дэвис, штат Калифорния, и начал продвигать некоторые идеи, а сам пока водил грузовик. Так что это просто часть моей природы, часть моих ожиданий.

Вообще я начал работать еще в университете. Отец помогал мне год с четвертью, а потом больше не смог, и мне пришлось рассчитывать только на себя.

Собственно, тут не о чем было долго размышлять; я просто уяснил информацию, стал жить самостоятельно и начал работать. Отец почти всю жизнь водил грузовик. Я подумал, что и я тоже смогу. Знакомые отца навели меня на мысль заняться перевозкой томатов. Когда я перешел на предпоследний курс, а может, на последний, я взял в аренду грузовик и несколько прицепов. Работал я по отцовской лицензии и перевозил — либо через подрядчика, либо по прямым заказам — томаты, персики и всякую всячину в течение всего лета. И так было пять лет, пять летних сезонов.

Палмер: То есть в это время вы еще и учились?

Рафер: Ну да. Работа позволила мне завершить образование и получить первое представление о бизнесе. В данном случае о томатном. Раз ты на грузовике, то попадаешь на сами плантации, потом на сортировочный пункт, а потом уже едешь на переработку и видишь, что там делают. Так у меня возникли кое-какие идеи, например: «Система будет работать лучше, если просто изменить схему сбора томатов и если переработчик изменит схему приемки и устроит сортировочный пункт прямо у себя. Это сэкономит массу времени и работы». И я подумал: «Если эту систему немного изменить, я как перевозчик смогу заработать гораздо больше». И все это было ответом на мой обычный вопрос: «Как сделать дело лучше?» Я наблюдал за чужим бизнесом и старался выяснить, как усовершенствовать эти процессы. В результате я придумал свою систему и предложил ее некоторым людям. В общем, я много что посмотрел, глубже изучил

переработку и составил план нового производства по переработке томатов. Пять лет я пытался его продвигать, искал деньги, исходил еще немало мест и в конце концов деньги нашел. Тут и пришла пора строить фабрику. У меня было три старших партнера — я был самым младшим, — и мы построили первую фабрику по производству томатной пасты. Дела у нас пошли очень хорошо, потому что и на фабрике, и вообще в организации бизнеса было немало новшеств. Я хоть и был самым младшим партнером, но отказался от жалованья и договорился на большой процент от прибыли. За семь лет я дал партнерам прилично заработать и сам заработал немало. Так что все отлично сладилось. Это была нужная вещь в нужное время. Я предложил партнерам открыть вторую фабрику, но они отказались, и мы расстались. А новую фабрику я построил уже целиком на свои деньги. С нее-то все и пошло.

Палмер: Вы пропагандируете философию, выведенную из вашего делового опыта и называете ее «самоуправлением». Вы создали Институт самоуправления для развития добровольного сотрудничества и самоуправления. Как вы создаете взаимовыгодные связи и добиваетесь (как вы это формулируете в одном из роликов на сайте института), чтобы личные цели людей были совместимы с их коммерческими целями или служили опорой последним, и наоборот?

Рафер: Самоуправление, как я его себе представляю, очень понятная вещь. В личной жизни люди сами собой управляют. Ни у кого нет поводаря по жизни. Все ведут свою собственную жизнь и ведут ее

в соответствии с определенными задачами. Я считаю, что общая жизненная задача для каждого, — это быть счастливым. Понимают это люди или нет, но все они стремятся к счастью. Каждый организм стремится к процветанию. Люди, конечно, понимают счастье по-разному. И чтобы они добровольно сотрудничали в бизнесе, главное — это установить каждому задачу в общем предприятии.

Людям свойственно субъективное суждение о том, что хорошо для их целей, и когда они совершают обмен, они торгуются. Они исходят из своих субъективных представлений и из того, что они знают; между тем другие часто этого не знают. Поэтому люди меняются по такому принципу: столько-то этого на столько-то того. Эти обменные отношения трансформировались в цены, когда люди стали использовать деньги, т.е. товар, который примет каждый, поскольку знает, что любой другой его тоже примет. В результате их субъективные оценки приняли форму цен, имеющих в рыночной экономике числовое выражение. Все они выражены в одних и тех же единицах, и, значит, их можно сравнивать. Разве это не здорово? Чтобы добиться координации и порядка, не нужен никакой центральный плановый орган. Это прекрасное свойство свободного рынка. И мы работаем над проблемой самоуправления, чтобы привнести в компанию свободу, самоорганизацию и преимущества рыночной экономики. Люди знают, что только от этого будет польза. Рынки позволяют нам держать связь друг с другом и одновременно преследовать наши личные цели.

Мы стараемся внедрить эти принципы в компанию и хотим полагаться на самоуправление, а не на иерархию. И это приносит выдающиеся результаты.

Палмер: Ну а конфликты? Они неизбежны? Это что-то постоянное или есть способы их избежать? Что говорит ваш опыт?

Рафер: Конфликты неизбежны. Без вопросов. Если нет конфликтов, значит, нет и экономической теории. Ресурсы ограничены, и экономическая теория — это попытки понять, как распределить ограниченные ресурсы между альтернативными направлениями использования. Поэтому конфликты были и будут. Однозначно. Вопрос в том, как лучше их решать. Конфликт может быть по поводу каких-то конкретных действий или по поводу использования ресурсов. Есть два способа решения. Можно обсуждать разногласия и добровольно договариваться или можно действовать силой, т.е. либо мирно, либо немирно. Если вы можете побудить людей решать эти конфликты мирно, то вы в выигрыше и все в выигрыше. Я ищу взаимовыгодные решения проблем. Такие решения устраивают всех. Они творят мир. Они творят процветание и счастье.

Палмер: Давайте перейдем к более политическим вопросам. Вот одни говорят, что выступают за благоприятные для бизнеса условия. А другие, я слышу, говорят, что они за свободный рынок. Есть между ними разница?

Рафер: Свободный рынок — это добровольное действие. Те, кто говорит, что они за благоприятные

условия для бизнеса, могут иметь в виду весьма бли-зкую перспективу, — ну, например, выигрыш за счет нарушения прав других. Добровольный бизнес ведется в условиях свободы, свободных рынков, без каких-либо привилегий для той или иной фирмы или группы людей. Если бизнесмены обращаются к правительству, чтобы с его помощью получить то, чего не смогли получить на добровольной основе, это в чистом виде аморально и непродуктивно. Бизнес должен быть делом добровольным, этически корректным; он не должен выпрашивать у государства разные привилегии и с его помощью создавать себе особое положение за счет других.

К сожалению, есть такое явление — и с ним я активно борюсь, — как «рынок для своих», т.е. рынок с использованием принуждения. Для простоты это можно изобразить так: я беру ваш пистолет, чтобы под дулом этого пистолета получить нужное мне от третьего лица, а потом мы с вами делим добычу. Это такая болезнь, которая называется «кумовство», и появляется она, когда правительство может использовать свое влияние для поддержки некоторых групп за счет всех остальных. Лекарство от этой болезни называется свободным рынком, при котором соблюдаются свобода конкуренции, уважение к правам всех участников и равенство перед законом. А политика кумовства — это значит просто обратиться в какую-нибудь правительственную контору и попросить поспособствовать. Это все равно что мафия, занимающаяся вымогательством. Никакой разницы.

Палмер: Давайте вернемся к вопросу о мире. Что связывает бизнес и мир? Вы имеете деловые отношения с людьми в Азии, Латинской Америке, на Ближнем Востоке. Должны ли бизнесмены выступать за мир?

Рафер: Безусловно. Люди бизнеса должны поддерживать мир несколькими путями. Прежде всего нужно внести мир в свою систему личных ценностей, т.е. ценностей своей фирмы, нужно искать мирные решения проблем, не просить правительство прижать конкурентов, не участвовать в кумовских махинациях. Не брать субсидии. Не участвовать в правительственных программах. Держаться как можно дальше от источников принуждения, т.е., проще говоря, от правительственных организаций.

Во-вторых, нужно принять нравственное решение: не вести бизнес в интересах принуждения, не снабжать правительства средствами насилия, принуждения и угнетения. Это очень важно.

В-третьих, нужно содействовать мирным отношениям между странами с помощью добровольной торговли. Торговля снижает риск возникновения войны. Чем лучше люди знают друг друга и чем больше обогащают друг друга с помощью торговли, тем меньше риск того, что правительства затеют войну, — поскольку с обеих сторон будет больше тех, кто стоит за мир. Чем интенсивнее торговля, тем сильнее А зависит от В, и наоборот. Я знаю, об этом вопросе много написано; экономисты и политологи исследуют взаимосвязи бизнеса, мира и торговли. Но я знаю это

по собственному жизненному и деловому опыту. Когда к вам приходят покупатели, вы же не будете в них стрелять. Вам нужно радушно принять их, чтобы они получили пользу, *а также* чтобы ее получили вы сами, *и еще* ваша семья, *и еще* ваши коллеги. Можно торговать или воевать. Я безо всяких оговорок предпочитаю торговать. Это занятие гуманное и устраивающее всех — кроме тех, кто хочет кому-нибудь навредить. Но я не из их числа.

Палмер: Вот Вы говорите о моральных решениях в бизнесе. Но если посмотреть то, что показывают по телевизору, то там бизнесмены почти всегда просто какие-то негодяи: они нелюбезны, недружелюбны, аморальны. Они только и ждут, как бы кого обмануть. Вот так выглядит бизнесмен в изображении массовой культуры. Как вообще нравственность может присутствовать в бизнесе?

Рафер: Одна из основ сотрудничества — дружба. Если вы ни с кем не дружите, как вы будете взаимодействовать с людьми в своих делах? Вам все придется делать в одиночку. Ну а дружба существует во многих формах. Есть жены и мужья, есть закадычные друзья, есть друзья по каким-нибудь развлечениям и т.д. Есть друзья по бизнесу, люди, в кругу которых вам комфортно, потому что они к вам хорошо относятся и вам полезны. Люди вообще предпочитают не общаться с неприятными субъектами, не говоря уже о тех, которые дерутся друг с другом или воруют друг у друга. У вас не может быть нормальных человеческих отношений, если вы не признаете, что вредить

и воровать нельзя. Ну а кроме того, люди, конечно, предпочитают общество тех, кто приятен и любезен.

Поэтому если вы хотите иметь бизнес, хотите, чтобы он работал и расширялся, вам просто необходимо наладить с другими такие отношения, чтобы они согласились с вами сотрудничать. Я знаю только два способа убедить людей делать то, что нужно вам. Способ первый: можно сильно надавить на человека или просто приставить ему к голове пистолет. Но я не знаю никого, кому нравится, когда с ним так поступают. Люди стараются избегать тех, кто может на них наброситься или в них выстрелить. Способ второй: уважать людей и их права. На свободном рынке вы сами вольны выбирать, с кем сотрудничать. Если вы хотите иметь успешный бизнес, вы должны показать себя обходительным и порядочным человеком, иначе никто не захочет иметь с вами дела. И если уж на то пошло, меня всегда поражают люди, которые не понимают важности этики в бизнесе. Такое впечатление, что они вообще не думают.

Палмер: Ну а если взять военное присутствие за границей? Что Вы скажете?

Рафер: Думаю, тут нужно рассуждать, как отдел маркетинга. Что может понравиться другим людям? Вы можете вообразить, что по американским городам идет китайская, русская или хотя бы канадская армия? Вот так, в полной форме, шествует по Лос-Анджелесу или Денверу? Или имеет у нас военные базы и проводит через города военную технику? Боже упаси. Но ведь именно это и делает по всему миру

правительство США. Оно ведет себя оскорбительно. Оно страшно подорвало нашу репутацию. Если вы действительно защищаете независимость страны, тогда это делается на основе доброй воли. Но если такой ситуации нет, трудно представить, какие еще плоды приносит наше военное присутствие, кроме ненависти и негодования.

Палмер: Вы — активный сторонник либертарианских ценностей. Что именно Вы делаете для того, чтобы мир стал более свободным и мирным?

Рафер: Везде, где я бываю, я выступаю в поддержку ценностей и принципов мира и свободы. В каждой стране, куда я приезжаю по делам, на каждой деловой встрече, на каждом совещании я обязательно завожу речь о том, как освободить общество от насилия и принуждения и что мы можем сделать для этого. Я своих взглядов не скрываю.

Палмер: Среди лидеров бизнеса издавна было немало убежденных пацифистов. Вот, например, Ричард Кобден и Джон Брайт в Англии: оба были великими бизнесменами новаторского склада и видными сторонниками мира. В Антиимпериалистической лиге США состояли многие бизнесмены, которые выступали против Испано-американской войны, против американской оккупации Филиппин и других испанских колоний. А Вы себя можете причислить к этому ряду бизнесменов — сторонников мира?

Рафер: Могу. Я знаю, что настоящие деловые люди — не члены какого-нибудь «клана», а честные бизнесмены, — это эмиссары мира. Добровольный

обмен везде приносит обоюдную выгоду. К сожалению, многие этого еще не понимают. Помню, кто-то уже давно сказал: «Когда товары не могут пересекать границы, их пересекут армии». Я предпочитаю обмениваться товарами, а не пулями и ракетами. В 60-х годах говорили: «Занимайтесь любовью, а не войной». Это хорошо сказано, но я бы добавил: «Занимайтесь любовью и бизнесом, а не войной».

Палмер: А что бы вы посоветовали молодому человеку, который думает, чем таким заняться после учебы, — в школе или в колледже, — чтобы сделать наш мир лучше? Посоветуете пойти в бизнес? Или на государственную службу?

Рафер: Государственная служба — пустое занятие, и на сей счет я много чего мог бы сказать. А вот что я точно могу посоветовать, — это пойти в бизнес или в сферу коммуникации, в журналистику или еще какие-нибудь средства массовой информации.

Палмер: А статья Вашим конкурентом на томатном поприще?

Рафер: [смеется] Это было бы здорово. Пойти в бизнес и включиться в международную торговлю, если вас волнует дело мира, — это прекрасно. Это действительно делает наш мир лучше. Ну а если кто-то захочет заняться бизнесом и конкурировать со мной, я буду только рад. Неплохо иметь дельных конкурентов: они помогают мне поддерживать форму.

Палмер: Спасибо, Крис, что нашли время в вашем плотном расписании.

Рафер: И Вам спасибо.

5

ЭРИК ГАРТЦКЕ

Миротворчество свободной торговли

Каким образом торговля и иностранные инвестиции снижают риск войны? Как взаимозависимость влияет на поведение? Как связаны мир, система демократически подотчетного правления и торговля? Эрик Гартцке — адъюнкт-профессор политологии в Калифорнийском университете, Сан-Диего, профессор кафедры государственного управления университета Эссекс. Специализируется на проблемах воздействия информации и институтов на состояние войны и мира. Автор работ по проблемам торговли, компьютерной войны, дипломатии и сопутствующим вопросам.

В конце 1648 г. завершилась растянувшаяся на десятилетия череда жестоких и разрушительных войн в Европе. Вестфальский мир, как его стали называть, установил систему, при которой европейские государства рассматривались как обладатели всей полноты внутреннего суверенитета и внешней независимости. В мире, где экономические связи проходят через границы, эта система испытывала возрастающее давление.

Когда две и более страны связаны торговлей, неизбежно возникает экономическая взаимозависимость. Согласно общепринятому экономическому взгляду торговля создает ценность.

Как уже давно отметили политологи, ценность торговли фактически выступает «заложником» в любых международных конфликтах. Если заложник достаточно ценен и война ставит под угрозу его безопасность, суверенные государства уже не являются совершенно независимыми. И если в случае войны возникает риск лишиться выгод торговли, перспектива взаимных потерь может удержать торговых партнеров от военного конфликта. Проще говоря, если у людей по одну сторону границы есть активы или ценные покупатели на другой стороне, они вряд ли будут выступать за разрушение этих активов или торговых связей и скорее выскажутся за мир.

Торговля имеет еще одно важное свойство, способствующее укреплению мира и предотвращению войны: она делает значительно доступнее те самые товары, которые могут приобретаться путем войны, и в то же время сильно удорожает содержание оккупационных армий. Если торговля снижает реальные издержки производства товаров и повышает производительность труда, тогда рабочим, фирмам и суверенным государствам необходимо сосредоточить усилия на продуктивном производстве и избегать войны. Ниже я рассмотрю эти процессы более подробно. Но сначала приведу некоторую предварительную информацию.

Трансформация

Не нужно иметь ученую степень, чтобы заметить следующее: мир, в котором мы живем сегодня, разительно отличается от существовавшего еще несколько поколений тому назад, не говоря уже о XVII в. В частности, рынки начали оказывать на международные дела то воздействие, которое они ранее почти повсеместно уже оказали на *внутреннюю* политику стран. Мировые лидеры поначалу медленно, а в последние десятилетия все быстрее стали понимать, что их страны и народы тесно связаны сложными и разветвленными экономическими отношениями. На рис. 1 представлена простая графическая иллюстрация экономического развития на примере мировой торговли (в сотнях миллиардов долларов США по покупательной способности на 2000 г.).

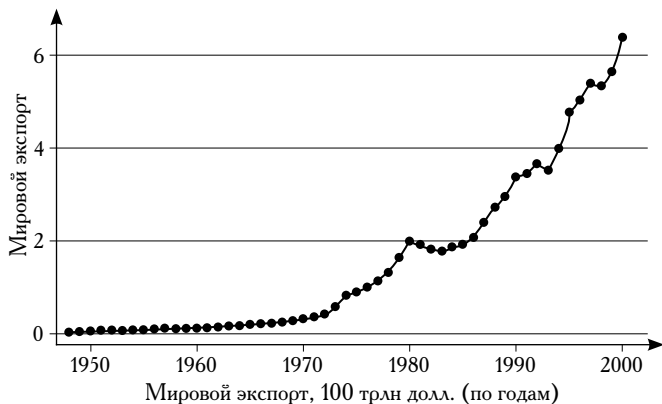

Рис. 1

Среднемировое благосостояние также растет. На рис. 2 представлен мировой ВВП на душу населения. Для простоты сравнения я принял за единицу средний доход в 1821 г. Рисунок позволяет также сравнить рост богатства с темпами ограничения полномочий государства и расширения персональной свободы. Хотя общая тенденция развития несомненна, глобальная демократизация выглядит менее равномерным процессом, — в первую очередь потому, что после 1950 г. в ходе деколонизации резко выросло количество суверенных государств; это явление известно как «волны» политических реформ¹. Уровень демократичности отдельных стран измеряется по шкале от 10 (максимум) до 0 (минимум)². На данном графике рейтинг демократии и ВВП на душу населения представлены годовыми среднемировыми уровнями³.

Либеральная политическая экономика предвидела развитие всех трех процессов и выдвинула

¹ См., например: Samuel P. Huntington. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991).

² Рейтинговая система широко применяется при оценке уровня демократии. См.: Keith Jagers and Ted Robert Gurr, «Transitions to Democracy: Tracking Democracy's 'Third Wave' with the Polity III Data», *Journal of Peace Research* 32 (4), 1995, pp. 469—482.

³ График на рис. 1 построен по данным Всемирного банка. Рис. 2 заимствован из: Erik Gartzke and Alex Weisiger, «Under Construction: Development, Democracy, and Difference as Determinants of the Systemic Liberal Peace», *International Studies Quarterly* 58 (1), 2014, pp. 130—145.

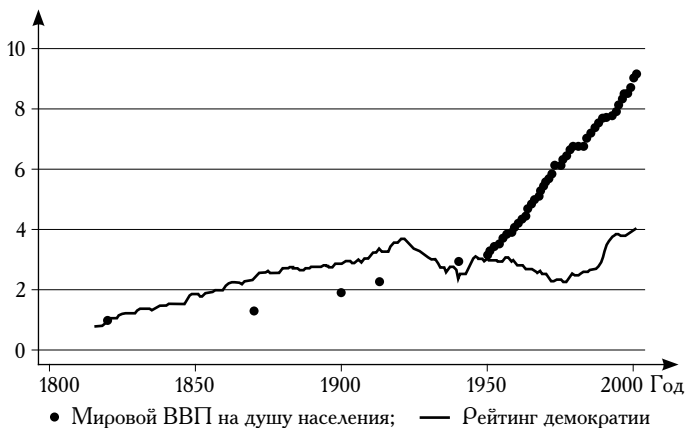

Рис. 2

предположения об их последствиях. Демократия, торговля и экономическое развитие — все это тем или иным образом улучшает условия человеческого существования. В этой статье нас интересует, какие именно изменения, каким образом и при каких условиях препятствуют использованию политического насилия внутри стран и военных действий между странами существующей Вестфальской системы. Торговля — особенно привлекательное средство для укрепления мира во всем мире, но ее воздействие тоже обусловлено целым рядом факторов, в частности тем, как она организована и в какой мере способствует предотвращению политической конфронтации. По сути дела, страны, связанные тесными коммерческими отношениями, можно «втянуть» в мирное

существование. Я попробую выяснить, в чем состоит польза экономической взаимозависимости.

Томас неверующий

Нобелевский лауреат Томас Шеллинг очень наглядно объясняет, как работает взаимозависимость¹. Он рассказывает притчу о двух скалолазах, связанных одной веревкой во время восхождения. Связавшись, скалолазы переплели свои судьбы, и их действия стали взаимозависимыми. Поскольку они могут только вместе добраться до вершины или вместе упасть, каждый ведет себя предельно внимательно и осторожно, и между ними царит полное согласие.

На эту логику взаимозависимости либеральные теоретики ссылаются в доказательство миротворческого потенциала торговли. По мере того как начиная с XVII в. международная торговля хоть и неравномерно, но постоянно росла, многие мыслители — от Монтескье, Смита, Пейна, Канта, Кобдена, Энджелла и других до таких современных авторов, как Роузкранс, Рассетт и Дойл, — подчеркивали миротворческую силу прибыльной международной торговли². Нации, связанные выгодными коммерче-

¹ Thomas C. Schelling, *Arms and Influence* (New Haven: Yale University Press, 1966), p. 99.

² Baron de Montesquieu. *Spirit of the Laws* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989[1748]) [Монтескье III. О духе законов // Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955. С. 433]; Adam Smith. *An Inquiry into the Nature and Causes of the*

скими отношениями, меньше склонны воевать, поскольку в случае войны понесут большие экономические потери.

Следует, правда, отметить, что интерес Шеллинга к взаимозависимости вызывает вовсе не торговля, а совершенно другая вещь. В его притче веревка, связывающая двух скалолазов, — это не торговля, а риск ядерной войны. Патовая ситуация «холодной войны» основывалась на эффекте, получившем образное название «гарантированное взаимное уничтожение». Наличие ядерного оружия и риск обоюдной гибели в «горячей войне» удерживали США и СССР от применения этого оружия, поскольку ни та ни другая страна не могла от него защититься. Как и у двух

Wealth of Nations (Chicago: University of Chicago Press, 1976 [1776]) [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007]; Thomas Paine. *Common Sense* (New York: Penguin, 1986[1776]) [Пейн Т. Здравый смысл // Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959]; Immanuel Kant. *Perpetual Peace: A Philosophical Essay* (New York: Garland, 1972 [1795]) [Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966]; Richard Cobden. *Political Writings* (London: T. Fisher Unwin, 1903 [1867]); Norman Angell. *The Great Illusion* (New York: Putnam, 1933) [Энджелл Н. Великое заблуждение: Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск: Социум, 2009]. Richard Rosecrance. *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World* (New York: Basic Books, 1985); Bruce Russett. *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World* (Princeton: Princeton University Press, 1993); Michael Doyle. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism* (New York: Norton, 1997).

скалолазов, сотрудничество и осмотрительность проистекали из эгоистического желания избежать гибели, а отнюдь не из альтруистического стремления укреплять мир и согласие.

Вместе с тем задачу своей притчи Шеллинг видел не в том, чтобы объяснить стабильность. Он хотел обратить внимание на то, какими способами сверхдержавы могли бы *продолжать соперничество* в мире, где прямая и открытая конфронтация стала делом немыслимым или, по крайней мере, противоразумным. Как явствует из притчи, узы взаимозависимости — ядерной или экономической — способны предотвращать агрессию. Но если ядерная взаимозависимость и создала мир, в котором глобальная война, скорее всего, не случится, она в то же время создала среду, провоцирующую *балансирующие на грани, дипломатию принуждения, пропагандистские и опосредованные конфликты*, а также другие формы порогового противостояния. Страх перед последствиями, которыми чреваты не урегулированные разногласия (каковы бы ни были конкретные причины этого страха), способен заставить взаимосвязанных действующих лиц пойти на компромисс. Но при этом заданные взаимозависимостью границы допустимого могут вызывать у действующих лиц искушение разыграть игру под названием «цыпленок»¹.

¹ Игра «Цыпленок» заключается в том, что игроки вступают во взаимодействие, которое ведет к нанесению серьезного вреда каждому из них, пока один из игроков не выйдет из игры.

У торговли и ядерного оружия нет почти ничего общего; первая — это то, что мы хотим развивать, а второе — то, от чего человечеству лучше избавиться. Но вот в плане формирования взаимозависимого поведения государств они в целом ряде важных отношений выполняют, по сути, одинаковую задачу. В обеих ситуациях мы имеем «эгоистическое» поведение, которое способно приводить к положительным социальным последствиям, подобным той благотворной социальной динамике, которую Смит обнаружил скрытой внутри рыночного механизма.

Либеральные теоретики уже давно утверждают, что рост торговли создает более весомых «заложников» и тем самым активизирует стремление к миру. Наблюдаемое сегодня усиление взаимозависимости способно сделать войну слишком затратным предприятием, чтобы государства вообще рассматривали такую возможность. И все же ценность торговых связей, конечно, не идет ни в какое сравнение со ставками в ядерной войне. Если страны готовы пойти на риск огромных потерь в обычном или ядерном столкновении, разве торговые соображения смогут остановить войну? Но какова тогда реальная роль экономической взаимозависимости в укреплении мира?

Пример использования этой игры — взаимодействие автотранспортных средств, например ситуации, когда два автомобиля идут навстречу друг другу, и тот, который первым сворачивает в сторону, считается «слабаком» или «цыпленком». Смысл игры заключается в создании напряжения, которое бы привело к устранению игрока. — *Прим. ред.*

Причины мира

Одно из самых замечательных событий в мировой истории происходит прямо сейчас. Собственного говоря, оно длится уже в течение весьма продолжительного времени. Я имею в виду наметившееся устойчивое, «эпохальное» снижение количества конфликтов между богатыми, процветающими странами. Мир заявил о себе — по крайней мере в некоторых частях земного шара. Тенденция эта, впрочем, не бросается в глаза, и некоторые ее просто не заметили; а другие, видимо, предпочитают сознательно игнорировать хорошие новости, поскольку для них важнее, что какие-то страны и группировки по-прежнему где-то сражаются. Тенденция к сокращению количества войн обстоятельно описана в работах Стивена Пинкера, Джошуа Голдстейна и других исследователей¹.

Устойчивое снижение количества войн наиболее отчетливо заметно в Европе, где эта тенденция насчитывает уже много столетий. Рис. 3 «Тенденция в европейских конфликтах» основан на данных Питера Брека². Квадратики отмечают число конфликтов

¹ Steven Pinker. *The Better Angels of our Nature: Why Violence Has Declined* (New York: Viking Press, 2011); Joshua S. Goldstein. *Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide* (New York: Dutton, 2011). Глобальная тенденция к снижению количества войн выражена неравномерно. Связь (между современностью и миром) сильнее всего проявляется среди развитых стран.

² Peter Brecke. «Violent Conflicts 1400 AD to the Present in Different Regions of the World». Доклад на ежегодных чтениях

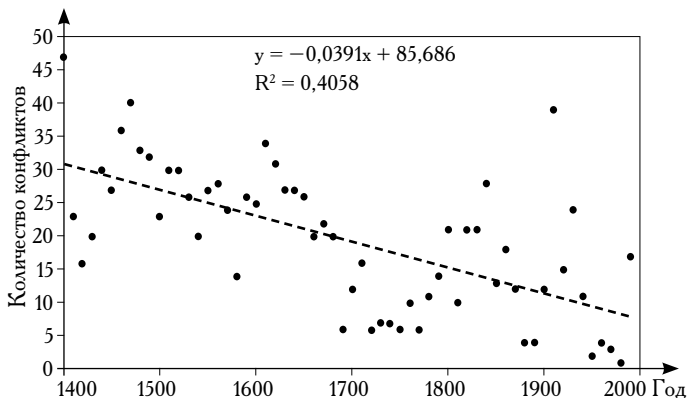

Рис. 3. Тенденция в европейских конфликтах слева

Источник: Peter Brecke. «Violent Conflicts 1400 AD to the Present in Different Regions of the World».

за десятилетие (конфликтом считается инцидент, повлекший за собой как минимум 32 смертельных исхода). Число конфликтов в Европе снижалось (в среднем) с 30 за десятилетие в 1400-х годах до примерно 10 за десятилетие в прошлом столетии. Любое объяснение тенденции, вытекающей из этих данных, следует, конечно, выдвигать с большой осторожностью, поскольку в ее основе, по-видимому, лежит сложный комплекс разнородных причин. В частности, Клаудио Чиоффи-Ревилла показал, что в плане человеческих

общества Peace Science Society (International). Данные для других регионов (Африка, Азия, обе Америки) хронологически менее обстоятельны и не имеют столь определенного характера.

потеря интенсивность конфликтов с течением времени, напротив, возростала¹. Однако в целом тенденция, как представляется, вполне очевидна: в течение длительного периода времени суверенные европейские государства при решении своих разногласий все больше склонялись от конфронтации к ненасильственным методам.

Похожая, хотя и несколько менее определенная тенденция вырисовывается на общемировом уровне. На рис. 4 представлена динамика так называемых межгосударственных военизированных конфликтов (МВК), т.е. ограниченных инцидентов, имеющих градацию от незначительных (угроза применения силы) до серьезных (единичное военное столкновение). Эти данные обобщены на глобальном уровне, т.е. показывают, что в определенном году МВК были характерны для определенного количества пар стран. Если до окончания Второй мировой войны отчетливая тенденция не просматривается, то после двух мировых войн количество военизированных конфликтов, насколько можно судить, снижается. Значит, и в этом плане мир становится более мирным.

Как же объяснить эту тенденцию? Сделать это можно по-разному. Некоторые исследователи считают,

¹ Cioffi-Revilla, Claudio. 2004. «The Next Record-Setting War in the Global Setting: A Long-Term Analysis». *Journal of the Washington Academy of Sciences* 90 (2): pp. 61—93. Исследователи по-разному подходят к вопросу о том, следует ли учитывать фактор численности населения при оценке интенсивности военных конфликтов. В целом для отдельного человека риск смерти от военных действий (внутри- или межгосударственных) снизился.

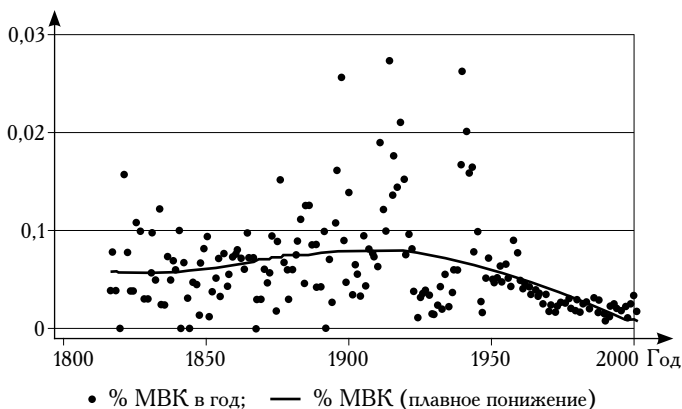

Рис. 4. Военизированные межгосударственные конфликты (МВК)

что важной причиной межгосударственного мира является подъем демократии. Факты, подкрепляющие это предположение, конечно, есть, но вообще зависимость внешнего мира от мирной внутренней политики далеко не очевидна¹. Начнем с того, что подъем демократии в Европе, — явление гораздо более позднее, чем начало снижения количества войн. Демократия не может быть причиной мира, пока нет демократических государств. Если копнуть поглубже, демократия сама есть продукт мира. Необходимое условие демократии

¹ См.: Bruce Russett, *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993); Michael Doyle, *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism* (New York: Norton, 1997).

состоит в том, что различные общественные группы считают политический проигрыш более приемлемым, чем перевод конфронтации на уровень насилия. Разногласия можно заглушить выбором того или иного политического института. Но еще проще и столь же логично предположить, что сам выбор политических институтов зависит от предмета разногласий. Если этот предмет настолько важен, что достичь компромисса невозможно, никакая демократия не поможет. Поэтому главное условие демократии — это определенный уровень согласия или всеобщей сдержанности в отношении принимаемых решений. Если политический проигрыш не стоит того, чтобы прибегать к насилию, тогда элиты и граждане, возможно, сочтут допустимым и даже привлекательным принять в качестве отечественных институтов народовластие и ограниченное правление. Сделать это можно, например, за счет снижения роли политики, или «общественного выбора», в распределении ресурсов или активов. Если политический проигрыш означает потерю дома, бизнеса, свободы или даже жизни, вы, наверное, предпочтете продолжить политическую борьбу (если необходимо, с помощью насилия), чтобы добиться выигрыша. Если же подобные вопросы решаются с помощью рынков или других частных механизмов и распределение ресурсов не зависит от исхода политических конфликтов, тогда у вас будет меньше стимулов использовать силу для достижения политической победы.

В прежних обществах средства производства были по преимуществу материальными. Люди владели

землей и рабочей силой, которые правитель мог присвоить для своих собственных нужд. Быть богатым — или даже просто иметь дозволение жить — означало находиться в милости у правителя. По мере развития обществ богатство все больше становилось функцией знания и способности мыслить творчески. Правитель по-прежнему мог выбирать фаворитов, но производительность общества все больше зависела от того, чтобы на первые места выходили люди умные и одаренные коммерческими способностями, — а эту задачу наилучшим образом решал рынок (когда правитель в него не вмешивался). Именно в силу появления нового вида коммерческой независимости от политики правителям стало выгодно ограничивать свое вмешательство в работу рынка: это способствовало их собственному обогащению и процветанию общества (и государства). Развитие гражданского общества и свободного предпринимательства означало, что богатство перестало зависеть от верности правителю или близости к государству. В свою очередь, личную безопасность стало лучше обеспечивать не заискивание перед монархами, а производство столь продуктивное, что у правителя не поднималась рука вмешиваться или грабить¹. Даже короли и королевы усвоили мудрый смысл притчи о курице, несущей золотые яйца.

¹ Douglas North and Robert Thomas, *The Rise of the Western World* (Cambridge: Cambridge University Press, 1973). Mancur Olson, «Dictatorship, Democracy, and Development», 1993. *American Political Science Review* 87 (3), pp. 567—576.

Современную представительную демократию можно считать продуктом описанного выше процесса. Потребность ограничить властные полномочия ради обеспечения экономического роста означала, что использование государственных полномочий для погони за рентой все больше теряло смысл. В то же время как никогда росла потребность в государственном регулировании рынков, — в установлении четких правил и организации их выполнения (прозрачность), — а также в обеспечении общественных благ. Вкладываться силы в производство товаров и услуг для продажи на рынках стало выгоднее, чем вкладывать их в политику и бороться за доступ к государственной власти. Кроме того, если уже не было резона бороться за контроль над государством изнутри, то не имело особого смысла и сражаться за материальную собственность с другими странами. Подъем демократии как глобальное явление, вполне вероятно, *отражает* снижение важности распределительной политики в Европе и мире — что показано на рис. 1, — но не может служить объяснением процесса, представленного на этом рисунке.

Торговля может приглушать конфликты разными путями. Исследователи в общем и целом единодушно признают роль торговли в смягчении мировой политики¹. Вместе с тем конкретный механизм ее воздействия, а также способы инициирования и интенсифи-

¹ См., например: Bruce Russett and John R. Oneal, *Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations* (New York: Norton, 2001).

кации этого воздействия остаются предметами разногласий. Как я уже говорил, когда людям есть что терять, это само по себе не только не предотвращает агрессию, но, напротив, порой провоцирует конфликт, — если один хочет завладеть богатством другого. Именно наличие того, что можно отнять, во многих случаях и повышает вероятность конфликта, если имеет место соперничество с нулевой суммой (благополучие одного зависит от поражения другого и наоборот), а это часто бывает в политике. Поскольку политика сама есть борьба, нам нужно выяснить, как торговля и, в более общем плане, коммерция принуждает политику к миру.

«Невидимая рука» мира

59

Одним из великих открытий социальной науки является идея Адама Смита, согласно которой действия имеют непреднамеренные последствия, а социальная значимость этих последствий не связана с намерениями действующих лиц. Рынки благотворно воздействуют на сообщества и страны, хотя сами участники рынка действуют с единственным намерением улучшить собственное благосостояние. Похожим образом рынок способствует и поддержанию мира. Фирмы, потребители, предприниматели и даже государства самым стремлением стать богаче изменили представление о полезности, а во многих случаях и об оправданности применения военной силы. В данном смысле невидимая рука — это, скорее, набор рук. Рынки

делают труд дорогим, снижают привлекательность приобретения капитала за счет использования рабочей силы. Рынки мирными средствами облегчают перемещение товаров и услуг. Наконец, сами рынки негативно реагируют на конфликты и, соответственно, создают стимул воздерживаться от насилия.

Возможно, самым значимым результатом влияния коммерции в конфликтных ситуациях стало изменение государственных приоритетов. За несколько столетий рост мощности и интеграции рынков сильно увеличил цену труда и «человеческого капитала» (в частности, квалификации)¹. Насколько можно судить, дорогой труд и снижение доли материальных производственных затрат побудили многие страны отказаться от некогда обычной практики «красть» благосостояние путем захвата активов других стран. Конечно, оптимизм должен быть осторожным: ведь узкоэгоистические интересы правителей и их ближайших сторонников могут возобладать над интересами государства и спровоцировать хищническое поведение как внутри стран, так и в отношениях между странами.

Древние империи обогащались, заставляя подвластные им области платить подати (крупные партии зерна и других товаров). Разбойники-викинги набивали свои корабли награбленной добычей. В XVI в.

¹ Торговля способствует усилению специализации, а эта последняя — росту производительности и повышению реальной заработной платы. Hal Varian. *Microeconomic Analysis*, 3rd ed. (New York: W. W. Norton, 1992).

испанские галеоны привозили домой полные трюмы серебра, добытого и очищенного поработенными туземцами. Потом европейские империи, напротив, обманым путем нередко вынуждали своих граждан оплачивать заграничные экспедиции, приносявшие прибыль только младшим отпрыскам аристократов. По мнению историков Лэнса Дэвиса и Роберта Хаттенбека, «империя, вне сомнения, экономически не обогатила британцев в целом. А вот отдельные инвесторы обогатились»¹. Но и колониализм стал клониться к закату, когда современная эпоха показала самым богатым и мощным в военном отношении странам, что разумнее покупать нужные им материалы, чем захватывать их с помощью все более дорогих военных действий. Страны современного типа не считают экономически целесообразным грабить соседей, как это делали викинги, конкистадоры и английские мореплаватели эпохи Елизаветы. Подчинение других народов ради изъятия ресурсов и плодов человеческого труда теряет смысл, когда содержание оккупационных сил стоит дорого и купить нужное становится дешевле, чем наgrabить у соседей.

Следует отметить, что в то время как современные государства уже не видят выгоды в грабеже — и эту их позицию укрепляет растущая ликвидность мировых

¹ Lance E. Davis and Robert A. Huttenback, with the assistance of Susan Gray Davis, *Mammon and the Pursuit of Empire: The Economics of British Imperialism*, abridged edition (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 267.

рынков, — коммерция увеличила выгоды международного контроля за конфликтными ситуациями, т.е. снижения уровня применения силы. Современные страны в целом более внимательно относятся к долгосрочной и краткосрочной политике других стран как раз по той причине, что действия одних стран в силу взаимозависимости сильнее сказываются на благополучии других. Поэтому вместо захватчиков и грабителей на сцене все чаще выступают международные войска, действующие по мандату ООН или региональных групп; имея статус «миротворческих» сил, они действуют в целях прекращения или приостановки вооруженных конфликтов. Ради блага торговли мир может вводиться принудительно, по крайней мере в тех случаях, когда конфликтующие страны слабы, а их политические намерения идут вразрез с общемировой тенденцией. Можно сказать иначе: торговля между самыми богатыми странами побуждает их удерживать *третьи* страны от конфликта, поскольку война органически вредит торговле (причем не только торговле воюющих стран) и поскольку сильные страны, которым торговля приносит наибольшую выгоду, заинтересованы в том, чтобы предотвратить перерывы в торговле, вызываемые конфликтами третьих стран.

Один из вызовов взаимозависимого мира — сама его сложность. Простые отношения обладают тем преимуществом, что их легче понять и, вероятно, проще регулировать с помощью эффективных мер. Вместе с тем сложность может быть достоинством — в той мере, в какой расширяет возможности,

позволяет более гибко реагировать и предоставляет больше вариантов действия без применения военной силы. Торговля способна привести к миру, если удерживает страны от вооруженного столкновения. Но для этого необходимы действительно значимые торговые отношения, отношения настолько ценные, чтобы само их наличие (подобно наличию ядерного оружия) служило сдерживающим фактором. Возможно, потребуется ряд обсуждений или переговоров, но достаточно скромного масштаба, — примерно таких, как в Западной Европе после Второй мировой войны. Там, где торговля ценится высоко и между государствами нет крупных разногласий, должен обладать мир. Для конфликтующих сторон торговля может случить своего рода путеводным ориентиром, который позволяет странам решать спорные вопросы дипломатическим путем и не требует прибегать к военной силе для демонстрации решимости в неясной и изменчивой обстановке. Наконец, вероятно, главное воздействие торговли состоит в том, что она изменяет объективные интересы наций и способствует тому, что прежняя хищническая логика все больше переходит в разряд анахронизма. Даже грабители банков покупают себе бакалейные товары, а не крадут их из соседней лавки. Большинство тех вещей, которые в наши дни можно добыть путем грабежа или воровства, просто не стоят таких усилий, а большинство тех, которые их стоят, таким путем добыть нельзя. Развитие торговли способствует специализации, которая делает хищничество все менее продуктивным и повышает

выгодность мира. Квалифицированных работников можно привлечь только хорошими условиями труда; войны и завоевания для этой цели бесполезны. Современное положение вещей все больше сводится к тому, что мы покупаем, а не отнимаем.

Рыночные силы связали страны друг с другом и повысили взаимозависимость мира; тем самым они сформировали новую цель, к которой стремятся нации, и сделали войну гораздо менее приемлемым средством для решения национальных задач. Лидеры стран и их граждане осознали, что манипулирование государственной властью уже не столь важно для их собственного выживания. В то же время как никогда выросла роль государства в обеспечении благоприятных условий для рынка. Государства занимаются не только своими внутренними рынками; они сотрудничают на региональном и мировом уровне, стремятся развивать торговлю и усиливать взаимозависимость, превращая ее в цепочку причинно-следственных связей, которые укрепляют сотрудничество и еще более ограничивают перспективу конфронтации. Дело не просто в том, что люди начали стараться вести себя более разумно, а в том, что торговля изменила само представление о правильном и полезном. Если нам будет сопутствовать удача и мы продолжим наш путь к более широкой и свободной торговле, тогда торговля и дальше будет делать применение военной силы все более тщетным или неэффективным.

6

ТОМ ПАЛМЕР

Политическая экономия империи и войны

Обречены ли цивилизации на столкновения? Империа- 62
лизм и колониализм — это выгодное или невыгодное
предприятие? Кто относится к числу величайших за-
щитников мира и противников колониализма? Неиз-
бежны ли «войны за нефть»? Кто решает вопросы вой-
ны и мира и кто выигрывает?

Свобода внутри, мир снаружи.
Вот и весь план¹.

Фредерик Бастиа (1849)

Некоторые изучают войну для того, чтобы лучше вое-
вать. Но войну можно изучать и с другой целью —

¹ Frédéric Bastiat, «Peace and Freedom or the Republican Bud-
get» (1849), in: Frédéric Bastiat, *The Collected Works of Frédéric
Bastiat. Vol. 2: The Law, The State, and Other Political Writings,
1843—1850*, Jacques de Guenin, General Editor, (Indianapolis:
Liberty Fund, 2012), pp. 282—327, p. 191 [*Бастиа Ф. Мир и
свобода, или Республиканский бюджет // Бастиа Ф. Протек-
ционизм и коммунизм. Челябинск: Социум, 2011. С. 282—352*].

чтобы избежать войны, снизить ее вероятность, остановить или совершенно устранить. Можно изучать войну не так, как изучают, например, погоду, астрономию или даже болезнь, а так, как изучают другие виды человеческого поведения. Благодаря полученному пониманию можно объяснить себе, нашим соседям, друзьям, родственникам и согражданам ошибочность обманчивых оправданий войны. Кроме того, можно содействовать созданию и укреплению тех институтов, которые делают войну менее вероятной. Если мы лучше поймем все эти вопросы, мы сможем снизить количество причин и поводов, толкающих к войне, и уменьшить человеческую практику насилия. Дезинформация и непонимание могут быть смертельно опасными — в буквальном смысле. Информированность и понимание могут спасти жизни.

63

За последние несколько столетий теоретики либертарианства уделили много внимания изучению причин разнообразных войн, а также формированию образа мыслей и институтов, которые способствуют миру.

Мир — уже не просто утопическая фантазия. Исторические факты свидетельствуют, что мир стал более мирным. А такие науки, как экономика, социология и психология, предлагают объяснения этого явления. Вооруженные (позволим себе это слово) их знаниями, мы можем сделать мир гораздо более мирным, можем уменьшить человеческий опыт насилия. Мир может стать одновременно более мирным, более справедливым, более процветающим и свободным.

Хорошая новость: насилие отступает

Верим мы или нет — а я знаю, что большинство людей не верят, — но по прошествии длительного времени насилия стало гораздо меньше, и сейчас мы, вероятно, живем в самую мирную эру за всю историю нашего вида¹.

Стивен Пинкер

Если кто-то говорит, что насилия становится меньше, ему тут же возражают. В конце концов, выпуски новостей наполнены сообщениями о насилии, и нам часто показывают жестокие и кровавые сцены. Изнасилования, убийства, разбойные нападения, — главный продукт ночных новостей. «Нет крови, нет новости». То одна, то другая страна обязательно втянута в вооруженный конфликт. Но давайте отступим на шаг назад, чтобы увидеть более широкую картину. Конфликт, особенно с применением насилия и погибшими, привлекает гораздо больше внимания, чем мирное сотрудничество. Если кругом тишь да гладь, мы обычно говорим: «Ничего не происходит». Но на самом деле происходит масса всего: люди идут на работу, фермеры собирают урожай, инвесторы финансируют новый бизнес, рабочие изготавливают полезные товары, покупатели делают покупки, влюбленные

¹ Steven Pinker, *The Better Angels of Our Nature: A History of Violence and Humanity* (London: Penguin Books, 2011), p. xix.

женятся, рождаются дети, справляются дни рождения. Идет жизнь. Но это — общий фон; это нормально. Никогда в новостях не было заголовка: «Миллиарды людей мирно занимались своими делами». Заголовка достойно то, что выбивается из обычного хода вещей, и в большинстве случаев это конфликт, особенно с применением насилия. И как ни парадоксально, чем менее рядовым оказывается насилие, тем скорее оно попадает на первые полосы. Мы добровольно заблуждаемся, когда внушаем себе, что насилия в мире становится больше, хотя на самом деле его становится меньше.

Политолог Джеймс Пейн и психолог Стивен Пинкер отметили одну замечательную вещь¹. За тысячи лет вероятность того, что случайный человек подвергнется насилию, в целом снизилась. Даже с учетом всех ужасов двух мировых войн, концлагерей Третьего рейха, СССР и Китайской Народной Республики, с учетом «этнических чисток» и других злодеяний, совершенных за последние сто лет, практика насилия в повседневной жизни снижалась. Кажется, что это невозможно, но это так. И хотя наши сердца исполнены сочувствием к тем, кто все еще становится жертвой насилия, у нас есть все основания для оптимизма. Хорошая новость в том, что насилие становится все менее

¹ James L. Payne, *A History of Force: Exploring the worldwide movement against habits of coercion, bloodshed, and mayhem* (Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing Co., 2004), Steven Pinker, *op. cit.*

и менее распространенным, и эта тенденция превалирует уже в течение долгого времени.

Насилие вообще и война в частности отнюдь не является некоей неизменной чертой человеческой природы. Со временем уровень насилия снизился. Мы не обречены страдать от неизменного количества насилия в мире. Насилие нарастает и спадает; уже долгое время оно убывает. Социология и политология помогают понять, почему это происходит. Исследователи собрали и проверили большое количество фактов, свидетельствующих, что классические либералы прошлого были правы, когда утверждали, что в деле сохранения мира главное — это свобода, а в первую очередь свобода призывать власти к ответу и критиковать их и свобода торговать, перемещаться и вкладывать деньги за границей.

Обречены ли цивилизации или страны на «столкновение»?

Согласно широко известному утверждению мир стоит перед лицом «столкновения цивилизаций». По мнению политолога Сэмюэля Хантингтона, «Запад» находится в упадке, поскольку, помимо прочего, военный контроль «западных стран» распространяется на меньшую часть площади нашей планеты. С точки зрения Хантингтона, интересы «цивилизаций» разнонаправлены, и если одна поднимается, другая неизбежно падает.

В книге Хантингтона немало интересных мыслей, но он плохо понимает политическую экономию

человеческих взаимодействий. Экономическую теорию он знает слабо и не способен правильно оценить важность свободной торговли, которая является общим достоянием цивилизаций и служит средством их взаимного обогащения. Поэтому Хантингтон принимает точку зрения тех, кто считает социальные отношения процессом с нулевой суммой¹.

Вот один из примеров того, по каким критериям он оценивает «упадок» цивилизации: «В 1490 г. западные общества контролировали большую часть европейского полуострова, кроме Балкан, или что-то около 1,5 млн кв. миль из общей поверхности суши (за исключением Антарктики) — 52,2 млн кв. миль. Когда территориальная экспансия Запада достигла своего апогея

¹ Кроме того, Хантингтон проявляет прискорбное непонимание таких понятий, как «конкуренция» и «конфликт»: «Примечательно, хотя это и озадачивает, что американцы приветствуют в американском обществе конкуренцию мнений, групп, партий, ветвей государственной власти, фирм. Почему американцы убеждены, что конфликт в их собственной стране — хорошо, и тем не менее считают, что плохо, если конфликт имеет место между странами? Вот интереснейший вопрос, который, насколько мне известно, всерьез никто не изучал» (Samuel Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1997), p. 221. [цит. по: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2007. С. 396]). Хантингтон, видимо, не сообразил, что если этот псевдовопрос никто серьезно не изучал, значит, на то могут быть причины. «Сдержки и противовесы» между ветвями власти и конкуренция между фирмами за привлечение покупателей — это отнюдь не то же самое, что конфликты «между странами».

в 1920 г., он напрямую управлял территорией около 25,5 млн кв. миль — почти половиной земной суши. К 1993 г. подконтрольные территории сократились наполовину, до 12,7 млн кв. миль. Запад вернулся к своему изначальному европейскому “ядру”, плюс он имеет обширные, освоенные поселенцами земли в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Территория независимых мусульманских государств, напротив, увеличилась с 1,8 млн кв. миль в 1920 г. до 11 с лишним миллионов квадратных миль в 1993-м. Схожие изменения произошли и в плане контроля людских ресурсов. В 1900 г. жители Запада составляли около 30% общего населения мира, а западные правительства управляли почти 45% населения (в 1920 г. эта цифра увеличилась до 48%). В 1993 г. западные правительства правили, за исключением мелких остатков империи типа Гонконга, только жителями Запада»¹.

Но упадок ли это? Возьмем пример только одной из этих западных стран и ее империи. Королевство Нидерландов правило будущей Индонезией с 1800 по 1942 г., когда этот регион захватила Японская империя. После войны голландцы вернулись, почти пять лет пытались восстановить контроль над колонией, но потерпели неудачу, и в 1950 г. Индонезия стала независимым государством.

По логике Хантингтона, после такой потери голландцы должны были бы жить сильно хуже. А как

¹ Samuel Huntington, *ibid.*, p. 84 [Хантингтон. Указ. соч. С. 120].

на самом деле? Если взять за единицу измерения покупательную способность доллара США в 1990 г., то в 1950 г. ВВП Нидерландов на душу населения составлял 5996 долл.¹ А что в 2010 г.? ВВП на душу населения в тех же долларах 1990 г. составил 24 303 долл., т.е. вырос на 305%². В материальном отношении потеря колониальных владений — Голландской Ост-Индии — голландским государством нисколько не повредила голландскому народу. Мало того, голландцы перестали посылать свою молодежь на защиту колоний и содержать кучу чиновников для управления ими. Если голландцам теперь что-то нужно в Индонезии, они могут это купить и не тратить свою кровь и свои ресурсы на другую страну. Выходит, что для

¹ Angus Maddison, *Contours of the World Economy, 1—2030 AD, Essays in Macro-Economic History* (Oxford: Oxford University Press, 2007). Данные из таблицы А 7, р. 382 [См.: Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1—2030 гг.: очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2012].

² Jutta Bolt and Jan Luiten van Zanden, «The First Update of the Maddison Project: Re-Estimating Growth Before 1820», Maddison-Project Working Paper WP-4 (January 2013), available online at <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/publications/wp4.pdf>; database at http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data/mpd_2013-01.xlsx. В долларах 2010 г. душевой ВВП был, конечно, значительно больше вследствие инфляционной политики Федеральной резервной системы США и, по данным Всемирного банка (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD/countries/NL--XS?display=graph>), составил 48 530 долл.

голландцев торговля гораздо выгоднее империализма; выгоднее она и для индонезийцев, чей душевой ВВП (в тех же долларах 1990 г.) вырос с 817 долл. в 1950 г. до 4722 долл. в 2010 г., т.е. на 478%¹.

Если одна страна богата, это совершенно не означает, что другая обязательно бедна. Если ваш торговый партнер обогащается, это хорошо для вас. Как объяснил в 1803 г. экономист Жан-Батист Сэй (правда, к нему мало кто прислушивался), «хороший урожай сулит выгоду не только земледельцу, но и торговцам всеми другими товарами. Чем больше урожай, тем больше может купить тот, кто его вырастил. Плохой урожай, напротив, вредит продаже товаров в целом. Точно так же обстоит дело с промышленными и коммерческими продуктами. Успех одной коммерческой отрасли повышает ее покупательные возможности и, следовательно, облегчает доступ на рынок продуктам всех других отраслей. Напротив, замедление одной ветви производства или коммерции отзывается на всех остальных»².

Экономические националисты в богатых странах потрясают кулаками, когда читают, что жители Китая, Индии, Бразилии или Ганы становятся богаче.

¹ Bolt and van Zanden database http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/data/mpd_2013-01.xlsx.

² Jean-Baptiste Say, *A Treatise on Political Economy*, trans. by C. R. Prinsep and Clement C. Biddle (Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1855), Book I, Chapter XV, «Of the Demand or Market for Products», available from <http://www.econlib.org/library/Say/sayT15.html>.

Как же, ведь если бедные становятся богаче, значит, богатые становятся беднее! Подобные эмоции не только некрасивы и низки; они порождены непониманием. Канадцам (или немцам, датчанам, американцам, японцам и другим) незачем раздражаться, если богатеют китайцы или индийцы. Если канадцы торгуют с ними, им выгодно, что их покупатели могут заплатить больше за канадские продукты. То же самое относится к жителям Кореи и Кении, Виргинии и Вермонта, к фермерам и промышленным рабочим.

Если бы все экономические отношения были взаимодействиями с нулевой суммой, это означало бы, что интересы наций несовместимы. И тогда Хантингтон был бы прав. Но он ошибался¹.

Является ли меркантилистский империализм выгодным предприятием?

В течение столетий время от времени раздавались голоса против войны и имперского владычества; но, как ни прискорбно, вторжения в чужие страны, порабощение и грабеж местного населения широкого осуждения не встречали. Принципиальная основа критики вторжений и завоеваний сложилась в ходе

¹ Подобное мировоззрение, исходящее из «нулевой суммы», подразумевает, что торговли не может быть вообще, поскольку люди торгуют только тогда, когда рассчитывают получить выгоду. Экономический национализм внутренне противоречив от начала и до конца.

осознания того, что торговля выгодна, поскольку следует уважать права личности, а несправедливость и насилие разрушительно действуют на личность. Поэтому неудивительно, что философ-моралист, опубликовавший в 1759 г. книгу «Теория нравственных чувств», в своей работе 1776 г. осудил европейскую колонизацию как «безумное и несправедливое дело»: «Безумие и несправедливость были, по-видимому, основными началами, какими руководствовались при первоначальном проекте учреждения этих колоний, — безумие в поисках золотых и серебряных рудников и несправедливость в желании завладеть страной, безобидные жители которой не только никогда не причиняли вреда европейцам, но и приняли первых пришельцев со всевозможными свидетельствами доброжелательства и гостеприимства»¹.

Адам Смит понимал, что империализм «не окупается», — во всяком случае, для большинства населения, — и что общие издержки содержания империй многократно больше, чем общая сумма всех выгод, которые они могут принести. Шотландский моралист и экономист отмечал, что подобные военные предприятия и империи не только сопряжены с разного рода несправедливостью, но обходят-

¹ Adam Smith, *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, ed. R. H. Campbell and A. S. Skinner, vol. II of the Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith (Indianapolis: Liberty Fund: 1981), IV: vii, «Of Colonies», p. 588 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 561].

ся налогоплательщикам гораздо дороже того, что в принципе могут им дать: «Была организована огромная область с единственной целью создать нацию потребителей, обязанных покупать из магазинов различных наших производителей все товары, которыми они могут снабжать их. Ради того небольшого повышения цены, которое эта монополия могла дать нашим производителям, на отечественных потребителей был взвален весь расход по содержанию и защите этой области. Для этой и только одной этой цели на две последние войны было истрачено более 200 млн и был заключен новый государственный долг, превышающий 170 млн, в добавление ко всем издержкам на ту же цель в предыдущих войнах. Одни проценты по этому долгу превышают не только всю ту добавочную прибыль, которую вообще могла принести монополия колониальной торговли, но и всю стоимость оборотов этой торговли или всю стоимость товаров, которые в среднем вывозились ежегодно в колонии»¹.

Колониализм и империализм с их неизбежными захватническими войнами и порабощением на самом деле не принесли пользы населению стран-колонизаторов, т.е. тем людям, которые платили налоги, служили в армиях и несли на себе тяготы имперского бремени.

¹ Adam Smith, *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, ed. R. H. Campbell and A. S. Skinner, vol. II of the Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith (Indianapolis: Liberty Fund: 1981). IV: viii, «Conclusion of the Mercantile System», p. 661 [Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 624].

Кое-кто, разумеется, обогатился: подрядчики и поставщики, чиновники и вице-короли, владельцы торговых монополий и захваченных земель, перевозчики награбленных ценностей и рабов. Но их суммарная выгода была микроскопической в сравнении с потерями несчастных налогоплательщиков стран-колонизаторов и порабощенных обитателей колоний. Как отмечал Адам Смит, одни только проценты по долгу за содержание военной силы превышали оборот всей колониальной торговли. В конечном счете это было невыгодное предприятие¹.

Это прекрасно понимали классические либеральные фритредеры. В 1860 г. член британского парла-

¹ Современник Смита Иеремия Бентам отзывался о заграничных захватах еще резче. Он утверждал: «Всю прибыль, приобретенную захватом, какого бы вида она ни была, я считаю не иначе как грабежом. Это грабеж с применением убийства, причем то и другое совершается в наибольшем возможном масштабе. Это грабеж, к которому правящее меньшинство страны-завоевательницы прибегает в отношении подчиненного большинства в обеих странах. Грабеж, первыми жертвами которого становятся жители страны-завоевательницы из-за непомерной стоимости содержания армии». Бентам считал, что «в руках правящего меньшинства господствующего государства все подобные владения, как никакой иной инструмент или средство, служат цели усиления господства и угнетения за счет и путем принесения в жертву интересов и благополучия подчиненного большинства в обеих странах» (Jeremy Bentham, «In International Dealings, Justice and Beneficence», in E. K. Bramsted and K. J. Melhuish, eds., *Western Liberalism: A History in Documents from Locke to Croce* (London: Longman, 1978), doc. 36, p. 353).

мента и один из самых видных и откровенных сторонников свободной торговли в европейской истории, Ричард Кобден, язвительно заметил, что если вообще нужно финансировать чьи-то крупные особые интересы, то можно делать это гораздо дешевле и с меньшим вредом. Он прославился тем, что вел переговоры о заключении договора о свободной торговле с Францией; этот договор способствовал установлению прочного мира между двумя традиционными врагами. Говоря о невыгодности британской империи, он в шутку предложил совершенно новый, менее обременительный и дорогой способ удовлетворения интересов тех, кто склонен к хищничеству. Было бы куда проще заплатить тем, кто обогащается за счет войны, столько, сколько они выручили бы от войны и империи (это составит ничтожную часть расходов на войну), и освободить общество от необходимости сражаться и умирать: «К сожалению, у нас есть класс, и притом самый влиятельный, который делает деньги на этих удаленных войнах или на страхе перед французским вторжением. Как же этим аристократам обойтись без расходов на войны и оружие? Но нельзя ли найти не такой дорогой и более гуманный способ ублажить этих господ? Когда я обсуждаю снижение пошлин с г-ном Руэром и мы доходим до тех мелких производителей, которые, имея считанных работников и небольшой капитал, требуют для себя высоких защитных пошлин, я обычно говорю: вместо того чтобы вредить торговле страны ради удовлетворения этих мелких интересов, не лучше ли ему освободить этих

людей от их неприбыльных занятий, снять им приятные номера в отеле “Лувр”, кормить их дичью и пить шампанским до конца их дней за государственный счет. Может быть, и нам лучше заключить такой же компромисс с нашими молодыми аристократами, чем в угоду им допускать самое разорительное из всех предприятий — войну или подготовку к войне?»¹

Джон Брайт тоже был одним из основателей фритредерского движения в Англии и, как Кобден, членом парламента, настроенным против империи. В 1858 г. он сравнил Британскую империю и ее войны с системой государственных пособий («внешней помощи») для богатых: «Вряд ли найдется специалист, способный подсчитать, сколько богатства и сил отнято у простых английских семейств, насколько пошатнулось положение этих людей вследствие недостойных посягательств на плоды их трудолюбия, отнятые у них изощренными налогами и безрассудно растраченные на все мыслимые и немыслимые порочные затеи, в каких только может быть повинно правительство. Чем больше думаешь об этом, тем очевиднее становится вывод, к которому я пришел: эта внешняя политика, эта забота то о “свободах Европы”, то о “протестантских интересах”, эта чрезмерная любовь к “балансу сил” есть просто-напросто

¹ John Morley, *The Life of Richard Cobden* (London: T. Fisher Unwin, 1903). Chapter XXXIII.: miscellaneous correspondence, 1859—60—paris—return to England. — <http://oll.libertyfund.org/title/1742/90559/2050419> on 2014-01-02.

гигантская система внешних пособий для аристократии Великобритании»¹.

Некоторые британцы — например, военные подрядчики или те «молодые аристократы», которые занимали должности колониальных губернаторов и чиновников, — выигрывали за счет колонизованных народов и остального населения Англии. Но английский народ в целом безусловно ничего не выиграл. Наоборот, он проиграл. В книге «Мамона и имперские амбиции. Экономика британского империализма» («Mammon and the Pursuit of Empire: The Economics of British Imperialism») Лэнс Дэвис и Роберт Хаттенбек тщательно исследовали расходы, инвестиции, налоги и прочие финансовые реалии Британской империи. Вот их вывод: «Никакой экономической выгоды от империи британцы в целом не получили. Ее получили только отдельные инвесторы. Что до самой империи, то уровень благосостояния варьировался в зависимости от того, о ком идет речь и как считать. Если брать колонии белых поселенцев, ответ однозначен: они мало за что платили и очень многое получали. Да и вообще во всех областях империи, где были белые поселенцы, они в большинстве случаев жили хорошо. Если говорить о туземном населении, то хотя оно действительно получало установленный государством набор

¹ *Selected Speeches of the Rt. Hon. John Bright M. P. On Public Questions*, introduction by Joseph Sturge (London: J. M. Dent and Co., 1907), chapter XVI, Foreign Policy, Speech of October 29, 1858, Birmingham.

потребительских продуктов по оптовым ценам, нет оснований считать, что если бы у этого населения была свобода выбора, оно стало бы покупать именно те продукты, которые ему предлагали, даже по сниженным ценам»¹.

Хотя империализм не приносит никаких экономических выгод населению колониальной державы в целом, он должен обогащать какую-то часть этого населения, — иначе в нем вообще не будет смысла. Обогащается лишь крохотное меньшинство, и его приобретения столь же мизерны по сравнению с потерями, которые несут все остальные. Очень многие, как левые, так и правые, утверждают, не сильно задумываясь, что «если один выигрывает, другой обязательно проигрывает», «если один проигрывает, другой обязательно выигрывает» и что «выигрыши и проигрыши всегда уравновешивают друг друга». Эти утверждения ошибочны.

Нас окружает то, что обществоведы называют играми с положительной суммой, а люди — просто обоюдовыгодными (win-win) сделками, т.е. такими, где в выигрыше оказываются обе стороны. Когда покупатель приобретает что-нибудь у торговца, он говорит «благодарю вас». Тому, кто считает мир игрой с нулевой суммой, должно быть, удивительно слышать, как торговец и покупатель благодарят друг друга.

¹ Lance E. Davis and Robert A. Huttenback, with the assistance of Susan Gray Davis, *Mammon and the Pursuit of Empire: The Economics of British Imperialism*, abridged edition (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 267.

Ни один из них не несет потерь, чтобы доставить выгоду другому. Выигрыш одного не уравнивается проигрышем другого. Они оба выигрывают. Итог не равен нулю: он является положительной величиной. Вокруг нас совершается масса подобных сделок, но мало кто обращает внимание на «двойную благодарность» добровольных обменов с положительной суммой.

Есть и другой вид взаимодействия, известный как игра с отрицательной суммой. В конфликтных ситуациях не только проигрывает одна из сторон, но, бывает, потери сильно превышают выигрыш, и даже обе стороны могут оказаться в проигрыше. Такой исход — весьма распространенное явление. (Конечно — и это тоже нужно иметь в виду, — при игре с отрицательной суммой могут быть игроки, остающиеся в чистом выигрыше. Грабителю, убивающему человека ради денег, достаются, скажем, 10 долл., а его жертва теряет не только 10 долл., но и жизнь. Один получает мелкую прибыль, отнимая у другого все. Но может быть и так, что проиграют оба, — если, например, грабитель, готовый убить ради 10 долл., встретит отпор и противники убьют или серьезно ранят друг друга.)

Викинги привозили из своих набегов богатую добычу. Испанский «серебряный флот» доставлял в Испанию драгоценные металлы (добытые трудом рабов) из королевских колоний; это по крайней мере обогащало королевский двор (но катастрофически сказалось на стране в целом). В те времена пираты были страшной угрозой для судоходства. Но мир менялся. В последние два столетия вред, причиненный колониальными

военными экспедициями туземным народам, не приносил выгод населению (взятому в целом) стран, которые занимались подобными имперскими предприятиями. Разумеется, имелись люди, остававшиеся в чистом выигрыше (например, такая категория, как поставщики товаров для армии), но их прибыль неизмеримо уступал потерям, понесенным не только колонизованными или оккупированными территориями, но и населением державы-захватчика. А потери в двух глобальных мировых войнах были просто ужасающими. В конце Второй мировой войны Европа и значительная часть Азии лежали в руинах, а население этих двух континентов страдало от недоедания или даже голодало. Не война, а мир и торговля создали основу для послевоенного экономического восстановления¹.

Самыми решительными противниками империализма и заморских военных авантур были — во Франции, в Англии или в Германии — как раз убежденные сторонники свободной торговли. Фредерик Пасси, первый лауреат Нобелевской премии мира,

¹ Мнение, согласно которому «война вытащила США из Великой депрессии», убедительно опроверг историк экономики Роберт Хиггс в статьях: «Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S. Economy in the 1940s», *The Journal of Economic History*, Vol. 52, No. 1 (March 1992), и «From Central Planning to the Market: The American Transition, 1945—47», *The Journal of Economic History*, Vol. 59, No. 3 (September 1999); обе статьи перепечатаны в: Robert Higgs, *Depression, War, and Cold War: Studies in Political Economy* (Oxford: Oxford University Press, 2006), Chap. 3, pp. 61—80 and pp. 101—123.

видный экономист-фритредер, основатель Французского общества международного арбитража, поддерживал дружеские отношения и сотрудничал с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Этот видный пацифист разъяснял, что «несмотря на многочисленные прискорбные исключения, все же превалирует тенденция к торжеству гармонии и всеобщего согласия, что прекрасно выражено в возвышенной идее единства и братства всего человечества. Источником этого движения служит торговля. Без нее люди и целые народы перестают быть братьями и становятся врагами. С помощью торговли они учатся понимать и любить друг друга. Взаимные интересы примиряют их, а примирение просветляет их. Без торговли все сидят по своим углам, отгороженные от мира и в каком-то смысле лишены связи с большей частью творения... Доктрина запретов и ограничений не только проповедует одиночество и нищету, но и обрекает человечество на вражду и ненависть»¹.

Пасси посвятил свои усилия развитию свободной торговли и институтов международного арбитража как инструментов, помогающих укрепить мир и избежать войны.

Критики американских имперских амбиций и проектов выступали с тех же позиций, что европейские критики войны и империи. В 1898 г. бизнесмены, писатели и ученые создали Антиимпериалистическую

¹ Frédéric Passy, *Leçons d'Économie politique faites à Montpellier, 1860—1861* (Montpellier: Gras, 1861), p. 548.

лигу для противодействия военному экспансионизму США. Один из членов этой группы, профессор Йельского университета Уильям Самнер, в 1898 г. выступил с широко известным эссе «Завоевание Соединенных Штатов Испанией». В нем он утверждал, что хотя на войне Соединенные Штаты разбили Испанскую империю и отняли у испанцев Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины, на самом деле принципы Испанской империи взяли верх над Соединенными Штатами.

Завершая свое эмоциональное осуждение империализма и войны, Самнер резюмировал: «Мы разбили Испанию на войне, но дали ей завоевать нас на поле идей и политики. Экспансионизм и империализм — это всего лишь старинные теории национального процветания, которые завели Испанию туда, где она сейчас находится. Эти теории обращены к национальному тщеславию и национальной алчности. Они притягательны — особенно на первый и самый поверхностный взгляд — и поэтому, надо признать, сильно действуют на массовое сознание. Однако они ложны и приведут нас к краху, если нам не хватит ума и решимости противостоять им»¹.

¹ William Graham Sumner, «The Conquest of the United States by Spain» (1898) (Indianapolis: Liberty Fund, 2013). Заимствовано из: <http://oll.libertyfund.org/title/2485> on 2014-02-03. См. также: David T. Beito and Linda Royster Beito, «Gold Democrats and the Decline of Classical Liberalism, 1896—1900», *The Independent Review*, vol. IV, no. 4 (Spring 2000), pp. 555—575, http://www.independent.org/pdf/tir/tir_04_4_beito.pdf.

Есть ли смысл в «Войне за нефть (и другие ресурсы)»?

В наши дни прямая колониальная оккупация — явление крайне редкое (хотя такие случаи еще встречаются). Вместе с тем во многих странах нередко можно слышать, что свержение иностранных правительств, применение военной силы, угроза начать войну и прочие средства, которые государство может использовать вне своих границ, необходимы для контроля над ресурсами. Это возвращение к классической меркантилистской логике, опровергнутой временем и экономистами. Время от времени политики заявляют, что войну нужно вести ради экономических интересов. В нашу эпоху, считают они, кровь и деньги нужно тратить на то, чтобы контролировать нефть. В 1990 г. тогдашний государственный секретарь США Джеймс Бейкер, убеждая конгрессменов в необходимости войны с режимом Саддама Хусейна, в частности, заявил: «Дело не в том, что растет цена галлона бензина на заправках. Речь идет не только о конкретном вопросе поставок нефти из Кувейта и Ирака. Главная проблема в диктаторе, который — если ему позволить действовать свободно и безнаказанно — может задуть весь мировой экономический порядок, самолично решая, погрузимся ли мы все в рецессию или даже во мрак депрессии»¹.

¹ James Baker, «Confrontation in the Gulf: Excerpts from Baker Testimony on U.S. and Gulf», *New York Times*, September 5,

Еще раньше один из предшественников Бейкера, Генри Киссинджер, предупреждал в «Los Angeles Times», что диктатор Ирака Саддам Хусейн «способен вызывать мировой экономический кризис»¹. Нефтяной вопрос стоял на повестке дня и во время второго вторжения в Ирак под предводительством США. В числе ошибок, совершенных сторонниками войны за нефть, оказалось и непонимание ключевых экономических реалий.

В публичных дебатах с бывшим директором ЦРУ Джеймсом Вулси Уильям Нисканен, тогда директор Института Катона, а ранее член Совета экономических консультантов при президенте Рейгане и заслуженный ученый-экономист, заявил: «И в 2001 г. нефть не стоит войны, как не стоила ее в 1991 г. Нефть представляет ценность для тех, кто ее контролирует, только в том случае, если они продают ее нам и другим странам. Для американских национальных интересов совершенно неважно, кто владеет этой нефтью, за исключением вопроса о богатстве этой страны. И данное обстоятельство остается в силе независимо от того, идет ли речь о соевых бобах или о нефти, и от того, импортируем ли мы нефть в больших количествах или экспортируем. Цена на нефть в Японии такая же, как в Англии, хотя Япония всю нефть

1990, <http://www.nytimes.com/1990/09/05/world/confrontation-in-the-gulf-excerpts-from-baker-testimony-on-us-and-gulf.html>.

¹ Henry Kissinger, «U.S. Has Crossed Its Mideast Rubicon—and Cannot Afford to Lose», *Los Angeles Times*, August 19, 1990.

импортирует, а Англия в основном обходится собственной добычей. Существует мировой рынок нефти... Поэтому нефть не стоит войны. Она не стоила ее в 1991 г., не стоит и сейчас»¹.

Нисканен был прав. Нефть — товар, имеющий мировую цену. Даже самые отъявленные диктаторы понимают, что нефть мало чего стоит, если ее не продавать. Это признавали даже самые непримиримые враги США, — такие, как покойный венесуэльский диктатор Уго Чавес, который продавал значительную часть добычи государственной нефтяной компании американским покупателям.

Но давайте представим, что поставки нефти или другого ресурса снизились. Что тогда? Экономическая наука объясняет нам два важных обстоятельства.

1. Применение вооруженной силы, помимо всего прочего, — дорогая вещь. Более того, почти во всех случаях оно обходится гораздо дороже, чем любое снижение благосостояния по причине ограничения поставок из других стран. Сторонники военной интервенции считают, что использование армии ничего не стоит. Но это не так².

¹ William Niskanen and James Woolsey, «Should the United States Go to War against Iraq?». Публичные дебаты в Институте Катона 13 декабря 2001 г. — <http://www.c-span.org/video/?167840-1/WarAgainst>.

² Об экономической целесообразности первой Войны в Заливе см.: David R. Henderson, «Do We Need to Go to War for Oil?», *Cato Institute Foreign Policy Briefing*, October 24, 1990, <http://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/fpb004.pdf>.

2. Люди, взаимодействующие на рынках, уже обнаружили механизм, реагирующий на сокращение предложения, а именно ценовой механизм. Цены побуждают распределять товары так, чтобы их использование имело максимальную потребительную ценность из всех возможных (когда цены растут, мы «экономно» используем дефицитные ресурсы). Рост цен создает стимулы не только для экономии ресурсов, но и для наращивания предложения и перехода на заменители (в случае нефти это природный газ, водная, солнечная и прочие виды энергии). Довериться рынку неизмеримо дешевле, чем применить военную силу¹.

Меркантилистские предрассудки и неспособность оценить стоимость военной интервенции характерны, разумеется, не только для правительства США.

Хендерсон занимал должность старшего экономиста по вопросам энергетики в Совете экономических консультантов. В настоящее время является адъюнкт-профессором Высшей военно-морской школы. Хендерсон подсчитал издержки от роста нефтяных цен в том (крайне маловероятном) случае, если бы Саддаму Хусейну удалось взять под контроль всю добычу в Ираке, Кувейте, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах и резко ограничить поставки. Он пришел к выводу, что потери экономики США составили бы мизерную часть затрат на военную операцию по предотвращению вышеописанной ситуации. У США не было решительно никаких экономических причин начинать военные действия в Персидском заливе.

¹ См.: Eugene Gholz and Daryl G. Press, «Protecting “The Prize”: Oil and U.S. National Interest», *Security Studies*, Vol. 19, No. 3 (Fall 2010), pp. 453—485.

Такая политика довела до разорения СССР: каждый новый сателлит увеличивал его империю и все больше повышал нагрузку на имперское государство. Китайская Народная Республика уже немало лет переплачивает за доступ к нефти и другим ресурсам. Подобная политика дорого обходится китайским налогоплательщикам, поскольку государство платит больше рыночной цены (не считая премиальных выплат тем, кто принимает решения в других странах), а затем дотирует убыточным государственным предприятиям использование полученных таким образом ресурсов¹.

¹ В частности, «Дерек Сизерс, штатный научный сотрудник Американского института предпринимательства, изучающий китайские зарубежные инвестиции, отметил, что китайские компании склонны платить за активы с необычайной щедростью: «Они переплачивают, чтобы компании гарантированно получали то, что их интересует». Кроме того, у них масса денег на такие расходы, и они готовы их тратить. Некоторые отраслевые аналитики также согласны в том, что китайские покупатели, по всей видимости, переплачивали в недавних сделках. Ранее в этом году китайская Sinochem заключила сделку с Pioneer Natural Resources по пермскому нефтяному бассейну в Техасе и заплатила на 40% больше, чем предполагали аналитики. Сноос дала 61%-ную премию за Nexen, а Sinopec — 44%-ную премию за разработчика нефтеносных песков Daylight Energy» («Chinese Energy Deals Focus on North America: State-Owned Firms Seek Secure Supplies, Advanced Technology», by Russell Gold and Chester Dawson, *Wall Street Journal*, October 25, 2013).

Китай не только переплачивает за приобретаемые иностранные товары, но и предоставляет их по дотированным ценам привилегированным государственным предприятиям, создавая,

Власти Франции много десятилетий трудились над тем, чтобы обеспечить особые условия французским фирмам в Западной Африке. Эти особые условия добывались за счет африканских потребителей и французских налогоплательщиков. Власти Франции пытались поддержать привилегии французского бизнеса за счет сохранения «колониального франка» (franc CFA; в 1945—1958 гг. CFA означало *Colonies françaises d'Afrique*, затем *Communauté française d'Afrique*, а после объявления независимости французских колоний — *Communauté Financière Africaine*), финансовой помощи (ложившейся таким же бременем на французских налогоплательщиков, как американская помощь на американцев, а китайская — на китайцев), размещения армейских контингентов и периодического военного вмешательства. Но чистая прибыль доставалась не «французам», а привилегированному меньшинству, которое обогащалось за счет французского народа. Журналисты случайно услышали, как президент Николя Саркози сказал президенту Того

76

таким образом, двойной источник убытков для китайской экономики в целом. Как отмечают сотрудники пекинского Независимого института экономики Хон Шен и Нон Чжао, «с 2001 по 2009 г. государственные предприятия недоплатили 234,7 миллиарда юаней налогов на использование ресурсов. В совокупности по углю, газу и другим ресурсам они в общей сложности недоплатили 497,7 млрд юаней» (Hong Sheng and Nong Zhao, *China's State-Owned Enterprises: Nature, Performance and Reform* (Singapore: World Scientific Publishing Company, 2012) (Kindle Edition Locations 242—243)).

Форуму Гнассингбе (избранному при поддержке Франции): «Раз Вы друг Франции, Вы должны заботиться о французских компаниях». Смысл этих слов не оставлял никаких сомнений и наглядно демонстрировал, до чего дошел мир современного кумовства¹.

Россия при президенте Путине тоже старалась получить привилегии для российских компаний, как государственных, так и частных. Для этого она применяла агрессивную внешнюю политику, в том числе вторжения в сопредельные страны и аннексию территории, а также создала «Евразийский таможенный союз». В результате российские потребители и налогоплательщики пострадали, а в выигрыше оказались владельцы и руководители фирм, приближенные к Кремлю, особенно так называемые «силовики», составляющие костяк все более авторитарного режима этой страны².

Свободная торговля — гораздо более верный способ получить нужные ресурсы, чем использование

¹ «La politique africaine de Nicolas Sarkozy tarde a rompre avec une certaine opacite», *Le Monde*, March 25, 2009, http://www.lemonde.fr/afrique/article/2009/03/25/la-politique-africaine-de-nicolas-sarkozy-tarde-a-rompre-avec-une-certaine-opacite_1172354_3212.html.

² «Согласно исследованию Global Trade Alert (GTA), ведущей организации в области сбора информации о торговле, на Россию вместе с ее партнерами по Таможенному союзу, Белоруссией и Казахстаном пришлось треть всех мировых протекционистских мер в 2013 г.» «В исследовании отмечается, что Россия является мировым лидером в области протекционистских торговых мер». *Moscow Times*, January 12, 2014.

государственной власти в любой форме. Меркантилизм, империализм и милитаризм обогащают узкий круг лиц, но они противоречат интересам общества. Это убыточные предприятия.

Экономические заблуждения и международные отношения

Один из выдающихся поборников свободы и мира и один из лучших выразителей ценностей либертарианства, Фредерик Бастиа, так сформулировал ключевую задачу либертарианской политической экономии: объяснить, что торговля взаимовыгодна, а война взаиморазрушительна. «Наша задача — бороться с этой ложной и опасной политической экономией, которая считает процветание одного народа несовместимым с процветанием другого, которая уравнивает коммерцию с завоеванием, а плодотворную работу с господством. Пока подобные идеи будут существовать, мир не сможет и сутки прожить мирно. Более того, сама идея мирного существования станет абсурдом и нелепостью»¹.

Живучесть таких основательно развенчанных теорий, как «торговый баланс», т.е. убеждение, что

¹ Frédéric Bastiat — M. de Noailles a la Chambre des Pairs, 24 Janvier 1847, in *Oeuvres Complètes de Frédéric Bastiat, Tome Deuxieme, Le Libre-Échange* (Paris: Guillaumin et Cie., 1855), http://files.libertyfund.org/files/2343/Bastiat_Oeuvres_1561.02.pdf.

«национальная коммерция успешна настолько, насколько экспорт больше импорта»¹, причинила огромный вред всему миру. Отказ от ложных доктрин — это задача не политической идеологии, а здоровой экономической теории (безотносительно к тому, какими могут быть прочие взгляды на мир). Как отмечал эксперт по торговым отношениям Пол Кругмен, «конфликт между нациями, набирающий силу в воображении многих политиков и политологов, — это иллюзия.

¹ Jean-Baptiste Say, *A Treatise on Political Economy*, trans. by C. R. Prinsep and Clement C. Biddle (Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1855), Book I, Chapter XVII, «Of the Effect of Government Regulations Intended to Influence Production», <http://oll.libertyfund.org/title/274/38004>. Идея торгового баланса — опасное заблуждение; ее несостоятельность была установлена экономистами уже много столетий назад, но она до сих пор пользуется популярностью у тех, кто не дает себе труда хорошо подумать. В «Похвальном слове Гурнэ» (1759), которое великий французский экономист Тюрго посвятил своему учителю Венсану де Гурнэ, он писал, что защищать меркантилистскую политику «значит забывать, что любая коммерческая операция может быть только взаимной, ибо желание продать что-то иностранцам и при этом ничего у них не купить абсурдно» («Portrait of a Minister of Commerce, Eloge de Gournay» in W. Walker Stephens, ed., *The Life & Writings of Turgot* (1895; New York: Burt Franklin, 1971), p. 238 [Тюрго А. Р. Ж. Похвальное слово Венсану де Гурне // Кене Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П. С. Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 559 (в русском переводе этой фразы нет, но есть близка по смыслу: «...это значит забывать, что... никакая нация не может одна вести всю торговлю на земле, все продавать иностранцам и ничего у них не покупать...»)]).

Но это такая иллюзия, которая способна лишить нас реальных взаимных выгод от торговли»¹.

Невежество экономических националистов и нелепость их меркантилистских предложений, заблуждения людей, которые твердят, что бедные развивающиеся страны представляют угрозу для развитых стран и наоборот, поскольку те и другие будут оттягивать на себя чистые инвестиции *и при этом* иметь активное сальдо торгового баланса², — столь вопиющи, что не вызывают ничего, кроме изумления. Можно надеяться, что это невежество отступит перед основательным экономическим анализом и нам не придется долго ждать того дня, который предсказывал Жан-Батист Сэй: «Рано или поздно наступит день, когда люди задумаются о том, стоит ли тратить такие усилия на доказательство ложности системы столь неразумной

¹ Paul Krugman, «The Illusion of Conflict in International Trade», in Paul Krugman, *Pop Internationalism* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1998), p. 84. Заслуживают внимания и другие статьи книги, в том числе простая и доходчивая статья «What Do Undergraduates Need to Know About Trade», pp. 116—125.

² Это, как свидетельствует фундаментальное правило бухгалтерского тождества «сбережения — инвестиции = экспорт — импорт», просто невозможно: если ваш импорт больше экспорта, значит, приток инвестиций больше сбережений и вы импортируете капитал; если же ваш экспорт больше импорта, значит, ваши сбережения больше притока инвестиций и вы экспортируете капитал. Подробный анализ международной торговли, в том числе и в ее связи с проблемой мира см. в: Donald J. Boudreaux, *Globalization* (Westport, CT: Greenwood Press, 2008).

и абсурдной, но тем не менее столь часто утверждаемой острием штыка»¹.

Когда товары не могут пересекать границы, их пересекают армии

Свобода торговли и инвестиций способствует миру между народами. Она не делает войну между государствами невозможной, но снижает ее вероятность, и это уже большое дело. Классики либерализма давно выявили связь между миром и коммерцией. Как отмечал в 1860 г. немецкий классик либерализма Джон Принс-Смит, «создаваемая свободой торговли международная взаимосвязь интересов — наиболее эффективное средство предотвращения войн. Если бы мы продвинулись настолько, что видели бы в каждом иностранце доброго покупателя, у нас вряд ли возникло бы желание стрелять в него»².

Сейчас мы лучше понимаем прямую положительную связь не только между миром и свободой торговли,

¹ Jean-Baptiste Say, *A Treatise on Political Economy*, Book I, Chapter XVII, «Of the Effect of Government Regulations Intended to Influence Production», <http://oll.libertyfund.org/title/274/38004>.

² John Prince-Smith, «On the Significance of Freedom of Trade in World Politics», Address to the Third Congress of German Economists, Köln, 1860, in E. K. Bramsted and K. J. Melhuish, eds., *Western Liberalism: A History in Documents from Locke to Croce*, op. cit., pp. 357—359, p. 357.

но и между миром и объемом торговли. Чем больше торговые потоки, пересекающие границы, чем значительнее перекрестные зарубежные инвестиции, тем меньше вероятность войны.

В 1748 г. французский философ и политический мыслитель Монтескье в своем авторитетном сочинении «О духе законов» подчеркнул, что «естественное действие торговли — склонять людей к миру. Между двумя торгующими друг с другом народами устанавливается взаимная зависимость: если одному выгодно покупать, то другому выгодно продавать, и все их связи основаны на взаимных нуждах»¹.

Рассмотрев многочисленные конфликты, Соломон Полачек и Карлос Сейли пришли к выводу: «Торгующие нации больше сотрудничают и меньше конфликтуют. Удвоение торговли снижает агрессивность на 20%»². Международная торговля и особенно международные инвестиции повышают заинтересованность в сохранении мира. Страны, у которых в данный момент больше торговых связей или взаимных инвестиций, меньше склонны думать о войне против своих покупателей и деловых партнеров. Чем больше

¹ Монтескье Ш. О духе законов. Кн. XX. Об отношении законов к торговле, рассматриваемой с точки зрения ее природы и ее подразделений. Гл. 2. О духе торговли. [Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 433].

² Carlos W. Polachek and Carlos Seiglie, «Trade, Peace and Democracy: An Analysis of Dyadic Dispute», Institute for the Study of Labor (IZA) Discussion Paper 2170 (June 2006), http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=915360 ##.

людей, чье благополучие зависит от поддержания торговли, тем шире и поддержка мира, поскольку все больше голосов будет против разрыва ценных торговых связей. И чем больше объем перекрестных инвестиций, тем сильнее стремление к миру, — по той простой причине, что никто не хочет, чтобы его собственность бомбили и взрывали¹.

Сейчас уже общепризнано, что недалекая и деструктивная политика «торгового протекционизма» (т.е. создание торговых барьеров для «защиты» отечественных производителей) 1930-х годов во многом содействовала Депрессии и вскоре последовавшей войне². Именно об этом предупреждали 1028 американских экономистов, которые подписали петицию против жестких торговых ограничений по более чем 20 000 товарных позиций импорта (ограничения были введены Конгрессом в 1930 г.). Этот удар по американским потребителям (и американским импортерам) запустил цепную реакцию протекционизма по всему миру, углубил и продлил Депрессию в Европе и США, привел к резкому падению мировой торговли и помог проложить путь к войне. Петиция завершалась такими словами: «Тарифная

¹ См.: Erik Gartzke, Quan Li, and Charles Boehmer, «Investing in Peace: Economic Interdependence and International Conflict», *International Organization*, Vol. 55, No. 2 (Spring 2001), pp. 391—438.

² См.: Douglas A. Irwin, *Peddling Protectionism: Smoot-Hawley and the Great Depression* (Princeton: Princeton University Press, 2011).

война — неподходящая почва для укрепления мира во всем мире»¹. Так оно и вышло.

После ужасной Второй мировой войны президент США Гарри Трумэн заметил в 1947 г.: «В данный момент весь мир обращает свои помыслы и усилия на достижение мира и свободы. Эти цели тесно связаны с третьей задачей — восстановлением мировой торговли. И все три — мир, свобода и торговля — на самом деле неотделимы друг от друга. Это доказано тяжелыми уроками прошлого». В своей речи Трумэн отметил, что «с каждым новым сражением в экономической войне 30-х годов трагический исход становился все очевиднее»².

Античный взгляд

То, что мирное поведение и торговля взаимосвязаны, было понято очень давно. В IX песне «Одиссеи» Гомер рассказывает о циклопах, — дикарях, которые поедали высадившихся на их остров. У циклопов не было никаких институтов цивилизации, а именно никаких совещательных органов, законов и торговли.

Нет между ними ни сходбищ народных,
ни общих советов;

¹ <http://econjwatch.org/articles/economists-againstmoot-hawley>.

² Harry S. Truman, «Address on Foreign Economic Policy, Delivered at Baylor University, March 6, 1947», Public Papers of the Presidents, Harry S. Truman 1947—53, <http://trumanlibrary.org/publicpapers/index.php?pid=2193&st=&st1=>.

В темных пещерах они иль на горных
вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми
безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного,
о других не заботясь...
Ибо циклопы еще кораблей красногрудых
не знают;
Нет между ними искусников, опытных
в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы каждый,
моря обтекая,
Разных народов страны посещал, как бывает,
что ходят
По морю люди, с другими людьми
дружелюбно знакомясь¹.

Полемика, обсуждение, критика, торговля, путешествия, инвестиции и прочие элементы свободных обществ не делают войну невозможной, но безусловно снижают ее вероятность. Они ограничивают и снижают жестокое насилие. И об этом можно сказать еще много хорошего.

Кто принимает решения?

Либертарианцы всегда хорошо понимали, насколько наивно и несерьезно считать, будто войны, которые начинают правящие элиты, хоть в какой-то мере

¹ Одиссея IX 112—115; 125—129. (Перевод В. Жуковского.)

ведутся в интересах населения воюющих стран. В книге «Империализм и мировая политика» («Imperialism and World Politics») историк Паркер Мун с предельной ясностью изложил суть вопроса:

«Язык нередко затемняет истину. Языковой обман скрывает от нас подоплеку международных отношений больше, чем мы отдаем себе в этом отчет. Когда мы произносим слово “Франция”, мы представляем Францию как некую единую сущность. Желая избежать громоздких повторов, мы используем по отношению к стране личные и притяжательные местоимения. Когда, например, мы говорим “Франция послала свои войска, чтобы захватить Тунис”, мы мысленно приписываем стране не только единство, но и персональную идентичность. Сами эти слова служат ширмой, скрывающей факты, и превращают международные отношения в эффектную драму, действующими лицами которой выступают персонифицированные страны. При этом мы, к сожалению, тут же забываем о подлинных действующих лицах, т.е. о реальных мужчинах и женщинах. Насколько иначе выглядела бы картина, если бы у нас не было слова “Франция” и вместо этого мы говорили бы “38 миллионов мужчин, женщин и детей самых разных интересов и взглядов, живущие на территории в 218 тысяч квадратных миль”! Тогда нам пришлось бы описывать тунисскую экспедицию точнее, скажем так: “Несколько человек из этих 38 миллионов послали 30 тысяч других на захват Туниса”. Но такая формулировка факта сразу же вызывает вопрос или даже ряд вопросов. Кто эти “несколько”?

Почему они послали тридцать тысяч в Тунис? И почему эти последние повиновались?

Строительством империй занимаются не “нации”, а конкретные люди. Наша задача в том, чтобы выявить этих людей, эти активные заинтересованные меньшинства в каждой нации, которым империализм непосредственно выгоден, а потом проанализировать причины, в силу которых большинство оплачивает расходы и сражается в войнах, неизбежно сопутствующих империалистической экспансии»¹.

Формулировка «страна X начала войну или послала войска на захват страны Y» — это в лучшем случае краткое описание следствия, за которым стоит сложный комплекс причин. В реальности некая группа людей страны X приняла решения, чреватые серьезными последствиями для других, и задача серьезного ученого состоит в том, чтобы понять, как и почему эти

¹ Parker T. Moon, *Imperialism and World Politics* (New York: The MacMillan Company, 1926), p. 58. Заслуживает внимания, как Мун описывает жестокую эксплуатацию королем Леопольдом Бельгийского Конго, так называемого «Свободного государства Конго». Она принесла невообразимые страдания местному населению, обогатила короля и дорого обошлась бельгийским налогоплательщикам. Вечной благодарности достойны героические усилия сэра Роджера Кейсмента, который в «Докладе Кейсмента» (1904) раскрыл бельгийцам глаза на ужасные злоупотребления. Раскрытием преступлений в Конго и Бразилии Кейсмент приобрел всеобщее признание, но, к сожалению, был казнен англичанами за активную поддержку ирландской независимости.

решения были приняты и почему другие с ними согласились. Война — сознательный выбор, по крайней мере со стороны агрессора. Попытка представить всех людей, все интересы и мнения, присутствующие в стране, как целостную выбирающую инстанцию — это не просто мистическая аберрация. Подобный подход, что гораздо хуже, скрывает от нас все важные политологические вопросы. Но именно он характерен для многочисленных обозревателей, аналитиков и идеологов войн и конфликтов. Они не способны рассмотреть проблему во всей ее сложности, поскольку им проще использовать коллективистскую перспективу как в моральной, так и в социальной сфере. Они считают, что страна, которую образуют множество разных людей и их сложные взаимосвязи (семьи, социальные сети, политические партии, деловые предприятия, религиозные союзы и т.д., и т.п.), это точно такой же целостный индивидуум, как и те индивидуумы, из которых она состоит¹. Это поверхностный образ мышления, чреватый опасными последствиями.

Решения не падают с неба: они суть результат сознательного выбора. Нас побуждают к действию определенные мотивы, но сами мотивы проистекают из определенных идей. Неразумные идеи приводят к неразумной политике, которая порождает превратные и даже катастрофически опасные побуждения.

¹ См.: Tom G. Palmer, «Myths of Individualism», *Cato Policy Report* (September/October 1996), <http://www.libertarianism.org/publications/essays/myths-individualism>.

Если мы хотим мира, мы должны активно выступать за мир. Если принято решение в пользу войны, нужно протестовать против него. В отношении войны не должно быть такой позиции, как «ни да, ни нет». Это бинарный выбор. Если вы не за, значит, вы против; ничего промежуточного тут быть не может. Вызываемые войной разрушения, гибель невинных людей и огромные затраты — более чем достаточное основание воздерживаться от войны. Если, далее, мы хотим, чтобы и другие предпочитали мир, нам нужно не только призывать к миру, но и разоблачать заблуждения вроде «столкновения цивилизаций», «экономического конфликта», «протекционизма» и восприятия мира как игры с нулевой суммой. Наконец, нам нужно активно поддерживать институты, способствующие миру, а именно свободу торговли, свободу передвижения и инвестирования, демократические права свободы слова и критики государственной политики.

Задача, которую сформулировал историк Паркер Мун, — «проанализировать причины, в силу которых большинство оплачивает расходы и сражается в войнах», — это и наша задача. Когда мы правильно их поймем, мы должны выступить за то, что правильно, — за правильную философию, политическую экономию, правильные институты и политику, а также за создание миролюбивого мира добровольного сотрудничества.

РОБЕРТ МАКДОНАЛЬД

Американское Просвещение и неприятие войны

Как получилось, что люди перестали считать войну возможностью прославиться, и она в их глазах превратилась из наиболее приемлемого выхода в наименее приемлемый? Как формировался принцип гражданского контроля над военными? Какую роль в этом процессе сыграло Американское Просвещение и кто персонально внес наибольший вклад? Роберт Макдональд — доцент истории в Военной Академии США и научный сотрудник Института Катона, автор многочисленных статей и книг по начальному периоду американской истории; специалист по биографии и творчеству Томаса Джефферсона.

Было время, когда война считалась обычным делом, естественной и даже положительной стороной человеческой жизни. Более того, войну героизировали — причем не только в далеком прошлом, но еще совсем недавно. Знаменитый английский государственный деятель Уинстон Черчилль, стяжавший славу непримиримой борьбой с национал-социалистической тиранией

во время Второй мировой войны, ранее хвастался тем, что принял участие «во многих маленьких войнах против варварских народов». По его словам, «мы продвигались методично, от деревни к деревне, разрушали дома, засыпали колодцы, сносили укрепленные постройки, вырубали тенистые деревья, сжигали посевы и уничтожали запасы в качестве карательной меры»¹.

84

Когда разразилась Первая мировая война, на улицы европейских столиц высыпали ликующие толпы. Войну прославляли из чувства национальной гордости. Войну прославляли за ее якобы благотворное экономическое воздействие — за то, что она, как считалось, «взбадривает», направляя производственные ресурсы на изготовление оружия и прочих средств разрушения. (Если кто думает, что безумное предположение, будто разбитые окна и покалеченные жизни могут подстегнуть экономику, осталось в прошлом, то довольно будет почитать столь же бредовые писания Пола Кругмана из «New York Times»: сей последний уверяет, что иностранное вторжение могло бы «оживить» экономику США².)

Сегодня все, вероятно, согласятся, что война с врагом может быть необходима ради защиты страны или чьих-либо прав от агрессии, но вооруженная борьба

¹ Цит. по: Johan Hari, «The Two Churchills», review of *Churchill's Empire: The World That Made Him and the World He Made*, by Richard Toye, *New York Times*, 12 August 2010.

² Josh Sanburn, «Paul Krugman: An Alien Invasion Could Fix the Economy», *Time*, 16 August 2011.

сама по себе безусловно считается нежелательной. Сегодня в войне видят самый последний выход — и уж никак не первый; в ней видят угрозу жизни, свободе и процветанию. Современный взгляд на войну восходит к Просвещению — к той эпохе, когда были глубоко переосмыслены отношения между людьми и, в частности, война. Именно тогда войну стали считать отрицательным видом человеческого взаимодействия, который за редкими исключениями никак не помогает облагородить, цивилизовать и сделать богаче ни конкретных участников боевых действий, ни народы, от имени которых они сражаются. Томас Джефферсон писал в 1792 г.: «Я ненавижу войну и считаю ее величайшим бедствием человечества»¹.

Как явствует из слов Джефферсона, просветительская переоценка войны оказала особенно глубокое влияние на тех мыслителей, которые подготовили Американскую революцию, боролись за независимость английских колоний в Северной Америке и основали Американскую республику. Крылатая фраза Бенжамина Франклина «Никогда не было и не будет таких вещей, как хорошая война и плохой мир» сохраняла справедливость, когда поводы к войне были незначительными и преходящими². Но даже

¹ Thomas Jefferson to Elbridge Gerry, 13 May 1797, in Julian P. Boyd, et al., eds., *The Papers of Thomas Jefferson*, 36 vols. to date (Princeton, N.J., 1950—), Vol. 29, p. 364.

² Benjamin Franklin to Jonathan Shipley, 10 June 1782, in Leonard W. Labaree, et al., eds., *The Papers of Benjamin Franklin*,

когда поводы были серьезными и война представлялась необходимой, основатели Америки отдавали себе отчет в том, что война способна не только помочь свободе, но и подвергнуть ее опасности. Вооруженная борьба может быть необходимой для защиты свободы и независимости, но ее последствия могут быть разрушительны. Джеймс Мэдисон предупреждал: «Из всех врагов общественной свободы войны следует опасаться, вероятно, в наибольшей мере, ибо она объединяет в себе и усиливает вредоносное воздействие всех остальных». Война, предостерегал Мэдисон, может служить инструментом корыстных интересов.

⁸⁵ Она «порождает армии», дорогостоящие организации, которые размножают «долги и налоги» и совместно с ними создают «хорошо известные средства для подчинения большинства господству немногих». Кроме того, в военное время «исполнительная власть получает добавочные полномочия; ее влияние на наше положение, наши заслуги и вознаграждение многократно возрастает, и все средства смущения умов объединяются со средствами подчинения силы народа»¹. Поскольку война способна в столь значительной мере увеличить власть правительства, она способна в такой же мере ограничить свободу частных лиц.

40 vols. To date (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1959—2011), Vol. 37, p. 457.

¹ James Madison, *Political Observations*, 20 April 1795, in William T. Hutchinson, et al., eds., *The Papers of James Madison: Congressional Series*, 17 vols. (Charlottesville, Va.: University Press of Virginia, 1962—91), Vol. 15, p. 518.

Напротив, в Декларации независимости задачей правительства объявлено обеспечение индивидуальной свободы. Широко известна «самоочевидная истина», что «все люди созданы равными и наделены... определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». За этими словами следуют строки, которые цитируются гораздо реже: «Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье».

Иными словами, если народ находит, что его правительство губительно для прав на жизнь, свободу и стремление к счастью, он волен сместить его и учредить новое для обеспечения «свободы и счастья»¹. (Томас Джефферсон и Континентальный конгресс ни словом не упомянули о славе и даже об экономическом побуждении.) Поэтому главная проблема Войны за независимость состояла в следующем: как создать вооруженные силы, достаточно сильные, чтобы

¹ The Declaration of Independence as Adopted by Congress, 4 July 1776, in Boyd, et al., eds., *The Papers of Thomas Jefferson*, Vol. 1, pp. 429—430.

победить (или по крайней мере сдержать и измотать) армию и флот Великобритании, самой могущественной в то время мировой державы, но недостаточно сильные, чтобы создать угрозу свободе, ради которой и совершалась революция. Это была головоломная задача. Она создала творческое напряжение, благодаря которому были найдены средства контроля над вооруженными силами и приемлемый баланс между их боевым потенциалом и подотчетностью гражданской власти.

86

Члены Континентального конгресса хорошо представляли, на что способны деятели, подобные Юлию Цезарю и Оливеру Кромвелю; они догадывались, что человеку вообще свойственна врожденная жажда власти, и очень внимательно относились к тому, о чем предупреждали и античные авторы (например, Тацит), и их современники (например, Джон Тренчард и Томас Гордон). Поэтому члены Конгресса остановили свой выбор на делегате от Виргинии Джордже Вашингтоне, предложив ему возглавить Континентальную армию. В пользу его кандидатуры как военачальника говорили многие обстоятельства, но нельзя забывать и о другом: хотя Вашингтон и получил боевой опыт в военных действиях против французов и индейцев, он рано вышел в отставку и значительную часть своей зрелой жизни провел на гражданской службе — в качестве члена Законодательного собрания колонии Виргиния. Назначение Вашингтона во многом способствовало формированию американской традиции, установившей безусловное подчинение

военных гражданским политическим лидерам; перед ними Вашингтон отстаивал свое мнение откровенно и даже резко, но никогда не подвергал сомнению их верховные полномочия¹.

Учитывая, насколько бескомпромиссно члены Континентально конгресса судили о военной методике Вашингтона, его покорность гражданскому контролю представляется особенно похвальной. Вашингтон, видимо, почти сразу понял, что время на стороне новой нации. Чем дольше будет длиться конфликт, тем больше вреда англичане причинят сами себе, отталкивая американцев суровым и даже жестоким обращением с гражданским населением. Затянувшаяся война ослабит и решимость английского правительства. Однако Джон Адамс, желавший избежать длительного кровопролития, в 1777 г. пылко заявил: «Мое самое сильное желание — это короткая и решительная война». Другие с ним согласились. Критика стала особенно резкой, когда войска Вашингтона не смогли предотвратить вступление англичан в Филадельфию; эта потеря выглядела особенно обескураживающей на фоне победы при Саратоге, которую одержали войска под началом

¹ Bernard Bailyn, *The Ideological Origins of the American Revolution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967), pp. 36, 48, 61—65, 84, 112—119; Richard H. Kohn, *Eagle and Sword: The Federalists and the Creation of the Military Establishment in America, 1783—1802* (New York: The Free Press), 1—13; Joseph J. Ellis, *His Excellency: George Washington* (New York: Alfred A. Knopf, 2004), pp. 68—72.

генерал-майора Горацио Гейтса, второго по должности офицера Континентальной армии. Но время подтвердило правоту рассудительности и сдержанности Вашингтона. То же самое можно сказать о его честной и открытой позиции в отношениях с гражданскими лидерами в Континентальном конгрессе и уважении к их решениям¹.

Но не все офицеры Континентальной армии разделяли позицию Вашингтона. В 1782 г. полковник Льюис Никола написал Вашингтону письмо, где от имени многих офицеров заявил, что правительство, действующее в рамках Статей Конфедерации, слишком слабо, чтобы поддерживать боеспособность армии на должном уровне. Вашингтон был с этим согласен, но отверг предложение Никола, считавшего, что удобный выход из положения — возвести Вашингтона на трон в качестве американского короля. Он ответил, что послание вызвало у него «крайне неприятные чувства... из-за того, что подобные планы вообще появились в армии». Для Вашингтона и других представителей Американского Просвещения была совершенно неприемлема сама мысль о том, что основой власти может стать военная сила,

¹ John Adams to Abigail Adams, 2 September 1777, in L. H. Butterfield, et al., eds., *The Adams Family Correspondence*, 9 vols. to date (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963—), Vol. 2, p. 336; Charles Royster, *A Revolutionary People at War: The Continental Army and American Character, 1775–1783* (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1979), pp. 116—119, 179—189.

а не общее согласие и служение народу путем обеспечения его прав¹.

Недовольство гражданскими властями новой республики вновь заявило о себе в следующем году, когда среди офицеров в лагере Континентальной армии под Ньюбургом, штат Нью-Йорк, стала распространяться анонимная прокламация. В ней отмечалось, что надежды на жалованье, нормальное снабжение и обещанные пенсии призрачны; прокламация призвала офицеров выступить против Конгресса, если он не выполнит их требования. Узнав об этом, Вашингтон приказал созвать офицеров на собрание. Он вышел к ним с самым внушительным видом, произнес несколько вступительных фраз, а потом, разворачивая послание, которое собирался зачитать, поразил аудиторию, поскольку надел очки, которые в те времена считались знаком телесной немощи и преклонного возраста. «Джентльмены, — сказал он, — надеюсь, вы не будете возражать, если я их надену, ибо на службе моей стране я не только поседел, но и почти потерял зрение». Эти слова произвели на офицеров должное впечатление и показали, в какой мере Вашингтон, — человек, который руководил Континентальной армией с самого начала, отказался получать плату от Континентального конгресса и носил мундир

¹ George Washington to Lewis Nicola, 22 May 1782, in John C. Fitzpatrick, ed., *The Writings of George Washington*, 39 vols. (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1931—39), Vol. 24, pp. 272—273; Ellis, *His Excellency*, pp. 138—139.

с дырками от пуль, — воплощал идеал мужества и добродетели. Какую бы угрозу для гражданской формы правления в Америке ни представлял «Ньюбургский заговор», в тот момент эта угроза миновала¹.

Вашингтона часто сравнивали с Цинциннатом, римским военачальником и государственным деятелем V в. до н.э., который, разбив врагов Рима, удалился от власти. После подписания мирного договора Вашингтон сложил с себя полномочия. Он был рад вернуться к частной жизни. После победы у Йорктауна в 1781 г. Вашингтон все больше хотел забыть о войне. «Мое первое желание, — писал он, — видеть это бедствие рода человеческого изгнанным из земных пределов, видеть сыновей и дочерей мира сего занятыми в делах более приятных и невинных, нежели изготовление смертоносных приспособлений и употребление их на уничтожение рода человеческого». Он выражал надежду, что если войне и суждено остаться европейской традицией, то в Америке она не приживется: «Вместо того чтобы враждовать из-за территории, пусть лучше бедные, нуждающиеся и угнетенные всей земли и те, кому нужны земли, обратятся к плодородным равнинам нашей Западной страны, второй земле обетованной, и там живут в мире, исполняя великую первую заповедь²».

¹ Kohn, *Eagle and Sword*, pp. 17—39; Ellis, *His Excellency*, pp. 141—146.

² Garry Wills, *Cincinnatus: George Washington and the Enlightenment* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1984); George Washington to David Humphreys, 25 July 1785, in W. W. Abbot, et al., eds., *The Papers of George Washington: Confederation Series*,

Армейские офицеры сохраняли значительное влияние даже в отставке. Они были заметны среди делегатов Филадельфийского конвента 1787 г., которые выступили за замену Статей Конфедерации новой конституцией. К числу сторонников усиления центральной власти принадлежал и Вашингтон. Он принял предложение Мэдисона возглавить Конституционный конвент; это повысило авторитет рабочей группы и убедило скептиков в том, что новая конституция не будет ущемлять свободу. Конституция наделяла центральное правительство дополнительными полномочиями, особенно в сфере иностранных дел. Оно имело право, не спрашивая согласия штатов, вводить налоги, набирать и содержать армию, объявлять войну и заключать договоры. Эти полномочия были распределены между разными ветвям федеральной власти. В частности, новый президент (почти никто не сомневался, что им станет Вашингтон) имел статус верховного главнокомандующего, но право объявлять войну было исключительной прерогативой Конгресса. Президент имел право подписывать договоры с другими странами, но право окончательно утверждать или отклонять договоры оставалось за Сенатом, а Палата представителей распоряжалась выделением средств, необходимых для выполнения взятых обязательств¹.

6 vols. (Charlottesville, Va.: University of Virginia Press, 1992—95), Vol. 3, pp. 148—149.

¹ Stuart Leibiger, *Founding Friendship: George Washington, James Madison, and the Creation of the American*

В президентство Вашингтона Америка не вела войн, но столкнулась с немалыми сложностями в международных делах. По отношению к Англии и Франции, вовлеченных, казалось, в перманентный конфликт, верховный главнокомандующий старался придерживаться нейтрального курса. Хотя федералисты склоняли Вашингтона на сторону Англии, а республиканцы Джефферсона — на сторону Франции, в конце президентства, в прощальном послании он призвал американцев «содействовать миру и согласию» в мире и «соблюдать честность и справедливость в отношении всех стран». Вашингтон утверждал, что такая «свободная, просвещенная и в скором времени великая страна», как Соединенные Штаты, должна «дать человечеству благородный и еще небывалый пример народа, неизменно руководствующегося возвышенными принципами справедливости и благорасположения». Он утверждал, что «постоянное и застарелое нерасположение к одним странам и пылкая приверженность к другим недопустимы, а вместо этого нужно питать честное и дружеское отношение ко всем». К чему, спрашивал он, «связывать наш мир и процветание с проявлениями честолюбия, соперничества, интересов, настроений или капризов Европы?»¹.

Republic (Charlottesville, Va.: University Press of Virginia, 1999), pp. 58—95.

¹ Joseph J. Ellis, *Founding Brothers: The Revolutionary Generation* (New York: Alfred A. Knopf, 2001), pp. 120—12, 134—148;

Последующие администрации старались действовать в соответствии с принципами Вашингтона. В инаугурационной речи 1801 г. Джефферсон торжественно обещал «одинаковое и справедливое правосудие для всех людей, безотносительно их положения и религиозных или политических убеждений, мир, торговлю и честные доброжелательные отношения со всеми странами, без вступления в альянс с какой-либо из них»¹. Но центральное правительство, как выяснилось, не всегда соблюдало нейтралитет и даже Конституцию, — особенно в периоды международных конфликтов. Одним из обстоятельств, которые активизировали сторонников Джефферсона на выборах 1800 г., стал подписанный президентом Джоном Адамсом в 1798 г. «Закон о подстрекательстве к мятежу». Он позволял правительству наказывать тюремным заключением сроком до двух лет всякого, кто «будет писать, печатать, распространять или публиковать... ложные, клеветнические и злонамеренные» измышления о президенте, Конгрессе или законах Соединенных Штатов. Закон был принят во время официально не объявленной «квазивойны» с Францией; его инициаторы преподносили эту меру как способ

George Washington, Farewell Address, 19 September 1796, Founders Online, National Archives (<http://founders.archives.gov/documents/Washington/99-01-02-00963>, ver. 2013-12-27).

¹ Thomas Jefferson, First Inaugural Address, 4 March 1801, in Julian P. Boyd, et al., eds., *The Papers of Thomas Jefferson*, 36 vols. to date (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1950—), Vol. 33, pp. 150.

обезопасить Америку от внешних и внутренних недругов. Адамс, возможно, намеревался использовать закон даже для усмирения самых воинственных федералистов, выступавших за полномасштабную войну (которой он хотел избежать). Джефферсон и другие противники закона осуждали его как очевидное нарушение Первой поправки, принятой всего семь лет назад и гласившей, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона... ограничивающего свободу слова или печати, либо права народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹.

Однако когда Джефферсон вступил в должность, он тоже проявил склонность расширять или превышать установленные Конституцией полномочия правительства, — хотя и с неизменной целью избежать войны. В 1807—1809 гг. действовало введенное Джефферсоном эмбарго на всю международную торговлю; эта мера задумывалась как альтернатива войне и способ «мирного воздействия» на Англию и Францию, ни одна из которых в период Наполеоновских войн не признавала права американцев на нейтральную торговлю. Решение Джефферсона основывалось на очень широком толковании раздела 8 статьи I Конституции, наделявшей Конгресс правом «регулировать торговлю

¹ Ellis, *Founding Brothers*, pp. 190—93; U.S. Const. amend. I. See also James Morton Smith, *Freedom's Fetters: The Alien and Sedition Laws and American Civil Liberties* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1956).

с иностранными государствами». В конфиденциальных беседах Джефферсон признавал, что и покупка Луизианы в 1803 г. была совершена в нарушение Конституции, которая не дает центральному правительству права присоединять новые территории к Соединенным Штатам. Однако он вынужден был пойти на этот шаг в целях снижения вероятности войны, ибо тем самым не только вдвое увеличивалась территория Америки, но предотвращалось появление на заданных границах сильного европейского соперника. Джефферсон опасался, что, если французы будут владеть этими территориями (особенно Новым Орлеаном), Франция станет «нашим естественным и постоянным врагом», а это подорвет американский нейтралитет и заставит США «связать себя слишком прочными узами с английским флотом и государством»¹.

Несмотря на все старания Джефферсона сохранить мир, его преемник, президент Мэдисон, считал, что обстоятельства делают военный конфликт почти неизбежным. Война с Англией в 1812 г. чуть было не поставила под угрозу само существование Соединенных Штатов, которые столкнулись не только с вражеским вторжением, но и с внутренними

¹ David N. Mayer, *The Constitutional Thought of Thomas Jefferson* (Charlottesville, Va.: University Press of Virginia, 1994), pp. 215—218, 244—51; Drew R. McCoy, *The Elusive Republic: Political Economy in Jeffersonian America* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1980), pp. 195—210; Jefferson to Robert R. Livingston, 18 April 1802, in Merrill D. Peterson, ed., *Thomas Jefferson: Writings* (New York: Library of America, 1984), pp. 1105.

разногласиями, — вплоть до призывов к отделению в Новой Англии. Тем не менее Мэдисон явил собой почти уникальный пример среди президентов военного времени: перед лицом всех этих угроз он не пытался расширить полномочия правительства на длительный срок или хотя бы временно ограничить гражданские свободы¹. Первейшая обязанность правительства — и это Мэдисон хорошо понимал — использовать силу (в случае необходимости) ради защиты американцев от угроз их свободе. Но наделение правительства дополнительной властью позволяет ему отнять ту свободу, которую оно поставлено защищать.

То обстоятельство, что Мэдисон и другие светила американского Просвещения ясно осознавали эту головоломную дилемму, позволяет понять, до какой степени представители революционного поколения были сторонниками мира и противниками войны, приверженцами принципа разделения властей и других ограничений и насколько высоко они ценили лидеров, способных контролировать себя. В своем неприятии войны они, конечно, не были все как один и безупречно последовательны (например, Александр Гамильтон и Аарон Берр смотрели на применение силы вполне

¹ Ralph Ketcham, *James Madison: A Biography* (New York: Macmillan, 1971), pp. 585—586; Benjamin Wittes and Ritika Singh, «James Madison, Presidential Power, and Civil Liberties in the War of 1812», in Pietro S. Nivola and Peter J. Kastor, eds., *What So Proudly We Hailed: Essays on the Contemporary Meaning of the War of 1812* (Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2012), pp. 97—121.

традиционно), но в целом эти люди, добившиеся известности в борьбе за американскую независимость, стремились избежать конфликтов с другими странами, лишить войну героического ореола и изменить традиционное положение вещей, поставив военных под гражданский контроль. Свое новое государство они рассматривали как «империю свободы», обладающую потенциалом территориального роста за счет удовлетворения просьб белых поселенцев о вхождении в добровольный союз свободных и равноправных штатов¹. (Мнением туземного населения мало кто интересовался, и на его права собственности политические лидеры, как правило, не обращали внимания.) Подобно Адаму Смиту, Давиду Юму, Монтескье и французским мыслителям, известным как «физиократы»², американские просветители думали не о завоеваниях, а о свободной торговле, которая, как они считали, способна наращивать не только благосостояние, но и человеческое знание. В памфлете «Здравый смысл»

91

¹ Jefferson to Madison, 27 April 1809, in J. Jefferson Looney, ed., *The Papers of Thomas Jefferson: Retirement Series*, 7 vols. to date (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004—), Vol. 1, p. 169; Peter S. Onuf, *Jefferson's Empire: The Language of American Nationhood* (Charlottesville, Va.: University of Virginia Press, 2000), pp. 53—79.

² Термин «физиократия» составлен из греческих слов и означает «господство природы». Представители этой школы считали, что общество — не плод деятельности мудрых правителей, а саморегулирующаяся система, которая развивается в соответствии с познаваемыми естественными законами.

Томас Пейн писал: «В наши планы входит торговля, и она, при разумной ее организации, обеспечит нам мир и дружбу со всеми народами Европы». Последующие события несколько умерили энтузиазм Пейна, но умерить отвращение к войне у представителей поколения, которое с оружием в руках и с большими усилиями добилося независимости, могла только перспектива утраты свободы. «Самая сильная армия, какую только могут иметь наши правительства, — писал Джефферсон в 1786 г., — это здравый смысл нашего народа»¹.

Американские просветители добились многого. Они подчинили военную силу гражданской власти. Они воздвигли интеллектуальные, моральные, юридические и политические преграды на пути войны. Конечно, всякий, кто изучал американскую историю, знает, что их достижения в этой области (как и во многих других) неполны и несовершенны. Но они предложили нормативный набор принципов, которые изменили мир: это тезис «все люди созданы равными», свобода слова и прессы, а также презумпция верховенства гражданской власти по отношению к военной, перевернувшая традиционную практику главенства военных над гражданскими. И хотя в мире еще

¹ McCoy, *The Elusive Republic*, 86—100; Thomas Paine, *Common Sense*, 1776, in Philip S. Foner, ed., *The Complete Writings of Thomas Paine*, 2 vols. (New York: Citadel Press, 1945), vol. 1, p. 20 [см.: Пейн Т. Права человека // Пейн Т. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959]; Jefferson to William Carmichael, 26 December 1786, in Boyd, et al., eds., *The Papers of Thomas Jefferson*, vol. 10, p. 634.

сохранилось узаконенное неравенство между людьми, сохранились цензура и даже военные правительства, все моральные и политические нормы, сформулированные американским Просвещением, доказали свое превосходство. В государстве, которое революционное поколение построило и снабдило защитой против безумия войны, эта защита (чего и опасались ее создатели) со временем ослабла. Последующая история США неоднократно демонстрирует, как под предлогом военных условий полномочия концентрируются в руках исполнительной власти за счет законодательной, как ограничиваются гражданские свободы, растет государственный долг и налоги. Но защитные приспособления по-прежнему существуют (пусть и в ослабленном виде) и по-прежнему позволяют надеяться, что свободу, ограничение полномочий власти и мир можно восстановить, вернуть и продлить.

ДЖАСТИН ЛОГАН

Снижение роли войны как инструмента политики в современную эпоху

⁹² Приносят ли войны те результаты, ради которых ведутся? Как меняется отношение к войне в современном мире? Какую роль в войне играют материальные интересы и какую — идеологии? Джастин Логан — директор центра изучения внешней политики в Институте Катона. Публикуется в журналах по внешней политике — «Foreign Policy», «Foreign Service Journal», «Orbis» и «Harvard International Review»; регулярно выступает в радио- и телепередачах, посвященных международным отношениям.

Если начать с Корейской войны, то очень мало случаев, когда мы участвовали в крупном военном конфликте и выходили из него с тем, что считали такой же несомненной победой, как во Второй мировой войне или в первой Войне в Заливе.

Роберт Гейтс¹

¹ Роберт Гейтс, выступление на телепередаче NBC «Встреча с прессой» 19 января 2014 г. Запись: <http://www.nbcnews>.

Современный мир сформирован войной. Национальные государства, глобальная экономика, структура международной системы — все это отчасти обязано своим происхождением войне¹. Но при всей важности фактора войны количество войн в течение многих столетий быстро шло на убыль; это убедительно показали Стивен Пинкер, Джеймс Пейн, Джон Мюллер и другие исследователи.

Значительно меньше внимания привлекло то обстоятельство, что в нашу современную эпоху зачинщики конфликтов редко добивались поставленных целей. В данной статье я анализирую типы войн, происшедших в период до 1945 г. включительно, и намечаю причины снижения их количества. Затем я описываю войны в период после Второй мировой войны и предлагаю объяснение того, почему их инициаторы редко достигали своих целей. В заключение я привожу выводы, поучительные для политиков и граждан.

Подъем и упадок войн между крупными державами

В течение тысячелетий племена, города-государства, королевства, империи, национальные государства

com/id/54117257/ns/meet_the_press-transcripts/t/january-dianne-feinstein-mike-rogersalexis-ohanian-john-wisniewski-rudy-iuliani-robert-gates-newtgingrich-andrea-mitchell-harold-ford-jr-nia-malika-henderson/#.UxdBE1OGfKc.

¹ Charles Tilly, *Coercion, Capital, and European States, AD 990—1992* (Cambridge, MA: Blackwell, 1990).

сражались друг с другом за обладание дополнительными территориями, за возможность получить ценные ресурсы и увеличить свою мощь¹. Как гласит известный афоризм Чарльза Тилли, «война порождает государства, государства порождали войну»².

С начала Нового времени, т.е. с конца XVI в., частота и смертоносность войн то повышались, то понижались, поскольку государства развивали и совершенствовали как организационные и технологические средства насилия, так и организационные и технологические средства для противодействия насилию³.

Крупные державы вели завоевательные войны с другими крупными державами за обладание ресурсами — рудниками, пастбищами, рабами, портами, золотом и серебром, данниками, — а также за обращение народов в ту религию или культуру, которая была угодна правителям.

С середины XX в. такие войны стремительно пошли на убыль. По мнению ряда исследователей, война отступила потому, что человечество как вид

¹ Всесторонний, но компактный обзор: Jack S. Levy and William R. Thompson, *The Arc of War: Origins, Escalation, and Transformation* (Chicago: University of Chicago Press, 2011).

² Charles Tilly, «Reflections on the History of European State-Making», in Charles Tilly, ed., *The Formation of National States in Western Europe* (Princeton: Princeton University Press, 1975), p. 42.

³ Jack S. Levy, «Historical Trends in Great Power War, 1495—1975», *International Studies Quarterly* 26, no. 2 (June 1982): 278—300.

выработало в себе столь негативное отношение к абсурдности войны, что никто больше не может представить войну чем-то желательным. Если воспользоваться словами Джона Мюллера, война стала «подсознательно немыслимой»¹.

Нормы формирует время, но они почти никогда не возникают независимо от других, материальных, факторов. Изменения в материальной сфере подталкивали или по крайней мере поддерживали соответствующее изменение образа мыслей. Войны того типа, которые крупные державы вели в прошлом, больше не выглядят столь привлекательно, — даже в глазах лидеров, в наибольшей мере склонных рисковать. Такие невоенные факторы, как национализм и другие формы политической самоидентификации, сильно затруднили контроль и ассимиляцию покоренного населения. А такие экономические факторы, как го-
94
горизонтальная интеграция цепочек поставок и интенсификация международной торговли, сделали перспективу экономической выгоды войны гораздо более призрачной².

Если говорить о средних странах, то их склонность к агрессии еще не вполне угасла. Скажем, в 1990 г. Ирак вторгся в Кувейт с целью захватить нефтяные

¹ John Mueller, *Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War* (New York: Basic Books, 1989), pp. 240—244.

² Обзор вопроса см. в: Benjamin H. Friedman, Brendan Rittenhouse Green, and Justin Logan, «Debating American Engagement: The Future of U.S. Grand Strategy», *International Security* 38, no. 2 (Fall 2013): 183—192.

месторождения и аннулировать государственный долг Ирака перед Кувейтом. Однако легкость, с которой коалиция под предводительством США изгнала войска Саддама Хусейна из Кувейта, показала, насколько рискованна вооруженная агрессия против другой страны.

Современные войны

Хотя войны между крупными державами ушли в прошлое, новые войны все же начинаются. Три типа войн еще существуют, но они практически никогда не достигают поставленных целей.

Война за нераспространение /

Превентивная война

Мировые державы, особенно США, регулярно выражают глубокую озабоченность тем, что другие страны приобретают ядерные технологии и способность создавать ядерное оружие. Иракская война 2003 г. оправдывалась прежде всего соображениями нераспространения, несмотря на то, что администрация не представила никаких доказательств и даже сознательно проигнорировала тот факт, что у Ирака вообще не было ядерной программы.

Хотя крупные державы руководствуются доктриной ядерного сдерживания, они по ряду причин выступают против распространения ядерного оружия. Они опасаются его случайного применения, опасаются «каскадов распространения», или ядерного «эффекта

домино», опасаются ядерного терроризма и, наконец, хотят сохранить свободу действий относительно третьих стран. По словам Кеннета Вальтца, «Америка противится распространению ядерного оружия прежде всего потому, что если слабые страны получают его, они будут ставить нам палки в колеса»¹.

Однако войны за нераспространение сталкиваются с целым рядом проблем, первую из которых наглядно продемонстрировал Ирак. Информацию, необходимую для успеха такой войны, вообще трудно получить, и во многих случаях она ненадежна. Ирак — крайний случай: в 2003 г. у Багдада просто не было ядерной программы. Но даже в тех случаях, когда существование ядерных программ достоверно установлено, крайне сложно получить данные, необходимые для надежного поражения ключевых узлов созданной ядерной инфраструктуры². Есть, конечно, альтернативный вариант: периодически наносить удары, чтобы сорвать продолжение программы, бомбить страну каждые несколько лет до тех пор, пока она не откажется от своих ядерных планов или пока в ней не произойдет «смена режима», выгодная атакующей стороне. Успешную

95

¹ Kenneth N. Waltz, «Waltz Responds to Sagan», in Scott D. Sagan and Kenneth N. Waltz, *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate* (New York: W. W. Norton, 1995), p. 111.

² Можно, конечно, сказать, что израильский удар по сирийскому реактору свидетельствует об обратном; но сирийская программа находилась в самой зачаточной стадии, и израильский удар принес сомнительную пользу безопасности самого Израиля.

войну против распространения трудно представить; более того, угроза такой войны может только укрепить страну в убеждении, что ей нужно иметь ядерное оружие для самозащиты.

Встречный эффект домино /

Войны за влияние и престиж

Еще одной целью войн, которые велись в последние десятилетия, была защита «влияния» крупных держав на слабые страны. Крупные страны нередко начинали или вели войны из опасения, что то или иное государство может попасть под влияние другого государства и это нанесет ущерб безопасности страны-интервента. Согласно «теории домино», изменения во внутренней политике определенного государства или его переход в сферу влияния другого государства могут вызвать эффект домино: каждая фишка сбивает следующую, и это приводит к переходу энного количества государств под эгиду соперника.

Сейчас, когда я пишу эту статью, российские войска вторглись в Украину. Правительство России утверждает, что эти вооруженные отряды не имеют отношения к российской армии, а состоят из местных ополченцев и защищаются от политической нестабильности на Украине. Заявление, что это не российские войска, смехотворно, и его не признает никто, кроме верных сторонников Москвы. Утверждение, что они обеспечивают восстановление политической стабильности, а не военно-морской контроль над Черным морем из Крыма, тоже не выдерживает никакой критики.

Российское вторжение свидетельствует, что военная сила по-прежнему используется в международной политике, и этой статьёй я вовсе не хочу сказать, что применение военной силы не нужно принимать во внимание. Российские войска незаконно вторглись в Украину, но до открытой войны дело по двум причинам не дошло: во-первых, Киев справедливо рассудил, что практически нет надежды добиться приемлемого политического итога путем вооруженного сопротивления; во-вторых, значительная часть населения Крыма симпатизировала Москве. Поэтому русская крымская экспедиция 2014 г. относится к иной категории, чем те крупные войны, которые велись в XVII—XX столетиях. Сильные государства бесцеремонно навязывают свою волю слабым, когда видят, что сделать это легко, а ставки достаточно высоки.

Но такие войны иногда приводят к катастрофическим последствиям для интервента. За многие десятилетия экономика СССР была уже сильно ослаблена порочной организацией и чрезмерной милитаризацией; но вторжение в Афганистан помогло добить советское государство. Афганистан — бедная страна в плане природных ресурсов; поэтому логику вторжения сложно понять. Насколько можно судить, советские лидеры опасались, что Афганистан отвернется от Москвы и обратится к Западу, а это чревато непредсказуемыми, но крайне неприятными последствиями для стратегического положения СССР. А когда дела пошли плохо, советские

лидеры стали опасаться, что «“потеря” Афганистана станет неприемлемым провалом и ударом по советскому престижу»¹.

Интервененты довольно часто руководствуются подобной логикой сохранения влияния и престижа, но их соображения редко оправдываются. Дэрил Пресс убедительно показал, что авторитет и престиж приобретаются и теряются совсем не так, как это представляют себе политические лидеры. В кризисных ситуациях политики не склонны исходить из оценки предшествующего поведения противников. В конкретных случаях для них значимы материальные интересы и военные возможности противников². Влияние — столь же случайная и эфемерная вещь. Государства редко хранили верность покровителю из иных соображений, чем свои собственные интересы.

Гуманитарные интервенции

Наконец, государства предпринимают интервенции с декларируемой целью оказания помощи третьим странам, которые в ней нуждаются или подвергаются опасности. Ситуацию гуманитарной интервенции не всегда легко идентифицировать, поскольку правительства, желая заручиться внутренней поддержкой

¹ Artemy Kalinovsky, «Decision-Making and the Soviet War in Afghanistan: From Intervention to Withdrawal», *Journal of Cold War Studies* 11, no. 4 (Fall 2009), p. 50.

² Daryl G. Press, *Calculating Credibility: How Leaders Assess Military Threats* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007).

интервенции, не имеющей стратегического смысла, часто настаивали на том, что она предпринимается отнюдь не из альтруистических соображений, а ради настоящих интересов страны.

Недавним примером такой интервенции, имевшей весьма спорные оправдания интересами национальной безопасности, была операция 2011 г. в Ливии, проведенная под эгидой США. Представители правительства США продолжают утверждать, что вмешательство в ливийскую гражданскую войну предотвратило замышлявшееся ливийским режимом убийство как минимум 100 тысяч человек в Бенгази; опровергнуть эти заявления практически невозможно, но и доверия они не заслуживают. Поведение войск режима в Мисрате незадолго до бомбардировки Бенгази союзными силами никак не свидетельствует о планах массового убийства. Кроме того, ливийский диктатор Муаммар Каддафи хоть и грозил повстанцам, но гражданскому населению Бенгази в публичном обращении обещал следующее: «Те, кто сдаст оружие и останется в своем доме без оружия, будут прощены, что бы они ни сделали, и им ничего не грозит. Мы простим всех, кого только можно... Всякий, кто избавится от оружия и останется в своем мирном доме, будет прощен, — что бы он ни делал раньше. Ему нечего бояться»¹.

¹ Обзор вопроса см. в: Alan J. Kuperman, «A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign», *International Security* 38, no. 1 (Summer 2013): 105—136.

Каддафи хотел не столько наказать своих подданных, сколько сохранить власть. Но он был жестоким диктатором, и этот факт вызывал сильное осуждение в либеральных западных кругах. Поэтому всякий, кто указывал, что несправедливо обвинять Каддафи в намерении истреблять гражданское население, рисковал заслужить репутацию защитника тирании. Наконец, западные правительства утверждали, что арабская либерализация — «Арабская весна» — имеет будущее лишь в том случае, если Каддафи не победит в гражданской войне¹. При этом они официально заявляли, что не имеют намерения сменить существующий режим, — хотя военная операция неопровержимо свидетельствовала об обратном². Так или иначе, итоги войны не отличались от результатов многих гуманитарных интервенций: смена режима привела к развалу экономики и до сих пор не разрешенным политическим разногласиям, которые вышли за пределы лимита внимания, отпущенного им западной общественностью и западными политиками³.

¹ Helene Cooper and Steven Lee Myers, «Obama Takes Hard Line with Libya After Shift by Clinton», *New York Times*, March 18, 2011.

² Обзор вопроса см. в: Alan J. Kuperman, «A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign».

³ Резкую критику нежелания Запада учитывать политические реалии и связанные с ними возможные проблемы см. в: Richard K. Betts, «The Delusion of Impartial Intervention», *Foreign Affairs* 73, no. 6 (Nov / Dec 1994), pp. 20—33.

Заключение

Если войны редко приносят то, на что рассчитывают их зачинщики, почему их всё ещё начинают? Едино-го ответа на этот вопрос нет, но можно выделить ряд факторов, склоняющих к войне.

Государства создают организации и развивают целые промышленные отрасли, единственной задачей которых является подготовка к войне или инфраструктурное обеспечение военных действий. Наиболее ярко об этом явлении высказался президент Дуайт Эйзенхауэр, который в своем прощальном послании заговорил о «военно-промышленном комплексе». Эйзенхауэр, в прошлом пятизвездный генерал¹, предупредил, что хотя научный прогресс и развитая оборонная промышленность служат залогом военной мощи и национальной безопасности, существует риск, что «государственная политика сама может стать заложником научно-технологической элиты». Иными словами, военно-промышленный комплекс способен «взять в плен» оборонную политику США и если не полностью подчинить ее себе, то по крайней мере переориентировать так, что она будет обогащать производителей оружия и подрядчиков министерства обороны,

¹ Генерал армии, или пятизвездный генерал, — высшее воинское звание США, аналогичное званию фельдмаршала или маршала в других странах. Последний раз звание присваивалось в 1950 г. О. Брэдли. После смерти Брэдли в 1981 г. генералы армии в Вооружённых силах США не числятся. — *Прим. ред.*

но перестанет быть оптимальной с точки зрения национальных интересов¹.

Эта опасность приобрела тем более серьезный характер, что США располагают преимуществом эмиссии резервной валюты, географически удалены от наиболее явных источников угроз, имеют мощную и гибкую экономику. Поэтому американские политики могут широко тратить ресурсы на военно-промышленный комплекс без явного вреда для безопасности или благосостояния страны. Страны, живущие на грани безопасности и благополучия, стоят перед более сложным выбором и стремятся не затевать легкомысленных войн. Благодаря безопасному положению и богатству Америки многие издержки неразумной внешней политики рассеиваются широко и не вызывают серьезных последствий для лидеров, которые за них ответственны².

Наконец, возможности государств милитаризовать экономику и вести войны во многом зависят от идеологии³. Кровавые столкновения XX в. были

¹ President Dwight D. Eisenhower, «Farewell Address to the Nation», January 17, 1961. Общий обзор проблемы см. в: Peter Trubowitz, *Defining the National Interest: Conflict and Change in American Foreign Policy* (Chicago: University of Chicago Press, 1998).

² Benjamin H. Friedman and Justin Logan, «Why the U.S. Military Budget Is Foolish and Sustainable», *Orbis* 56, issue 2 (Fall 2012), pp. 177—191.

³ О политике элит и чрезмерном экспансионизме см.: Jack Snyder, *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991).

разожжены идеологиями национализма, коммунизма, фашизма и национал-социализма. Как правило, идеология наделяет привилегированным статусом решения политических лидеров, которые ею руководствуются. Со времен французской «цивилизаторской миссии», английского «бремени белого человека» и вплоть до нынешней «американской исключительности» граждане пребывают в убеждении, что превосходство их страны наделяет ее особым правом переделывать мир по своему подобию. Говоря о стране и ее миссии, политики подчас охотно используют религиозную риторику и сознательно примешивают волю Божью к национальным интересам¹.

Итак, продолжению войн способствуют как материальные интересы, так и идеологии. Количество войн можно уменьшить, если будет снижено влияние двух основных факторов — материальных интересов военно-промышленных комплексов и политических элит, а также и идеологий войны и конфликта. Таковы главные вызовы, стоящие перед будущими поколениями защитников мира.

¹ Например, когда президент Буш в «Послании о положении страны» (январь 2003 г.) обосновывал необходимость иракской войны, он привел строку из Евангелия, заменив Христа американским народом. См.: Alan Cooperman, «Openly Religious, to a Point», *Washington Post*, September 16, 2004. См. также: Conor Cruise O'Brien, *God Land: Reflections on Religion and Nationalism* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999).

РЭДЛИ БАЛКО

Милитаризация полиции

⁹⁹ Почему растет милитаризация гражданской полиции? Почему полицейский спецназ растет количественно и все обильнее оснащается оружием, включая танки? Характерно это только для Соединенных Штатов или происходит по всему миру? Как милитаризация полиции сказывается на отношениях между полицией и обществом? Рэдли Балко — журналист, регулярно выступающий в «Washington Post» по вопросам уголовного судопроизводства, борьбы с наркотиками и гражданских свобод. Публикует журналистские расследования в «Huffington Post», работал редактором в «Reason» и политическим аналитиком в Институте Катона. Самая последняя публикация — «Rise of the Warrior Cop: Militarization of America's Police Forces» («Рождение полицейского-воина. Милитаризация полицейских сил Америки»).

С полицией явно что-то происходит. «Мирные блюстители порядка» остались в прошлом. Все больше и больше полицейских подразделений начинают напоминать армию и действовать по ее образцу. Эта тенденция

заметна во многих странах. И она представляет угрозу для внутреннего мира, закона и порядка.

С начала 1980-х годов и по сей день полиция в США изменилась сильно и в определенном отношении даже принципиально. С одной стороны, сейчас больше гражданских наблюдательных советов и больше отделов внутренних расследований; криминологи в основном согласны, что сейчас меньше полицейских-оборотней, меньше «паршивых овец», чем было в прошлом. С другой стороны, полиция все чаще склонна применять все большую силу по все более мелким поводам в любых ситуациях, — идет ли речь о задержаниях, о реакции на протесты или о предотвращении волнений. Иными словами, полицейских, которые преступают рамки закона, стало меньше. Но то, что сейчас официально разрешено полиции, внушает тревогу.

Среди новых тенденций наибольшее внимание привлекает рост числа отрядов специального назначения, особых оперативных групп и прочих формирований, которые предназначены для активных действий и в той или иной мере напоминают армейские части. Если раньше такие отряды существовали только в крупных городах и использовались в чрезвычайных ситуациях — например, в случае захвата заложников, применения кем-либо огнестрельного оружия или побега заключенных, — то теперь они используются гораздо чаще, чем 20—30 лет назад. Кроме того, они большей частью используются и при задержании людей, подозреваемых в ненасильственных, т.е. совершаемых с обоюдного согласия, наркопреступлениях.

Цифры поражают воображение. В начале 1980-х годов во всех Соединенных Штатах количество «вызовов» спецотрядов составляло примерно 3 тысячи в год. В 2005 г., по оценкам, оно составило 50 тысяч. В 1994 г. в Нью-Йорке были проведены 1447 рейдов по наркотикам. Восемь лет спустя, в 2002 г., таких рейдов было уже 5117 — рост на 350%. В 1984 г. лишь около 25% городов с населением 25—50 тысяч человек имели спецотряды. В 2005 г. таких городов стало 80%¹.

В прошлом подобные формирования применялись только в чрезвычайных ситуациях, представляющих непосредственную угрозу для жизни людей. Это был крайний вариант. Сейчас во многих юридических ситуациях их использование при обысках рассматривается как *первый* вариант. Спецотряды занимаются рейдами на подпольные игорные залы и массажные салоны, облавами на незаконных иммигрантов и даже рутинной инспекцией — проверяют бары на предмет обслуживания несовершеннолетних и задерживают парикмахеров за работу без лицензии.

Если раньше эти отряды предназначались для ликвидации ситуаций, уже принявших опасный насильственный характер, то сейчас они *первыми* применяют

¹ Обширные материалы об использовании спецотрядов собрал профессор Питер Краска. Наиболее полные данные относятся к 2005 г. Последние материалы см. в: «Paramilitary Police: Cops or Soldiers?» (The Economist, March 22, 2014, <http://www.economist.com/news/united-states/21599349-americas-police-have-become-too-militarised-cops-or-soldiers>).

силу и создают опасность там, где до этого ее не было. Сопутствующий таким действиям урон — смерти десятков невинных людей, правонарушителей, не применявших насилия, и самих полицейских; к этому нужно добавить моральный ущерб тысяч людей от вторжения орущих полицейских, вооруженных таранами, штурмовыми винтовками и свето-шумовыми гранатами. Кроме того, федеральное правительство снабжает местные правоохранительные органы армейским снаряжением — броневиками с амбразурами для стрельбы, с пулеметами и гранатометами, машинами с противоминной защитой и многим, многим другим.

Сколь бы тревожным это ни было само по себе, проблема не ограничивается одними спецотрядами. Слишком многие полицейские подразделения сейчас пропитаны общим милитаристским духом. Нынешним полицейским внушают, что они солдаты на войне, — будь то война с наркотиками, терроризмом или иным монстром, которого политики недавно объявили первейшим врагом. Полицейские сейчас все больше изолированы от сообществ, которым служат, изолированы не только физически (своими патрульными машинами), но и психологически: они воспринимают общество сквозь призму «мы и они», т.е. видят в нем не граждан, которых торжественно клялись защищать, а совокупность потенциальных преступников.

Для полиции сейчас характерна печально известная скрытность. Внутренние расследования обычно ведутся в закрытом режиме, а профсоюзы полицейских давно требуют (и в ряде случаев добиваются)

неразглашения личных дел. Кроме того, полицейские профсоюзы убедили ряд штатов принять «законы о правах полицейского», которые предоставляют особые (недоступные обычным гражданам) права и защиту полицейским, обвиненным в нарушении закона.

Такая тенденция характерна не только для США. В Англии и Канаде спецотряды полиции сейчас регулярно проводят рейды по наркотикам. В 2000-х годах США дипломатическими и материальными посулами убедили мексиканское правительство привлечь военных к борьбе с наркотиками. Результатом стали десятки тысяч убитых, массовая коррупция и ужасные публичные казни.

В других частях мира мы тоже наблюдаем явную склонность использовать грубую силу. В Бразилии военизированные полицейские формирования, такие как печально известный ВОРЕ (Полицейский батальон специальных операций), — превратили трущобные районы многих городов (в том числе и Рио-де-Жанейро) в зоны боевых действий. Подразделения российского ОМОНа (Отряд мобильный особого назначения) совершили множество нарушений прав человека; на их счету убийства иммигрантов и жестокие избиения протестующих. Длинный след жестокостей тянется и за недавно распущенным украинским военизированным формированием «Беркут».

После массовых и разрушительных столкновений в 1999 г. в Сиэтле во время саммита Всемирной Торговой Организации (которые, как выяснилось в ходе расследования, были в равной мере вызваны

действиями полиции и протестующих) в развитых странах грубая сила стала обычной реакцией на массовые протесты. Полиция, как правило, встречает протестующих в полной боевой экипировке; это значит, что она *настроена на конфронтацию*, а такой настрой в большинстве случаев самореализуется. Практика такова, что чем важнее встреча, чем влиятельнее ее участники и чем весомее ее решения, тем вероятнее, что протестующим не дадут подойти близко, т.е. не позволят быть услышанными. Эта практика, безусловно, есть прямое отрицание права на свободное выражение мнения, того права, которое свободные страны, по их заверениям, обязуются обеспечивать.

Конечно, есть в мире отменные полицейские, прекрасные начальники отделений и шерифы полиции, есть много подразделений, которые наладили превосходные отношения с общественностью. Есть национальные правительства, местные и муниципальные власти, умело сохраняющие баланс между поддержанием порядка и гражданскими свободами (в частности, свободой слова). Но есть и другое: нарастающая милитаризация полиции приводит к тому, что поведение и психологические установки боя все больше внедряются в повседневную жизнь гражданского общества. По всему миру мы все чаще наблюдаем рейды полицейских спецотрядов, задержания и обыски на улицах и силовую реакцию на политические протесты; в результате отношения между полицией и обществом приобретают все более антагонистический характер.

Было бы большим преувеличением сказать, что США, Канада или Англия стали полицейскими государствами. Статью, подобную этой, в таком государстве было бы невозможно опубликовать. Но было бы столь же большой ошибкой отложить протест против полицейского государства до тех пор, пока мы сами в нем не окажемся.

ТОМ ПАЛМЕР

Философия мира или философия
конфликта

Какую роль в политической жизни играют конфликт и насилие? Есть ли еще такие люди, которые прославляют конфликт? Кто сейчас является главным сторонником конфликта — «слева» и «справа» — и насколько они влиятельны? Насколько важное место занимает конфликт в идеологиях левых и правых? Почему и в какой мере их взгляд на конфликт отличается от взгляда либералов?

Война — отец всех существ и царь всех существ, одних она превращает в богов, других — в людей, одних делает рабами, других — свободными.

Гераклит Эфесский¹

¹ Гераклит фрг. 53 Diels; также Гераклиту принадлежат следующие слова: «Следует знать, что война всеобща, что вражда — это и есть справедливость и что все рождается через войну и отняtie [у другого]» (фрг. 80 Diels).

Когда-то война была нормой. Не только человеческие общества, но и весь мир были охвачены войной, сформированы войной, заполнены войной. Война была неизбежностью. Ее считали благом. Она причиняла страдания, но эти страдания были необходимой основой прогресса и добродетели человечества. Французский консервативный мыслитель Жозеф де Местр убежденно заявил, что «История доказывает, к несчастью, что война в некотором смысле есть обычное состояние человечества; что кровь людская должна проливаться повсюду на земле и что мир для любой нации является лишь передышкой»¹. Убийство считалось сутью жизни.

Сегодня подобные рассуждения представляются большинству людей шокирующими и отталкивающими. Что-то, или, скорее, многое, изменилось. В глазах большинства ныне живущих людей война стала неприемлемой.

Отказ большинства людей превозносить войну вполне объясним. Сейчас господствует другое умонастроение и существуют институты, которые претворяют это умонастроение в жизнь столь последовательно, что оно в большинстве случаев (хотя и не во всех) характерно для жизни общества в большинстве мест мира (хотя и не во всех). Мир стал более мирным, чем

¹ Joseph de Maistre, *Considerations on France*, trans. by Richard A. Lebrun (1797; Cambridge: Cambridge University Press, 2000), p. 23 [*Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 42*].

когда бы то ни было. Последнее утверждение может показаться преувеличением, но его подтверждают многочисленные факты; эти факты профессор Гарвардского университета Стивен Пинкер подробно анализирует в своей известной книге¹. В течение уже длительного периода снижается не только количество вооруженных конфликтов между государствами. Снижается уровень домашнего насилия и уровень уличной преступности; эти уровни могут, конечно, колебаться в разные месяцы или в разные годы, но в целом для них характерна уже довольно длительная тенденция к снижению². В числе причин, лежащих в основе этой долговременной тенденции, Пинкер перечисляет следующие:

- возникновение государственных режимов, способных монополизировать (и тем самым отчасти контролировать) насилие;

¹ Steven Pinker, *The Better Angels of Our Nature: A History of Violence and Humanity* (London: Penguin Books, 2011). Это превосходный пример серьезного социологического исследования: в нем изложены принципы отбора и подачи материала, представлены и проанализированы объяснительные гипотезы, отмечены вопросы, не имеющие определенных ответов из-за отсутствия надежных данных.

² Пинкер разбирает то очевидное возражение, что XX век стал свидетелем ужасающих и превосходящих всякое воображение актов внутреннего и внешнего насилия со стороны государств. Даже с учетом всего этого, полагает он, за прошлый век для человечества вероятность встречи с насилием в общем и целом снизилась. См.: *The Better Angels of Our Nature: A History of Violence and Humanity*, pp. 233—278.

- развитие коммерции, приводящее к убеждению, что выгоднее иметь дело с живыми, а не мертвыми;
- постепенное замещение культур «славы» культурами «нравственного достоинства» (в которых соперничество за славу и престиж считается менее важным, чем сохранение самоконтроля и внутреннего достоинства);
- гуманитарная революция эпохи Просвещения, выдвинувшая на первый план ценность человеческой жизни (как собственной, так и чужой) и заменившая предрассудки доказательствами разума (то и другое стало благой вестью, скажем, для тех, кого обвиняли в «колдовстве»);
- появление и развитие международных организаций, как неправительственных, так и государственных, нацеленных на разрешение конфликтов не военными, а дипломатическими и посредническими методами;
- возникновение и распространение нового, еще небывалого умонастроения, которое подпитывалось коммерческой революцией свободного рынка и позволяло все большему количеству людей представить себя на месте других (а тем самым помогало вырабатывать чувство симпатии к другим);
- повышение роли международной торговли, инвестиций и миграции, создававших заинтересованность в поддержании мира;
- все более широкое распространение «ключевых принципов классического либерализма: свобода отдельного человека от коллективной и автори-

тарной зависимости, терпимость к личному выбору всякого человека в тех пределах, в каких этот выбор не затрагивает независимости и благополучия других»¹;

- повышение — опять же благодаря развитию коммерции и технологий — статуса абстрактного мышления, которое дает людям возможность понять и принять общие принципы либерального/либертарианского представления о всеобщих правах.

Реальные процессы, разумеется, протекали сложными путями, поскольку сама человеческая история сложна и складывается под воздействием множества причин, в разных условиях действующих по-разному. Но общая тенденция становится все более несомненной и отвергает заявления тех, кто считает, что «кровь человеческая должна литься непрестанно, — если не в одном, то в другом месте земного шара». Не просто «краткая передышка», а длительный прочный мир — вот реальная возможность.

Терпимость и сосуществование, согласие и сотрудничество, собственность и торговля как моральные идеалы в значительной мере (но, конечно, далеко не полностью) пришли на смену гонению и уничтожению, принуждению и борьбе, воровству и рабству, войне и конфликту. Движение, которое изменило мир и заменило войну миром, нетерпимость — терпимостью, грабеж — торговлей, в разные времена

¹ Ibid., p. 769.

было известно под разными названиями. Наиболее распространенное — «либерализм»; в англоязычных странах сейчас в ходу термины «классический либерализм» и «либертарианство»¹. Либерализм — это философия мирного существования. Мир — сердцевина либеральной мысли, ибо он лежит в основе идеи свободы. «Свобода, — писал знаменитый философ Джон Локк, — состоит в том, чтобы не испытывать ограничения и насилия со стороны других»².

¹ В данной статье эти термины используются как взаимозаменяемые. В большинстве стран «либертарианство» означает то же самое, что «либерализм» или «классический либерализм», — во избежание путаницы, которую вносит значение термина «либерализм» в США. По словам экономиста Джозефа Шумпетера, в Соединенных Штатах «в качестве высшего, пусть и не преднамеренного комплимента системе частного предпринимательства ее враги сочли разумным присвоить его название» (Joseph Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1974), p. 394 [Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 518]). См. также: George H. Smith, *The System of Liberty: Themes in the History of Classical Liberalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2013), esp. chap 1, «Liberalism, Old and New». История термина «либерализм» изложена в: Guillaume de Bertier de Sauvigny, «Le libéralisme. Aux origines d'un mot», *Commentaire*, no. 7 (Autumn), pp. 420—24, p. 420; также <http://www.commentaire.fr/pdf/articles/1979-3-007/1979-3-007.pdf>.

² John Locke, *Two Treatises of Government*, Peter Laslett, ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), II, Chap. VI, § 57, p. 507 [Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2014. С. 277].

Война же есть насилие — насилие направленное, управляемое, применяемое, рационализированное, прославляемое и неистовое.

Либертарианцы выступают за мирное и добровольное сотрудничество и видят в нем не просто идеал, но и реалистическую возможность для человеческого общества. Прочие идеологии, как «левые», так и «правые» — социализм, национал-социализм, консерватизм, прогрессизм, фашизм, коммунизм, теократия, всевозможные их гибриды и мутации — исходят из того, что человеческая жизнь необходимо представляет собой соперничество, конфликт, борьбу и даже войну — между классами, расами, цивилизациями, интересами, религиями.

По мере того как в нашу жизнь все больше проникают либертарные ценности, принципы, институты и практики, мир становится более мирным. Но и более мирный мир будет нуждаться в поддержании, защите, развитии и расширении этих ценностей, принципов, институтов и практик.

Философия сотрудничества

Формированию и развитию либертарианских идей способствовали многие люди и события. Но первой систематической формулировкой этих идей, представлявших собой сочетание принципов терпимости, свободы торговли, конституционного правления, верховенства закона и равных прав, мы обязаны так называемым левеллерам — английскому политиче-

скому течению XVII в.¹ В 1646 г. Ричард Овертон в памфлете «Стрела, направленная против всех тиранов» (который он написал в тюрьме) заявил, что всякая собственность зависит от права на собственную личность, права, равно присущего каждому человеку: «Если этого нет, то не может быть “моего” и “твоего”. Никто не имеет власти над моими правами и свободой, и я не имею власти над правами и свободой других»².

¹ Информативный обзор см. в: *The English Levellers*, Andrew Sharp, ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1998). [На русском языке см. на сайте econlibrary.ru: Холореншоу Г. Левеллеры и английская революция. М.: Изд-во ин. лит., 1947; Левин Г. Р. Памфлеты Лильберна, Овертона и Уольвина (1645—1647) // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института им. Молотова. Выпуск третий. Вологда, 1942; Лильберн Дж. Памфлеты. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.]

² «Каждому человеку от природы дано то особое свойство, что жизнь его не подлежит стороннему вмешательству или посягательству. Каждый есть он сам постольку, поскольку является своей собственностью и иначе не мог бы быть самим собой. И никто другой не смеет лишать его этой собственности, ибо это было бы явным нарушением самих установлений природы и правил равенства и справедливости в отношениях между людьми. Если этого нет, то не может быть “моего” и “твоего”. Никто не имеет власти над моими правами и свободой, и я не имею власти над правами и свободой других. Я могу быть только самостоятельным лицом, могу пользоваться самим собой и моей личной собственностью, располагаю правом только на себя самого и ни на что большее. Если же я претендую на другое, тогда я становлюсь посягателем и захватчиком права другого

Овертон и его единомышленники выработали предельно последовательное понимание равноправия и общественной гармонии, основанной на терпимости к мирным мыслям и действиям. К принципу равных индивидуальных прав, имевшему этическое обоснование, они добавили принципы естественного порядка, т.е. такого общественного порядка, который возникает сам собой, а не вводится распоряжениями правителей и верховенства права, т.е. тех простых правил, которые всеобщи, всем известны и при одинаковом применении создают основу как для пользования индивидуальными правами, так и для возникновения общественного порядка и гармонии. Теория ненасильственных человеческих взаимоотношений, картина общества, отказавшегося от войн и завоеваний, неприятно поразила многих, — не только аристократов и солдат, но и некоторых крупных европейских мыслителей, яростно восставших против либеральных

107

человека, на что права не имею. Ибо по естественному своему рождению все люди равно и одинаково предназначены к тому, чтобы ценить собственность, свободу и независимость. И если рукой природы по велению Божьему мы помещены в этот мир и каждый наделен естественной, прирожденной свободой и собственностью — и это так начертано в сердце каждого человека, что не может быть стерто, — то и жить мы должны так, чтобы каждый равно и одинаково пользовался своим прирожденным правом и привилегией. Ибо с этой целью Бог через посредство природы и создал его свободным» (Richard Overton, «An Arrow against All Tyrants and Tyranny», in *The English Levellers*, Andrew Sharp, ed., p. 55).

идей и действий. В глазах этих мыслителей коммерция стояла неизмеримо ниже сражений, свобода была синонимом вседозволенности, а терпимость — отрицанием божественных установлений.

Свобода, собственность и коммерция, разумеется, имели и защитников, чьи голоса звучали все решительнее. Знаменитый французский мыслитель Монтескье отождествил торговлю с «кротостью нравов», т.е. с любезными манерами и миролюбивым поведением: «Торговля исцеляет нас от пагубных предрассудков. Можно считать почти общим правилом, что везде, где нравы кротки, там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки»¹.

Роль торговли в формировании миролюбивых нравов подспудно зафиксирована уже в древнегреческом языке: глагол *katallasso* означает не только «выменивать», «обменивать», но и «примирять», «улаживать»².

В отличие от мира славы мир торговли — это мир взаимной выгоды, мир игр с положительной суммой. Мир честолюбия и славы подразумевает завоевания,

¹ Монтескье. О духе законов, кн. XX, гл. 1 (Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955. С. 433). О собственности и свободе см. кн. XXV, гл. 15 и другие места.

² Об интерпретации «каталлаксии» как «рыночного устройства» см.: F. A. Hayek, *Law, Legislation, and Liberty, Vol. 2, The Mirage of Social Justice* (Chicago: University of Chicago Press, 1978) p. 108, со ссылкой на: Liddell and Scott, *A Greek-English Dictionary*. [Хайек Ф. Мираж социальной справедливости // Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 276.]

а завоевания подразумевают поражения. Такого рода слава нуждалась в антагонизме. Сознание утраты этой славы, а значит, и достоинства как раз и побуждало многих выступить против либеральных идей.

Экономист либерального толка и видный пацифист Фредерик Бастиа незадолго до смерти опубликовал обращение «К юношеству Франции». В нем он объяснил, как правильно понимать суть социализма. Социалисты, считал он, «признавали, что интересы человеческие в корне враждебными друг другу, иначе они не обратились бы к принуждению. <...> И вот они видели антагонизм повсюду: между собственником и пролетарием; между капиталом и трудом; между народом и буржуазией; между земледелием и фабрикой; между поселянином и горожанином; между уроженцем и иностранцем; между производителем и потребителем; между цивилизацией и организацией. Чтобы сказать короче — между свободой и гармонией. И этим объясняется, каким образом в их сердцах живет еще какая-то сентиментальная филантропия, тогда как из уст истекает ненависть. Каждый из них бережет всю свою любовь для общества, но такого общества, которое создает в своем воображении. А что касается общества действительно существующего, в котором нам приходится жить, то чем скорее рухнет оно к их удовольствию, тем лучше, потому что на развалинах его создается Новый Иерусалим»¹.

¹ Frederic Bastiat, «To the Youth of France», in Frederic Bastiat, *Economic Harmonies*, W. Hayden Boyers, trans. (Irvington-on-

Бастиа предвидел замыслы коллективистов XX в. Захватив контроль над государствами и большим населением, они занялись тем, что пытались создать из своих соотечественников «нового человека», воплощавшего их чаяния. Созданием «нового человека» были одержимы антилиберальные идеологии и левого, правого толка; отличались они только взглядами на то, что должен представлять собой этот «новый человек». Напротив, «экономисты, — писал Бастиа, — наблюдают человека, законы его организации и социальные отношения, вытекающие из этих законов. Социалисты строят в своем воображении фантастическое общество и потом подбирают подходящее к этому обществу человеческое сердце»¹.

Разумеется, люди вступают в конфликты. Либеральное движение во всех своих формах стремилось найти способы, позволяющие решить проблему конфликта. В числе средств, предложенных либералами, религиозная терпимость, ограниченная форма правления (изъятие спорных вопросов из компетенции «государственного выбора»), посредничество и компенсация вместо наказания, свобода слова и свобода торговли. Цель либералов состояла в том, чтобы ни в коем случае не превозносить конфликт, а устранить его и заменить сотрудничеством.

Hudson: Foundation for Economic Education, 1964), p. XXIV [Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 51].

¹ Frederic Bastiat, *ibid.*, p. XXV [Там же. С. 51].

Философия конфликта

Эти четыре года, проведенные в войсках и в невероятной материальной обстановке боевых действий, убедили меня, что жизнь наполнена глубоким смыслом лишь тогда, когда посвящена идеалу, и что есть идеалы, по сравнению с которыми жизнь отдельного человека и даже целого народа ничего не стоит. И хотя цель, ради которой я сражался как отдельный человек, как атом в едином целом армии, не могла быть достигнута, хотя материальная сила зримо повергала нас на землю, мы раз и навсегда научились стоять за свое дело и, если необходимо, умирать за него, как подобает... Не каждому поколению выпадает такая удача.

Эрнст Юнгер¹

Либералы учили, что интересы людей можно мирно согласовать с помощью торговли, разума, демократических процедур и терпимости к неконфликтным различиям; они считали, что правильно организованные институты могут снизить уровень противостояния и насилия. Их противники и критики, ностальгически

¹ Ernst Jünger, *The Storm of Steel, from the Diary of a German Storm-Troop Officer on the Western Front* (New York: Howard Fertig, 1996), pp. 316—317 [Юнгер Э. В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000. См. на сайте militera.lib.ru].

превозносившие старый порядок, начали создавать теории, основанные на утверждении, что конфликт — это неустранимое свойство человеческой жизни, более того, придающее смысл самой жизни. Одним из самых известных недругов новой философии свободы был французский реакционный мыслитель Жозеф де Местр. Ему претила сама идея мира, и он прославлял войну как источник наилучших качеств человечества: «Истинные плоды человеческой натуры — искусства, науки, великие предприятия, высокие замыслы, мужественные добродетели — зависят особенно от состояния войны... Одним словом, можно было бы сказать: кровь есть удобрение для того растения, которое мы называем *гением*»¹. Вторя Гераклиту, он утверждал, что «мир состоит только из насилия»². Такова была принципиальная установка Контрпросвещения и тех мыслителей, которые выступили против новых идей классического либерализма.

Представители Контрпросвещения отвергали всеобщее и абсолютизировали частное, отвергали объективную истину и превозносили творчество — но не творчество свободной личности, а творчество коллектива, в котором растворялась личность³. Традици-

¹ Joseph de Maistre, *Considerations on France*, op. cit, p. 29 [Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997. С. 49].

² Ibid., p. 31 [Там же. С. 53].

³ См.: Isaiah Berlin, «The Counter-Enlightenment», in Isaiah Berlin, *The Proper Study of Mankind: An Anthology of Essays* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1998), pp. 243—268.

онными объектами поношения служили рынки, торговцы и евреи (непропорционально многочисленные среди европейских торговцев). По убеждению контрпросветителей, нации, классы и расы могут отстаивать свою уникальную самобытность только в борьбе с другими нациями, классами и расами. Как отмечает Стивен Пинкер, помимо отрицания всеобщности, объективности и рациональности «Контрпросвещение рассталось и с презумпцией, что насилие есть проблема, подлежащая устранению. Борьба и кровопролитие — неотъемлемое свойство порядка вещей; без них сила жизни угаснет, а участь человечества станет плачевной»¹.

Эту идею перманентного конфликта, пульсирующего в самой сердцевине человеческой жизни, и ностальгию по воображаемому старому порядку твердо установленных норм унаследовали социалистические мыслители, в частности Фридрих Энгельс и Карл Маркс. Они отвергли либеральные принципы мира, торговли, терпимости и свободы и объявили их простыми уловками, которые только для того и нужны, чтобы спрятать и скрыть от рассмотрения другой, более глубокий и коварный вид конфликта, насилия и эксплуатации. Они признавали, что либеральные ценности нацелены на замену войны миром, грабежа — торговлей, сожжения на костре — терпимостью, национальной вражды — космополитической толерантностью. Но от всего этого они отмахивались

¹ Steven Pinker, *The Better Angels of Our Nature*, p. 226.

как от ширмы, мешающей обратить внимание на глубоко укорененные формы насилия. В опубликованном в 1844 г. памфлете «Наброски к критике политической экономии» Энгельс громогласно заклеил своих противников:

«Вы побратали народы, но братством воров, и уменьшили число войн, чтобы тем больше наживаться в мирное время, чтобы обострить до крайности вражду отдельных лиц, бесчестную войну конкуренции! — Где сделали вы что-нибудь, исходя из чисто гуманных побуждений, из сознания того, что противоположность между общим и индивидуальным интересом не имеет права на существование? Были ли вы когда-нибудь нравственными, не будучи в этом заинтересованы, не тая в глубине души безнравственных, эгоистических мотивов?»

После того как либеральная политическая экономия сделала все от нее зависящее, чтобы путем уничтожения национальностей сделать вражду всеобщей, превратить человечество в стадо хищных зверей, — ибо что же другое представляют собой конкуренты? — пожирающих друг друга *именно потому*, что каждый имеет одинаковый с другим интерес»¹.

Либерализм и свободная торговля пусть и «уменьшили число войн», — но только для того, «чтобы тем

¹ Friedrich Engels, «Outlines of a Critique of Political Economy», in Lawrence S. Stepelevich, ed., *The Young Hegelians: An Anthology* (Amherst, N.Y.: Humanity Books, 1999), pp. 278—302, p. 283 [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 550].

больше наживаться в мирное время». Этот вывод особенно примечателен: выходит, для Энгельса рост прибылей (к прибылям Энгельс питал отвращение, если они не были его собственными) — гораздо менее желательное явление, чем снижение числа войн.

Видный викторианский теоретик искусства Джон Рескин был социалистом контрпросветительского типа и сторонником партии тори. Он восторженно воспевал военные добродетели и утверждал, в частности, что «любое великое искусство всегда возникало только у воинственных наций. У скотоводов не бывает настоящего искусства, если они живут в мире. И у земледельцев его не бывает, если они живут в мире. Торговля еще более или менее совместима с изобразительным искусством, но не способна его порождать. Промышленное производство не только не способно его породить, но неизменно уничтожает любые его ростки. Лишь нация воинов способна создать великое искусство»¹.

¹ John Ruskin, «War», Lecture delivered at the Royal Military Academy, Woolwich, in *The Crown of Wild Olive, Munera Pulveris, Sesame and Lilies*, by John Ruskin (New York: Thomas Y. Crowell & Co., n.d.), pp. 66—67. Затем Рескин добавил: «Распространенное представление, будто мир и добродетели цивилизованности расцветают совместно, я считаю совершенно несостоятельным. Мир цветет лишь вместе с пороками цивилизованного общества. Мы рассуждаем о мире и знании, о мире и достатке, о мире и цивилизованности. Но я не думаю, чтобы муза истории соединяла вместе именно эти слова. В ее устах слова были другими: мир и чувственность, мир и себялюбие, мир

Напротив, мыслители Просвещения — для примера довольно будет взять Вольтера — считали мир и общественное согласие самодостаточными ценностями, а не просто ширмой, скрывающей, по мнению Энгельса и Маркса, глубину общественного антагонизма. Превознося торговлю и толерантность именно за то, что они способствуют миру, Вольтер выражал ценности и чаяния всего Просвещения¹. Представи-

и испорченность, мир и смерть. Короче говоря, я считаю, что все великие народы черпали истинность выражений и силу мысли в войне, что они взращивались войной и бесцельно растрачивались миром, наставлялись войной и обманывались миром, воспитывались войной и предавались миром. Одним словом, в войне они рождались, а в мире исчезали» (р. 70).

¹ В «Философских письмах» Вольтер описал свои впечатления о более либеральной и коммерциализованной (по сравнению с Францией) Англии и, в частности, отметил: «Хотя епископат и пресвитериане являются двумя господствующими сектами в Великобритании, все прочие секты чувствуют себя там как дома и достаточно дружно уживаются между собой, несмотря на то что большинство их проповедников взаимно презирают друг друга почти с той же искренностью, с какой янсенист осуждает иезуита. Если вы придете на лондонскую биржу — место, более респектабельное, чем многие королевские дворы, — вы увидите скопление представителей всех народов, собравшихся там ради пользы людей: здесь иудеи, магометане и христиане общаются друг с другом так, как если бы они принадлежали одной религии, и называют “неверными” лишь тех, кто объявляет себя банкротом; здесь пресвитерианин доверяется анабаптисту и англиканин верит на слово квакеру. Уходя с этих свободных, мирных собраний, одни отправляются в синагогу, другие — выпить, этот собирается дать себя окунуть в глубокий чан во имя Отца и Сына

тели Контрпросвещения — Маркс, Де Местр, Рескин — осуждали торговлю и толерантность как упадок человеческих добродетелей.

Карл Маркс и его соавтор, сотрудник и финансовый спонсор Фридрих Энгельс отождествили либерализм со сравнительно новым «классом», который они нарекли «буржуазией» (в их сочинениях этот термин используется достаточно бессистемно и непоследовательно), обвинили в переворачивании всего миропорядка и замене теплых человеческих отношений холодным расчетом. По мере того как рыночные отношения становились шире и интенсивнее, бартерный обмен (скажем, яйца на масло) все больше вытеснялся опосредованным обменом при помощи денег (яйца на деньги, а затем деньги на масло). Благодаря этому повышалась общая рационализация жизни: люди могли сравнивать разные варианты использования ограниченных ресурсов в пересчете на общий эквивалент: деньги. Это, в свою очередь, облегчало рациональный учет и, в частности, точное вычисление прибылей и убытков. Тем самым появилась возможность повышать экономическую координацию, создавать больше богатства, распространять достаток на все

и Святого Духа, тот устраивает обрезание крайней плоти своему сыну и позволяет бормотать над ним еврейские слова, которых он и сам-то не понимает; иные идут в свою церковь со своими шляпами на головах, чтобы дожидаться там божественного вдохновения, — и все без исключения довольны» (Письмо VI, О пресвитерианах [*Вольтер. Философские произведения. М., 1988. С. 88*]).

более широкие слои и принимать во внимание интересы и пожелания людей, живущих в других местах. Эту опосредованную рынком рациональность Маркс и Энгельс заклеямили как «безжалостную» и «ледяную воду эгоистического расчета». В «Манифесте Коммунистической партии» они заявили, что либеральные ценности, институты и практики только *выглядят* гуманными, а на самом деле заменяют одну форму насилия другой и даже еще худшей.

112

«Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»¹.

¹ Karl Marx and Friedrich Engels, *The Communist Manifesto* (1848; London: Verso, 2012), p. 37 [Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 426)].

Идеологические лидеры Контрпросвещения повели яростную атаку на либерализм и попытались примерить разные коллективистские фантазии к новым обособленным сообществам — нации, государству, классу и расе. Но во всех вариантах они исходили из того, что такие человеческие группы в отношениях друг с другом руководствуются фундаментально и неустранимо противоположными интересами. Солидарность, считали они, может возникнуть только как дополнение к вражде и ненависти. По проницательному замечанию романиста Роберта Музиля, «ничего нельзя поделать с тем, что глубочайший социальный инстинкт человека — это его самый анти-социальный инстинкт»¹. Именно такая точка зрения господствовала среди интеллектуалов, которые отвергали такие ценности, как разумная осмотрительность, рациональный подсчет с помощью рыночного обмена, терпимость и мир. Некоторые из этих интеллектуалов, возможно, считают себя сторонниками мира (вообще в современных интеллектуальных кругах открытое превознесение военного конфликта, как правило, считается дурным тоном), но все они разделяют ключевой принцип фундаментального и неустранимого противоречия интересов, принцип борьбы, антагонизма и непримиримого конфликта. В знаменитой брошюре 1848 г. два тогда еще мало известных

¹ Robert Musil, *The Man Without Qualities*, Vol. I, trans. by Sophie Wilkins (New York: Vintage Books, 1995), p. 22 [см. рус. пер.: Музиль Р. Человек без свойств].

интеллектуала сформулировали мировоззрение, которое привело к появлению движения, способного залить кровью почти весь мир: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов... Общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»¹.

Марксисты исходили из презумпции классовой войны и были убеждены, что экономические классы людей находятся в непримиримом конфликте и один из этих классов, буржуазия, должен «быть уничтожен»².

¹ Karl Marx and Frederick Engels, op. cit., pp. 34—35 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 425].

² По словам Маркса, «вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме буржуа, т.е. буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена» (Karl Marx and Frederick Engels, op. cit., pp. 55 [Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 440]). О критике Марксовой теории классового конфликта см.: «Classical Liberalism, Marxism, and the Conflict of Classes: The Classical Liberal Theory of Class Conflict», in Tom G. Palmer, *Realizing Freedom: Libertarian Theory, History, and Practice* (second edition: Washington, D.C.: Cato Institute, 2014). Осуществление программы классовой борьбы посредством уничтожения классовых врагов, сопровождавшегося разрушительными попытками ликвидировать право частной собственности, в XX в. стоило жизни десяткам миллионов людей. Конечно, в теории с победой нового всеобщего класса, пролетариата, классовый конфликт должен был прекратиться. Но в действительности была создана новая классовая система, и она порождала все новые внутренние и внешние

Фашисты превозносили войну и насилие как очистительную силу, которая консолидирует нацию¹. Национал-социалисты («нацисты») стремились подчинить «нечистые», или «низшие» расы «арийцам» и выдвинули такое требование: «Те, кто хочет жить, пусть сражаются, а те, кто не хочет сражаться в этом мире

конфликты в силу своей потребности находить и побеждать все новых врагов, без исключения объявлявшихся представителями буржуазии или ее агентами.

¹ По словам итальянского теоретика фашизма Джованни Джентиле, фашизм возник как доктрина объединения нации через войну: «Вступление в войну [Первую мировую] было необходимо, чтобы окончательно объединить нацию пролитой кровью... Война рассматривалась как средство, способное наилучшим образом консолидировать нацию, породить у всех граждан единый образ мыслей, единое чувство, единое стремление и общую надежду, тревогу, ощущаемую всеми день за днем, — в надежде, что жизнь каждого отдельного человека будет восприниматься как связанная, неявно или явно, с той жизнью, которая является общей для всех, но возвышается над частными интересами каждого. Война считалась желательной ради того, чтобы сплотить нацию, сделать ее нацией подлинной, реальной, живой, способной действовать, готовой заставить уважать себя и занять достойное место в мире, — войти в историю с собственным лицом, с собственным обликом, с собственным характером, собственной неповторимостью и никогда больше не жить в заимствованной у других культуре, в тени тех великих народов, которые творят историю. Короче говоря, создать настоящую нацию тем единственным способом, каким творится всякая духовная реальность: путем усилий и жертв» (Giovanni Gentile, *Origins and Doctrine of Fascism*, trans. by A. James Gregor (New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007), p. 2).

вечной борьбы, не заслуживают жизни»¹. Критики либерализма (опирающиеся на Маркса, а вдобавок на Ницше, Фрейда и вообще на любого, с чьей помощью можно покрепче лягнуть либеральную терпимость) убеждены, что «буржуазный либерализм и буржуазная терпимость — это в большинстве случаев мифы, маскирующие “волю к власти”»². Подобные личности с антипросветительскими взглядами третируют свободу слова, объявляя ее просто формой «принудительной толерантности»³. Армия антилиберальных профессоров наковыряла целую кучу «социальных источников» доминирования — в том числе класс, пол, расу и прочие и прочие, — которые якобы более действенны и реальны, чем простые «индивиды» из плоти и крови, которые нас окружают (правда, почтенные профессора затрудняются описать выявленные ими социальные силы корректно и без искажений)⁴.

¹ Adolf Hitler *Mein Kampf* («My Struggle»), Ralph Mannheim, trans. (Boston: Houghton Mifflin, 1943), p. 289.

² David Held, *Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas* (Berkeley: University of California Press, 1980), p. 160 (в кавычках приводится термин Ницше).

³ Herbert Marcuse, «Repressive Tolerance», in Robert P. Wolff, Barrington Moore, Jr., and Herbert Marcuse, *A Critique of Pure Tolerance* (Boston: Beacon Press, 1965).

⁴ В последнее время умножилось число узких академических направлений, позиционирующих себя как оппонентов культурной гегемонии, коммодификации и объективфикации личности и т.д. Исследование подобных тем, вероятно, бесполезно,

поскольку конфликт и господство являются важными элементами человеческой истории. Но главный вопрос в том, можно ли конфликтность ослабить, смягчить или разрешить — или же следует считать ее неотъемлемым свойством человеческой природы и даже свойством, определяющим саму эту природу. К числу таких направлений, отвергающих либерализм, равные права, свободу слова и терпимость, принадлежит течение под названием «гендерный феминизм» (название ему дали критики); главным его идеологом выступает Кэтрин Маккиннон, ратующая за приравнение порнографии к преступлению и, соответственно, за уголовное преследование тех, кто ее производит, продает и покупает. По ее убеждению, «деление по половому признаку... есть форма власти. Деление по родовой принадлежности как социальный конструкт воплощает ее, но не наоборот. Женщины и мужчины делятся по роду, превращаются в представителей полов, какими мы их знаем, в силу социальных требований гетеросексуальности, которая институционализирует мужское половое доминирование и женское половое подчинение» (Catherine A. MacKinnon, «Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory», *Signs*, Vol. 7, No. 3, *Feminist Theory* (Spring 1982), pp. 515—544, p. 533). В книге «Toward a Feminist Theory of the State» (Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1989) она отвергает «гендерную нейтральность» и «индивидуальные права» на том основании, что «абстрактное равенство неизбежно [курсив мой. — Т. П.] усиливает несправедливость статус-кво до такой степени, что она адекватно отражает несправедливость социального устройства» (p. 227). Кроме того, «если мы будем рассматривать каждый пол в отдельности, независимо от другого, так, словно он полон и не является, то совершенно упустим из виду эти коллективные реальности и фундаментальные последствия гендерного группового статуса под маской признания индивидуальных прав» (p. 228). В статье «Crimes of War, Crimes of Peace», in Stephen

Милитаристы превозносят войны за предполагаемые экономические или нравственные выгоды¹. Неоконсерваторы восхваляют воинскую доблесть как благородный идеал и как возможность «возродить чувство героического» в национальной жизни². («Национальное величие» неоконсерваторы считают целью более возвышенной, благородной и подобающей, чем нечто столь показное, приниженное и неамериканское, как «стремление к счастью».) «Реалисты» убеждены, что государства или, более того, даже цивилизации

Shute and Susan Hurley, eds., *On Human Rights: The Oxford Amnesty Lectures 1993* (New York: Basic Books, 1993) все муже-женские отношения Маккиннон сводит к насилию: «Факт сербской агрессии вне сомнения; равным образом несомнен и факт мужской агрессии в отношении женщин, здесь и повсюду» (р. 87).

¹ В 1891 г. контр-адмирал С. Б. Лус писал: «Война — один из великих видов деятельности, с помощью которых достигается прогресс человечества. Конечно, война — это бедствие, и в военных действиях всегда много такого, что достойно глубокого сожаления. И все же мы должны рассматривать войну как действие природных экономических законов, по которым живет государство, созданное родом человеческим. Война способствует национальному росту, решает внутренние и внешние экономические проблемы, не разрешимые иным способом, и очищает нацию от шлаков» (Rear-Admiral S. B. Luce, United States Navy, «The Benefits of War», *The North American Review*, Vol. 153, No. 421, Dec. 1891).

² William Kristol and Robert Kagan, «Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy», *Foreign Affairs*, July/August 1996, <http://www.foreignaffairs.com/articles/52239/william-kristol-and-robertkagan/toward-a-neo-reaganite-foreign-policy>.

обречены на вечную вражду (или в лучшем случае на холодные отношения)¹.

Теократы стремятся с помощью насилия подчинить всех Богу (или богам), — чтобы у всех была одна вера, одна религия и единая по устройству жизнь, — или, если это невозможно, хотя бы создать религиозное государство, которое подчинит и принизит государства с другими религиями, а людей, не признающих никакой религии, будет систематически изгонять или убивать.

Многие современные критики либерализма, в том числе «аналитические марксисты», утверждают, что в социализме насилия не больше, чем в любой другой системе, поскольку все системы принятия решений по ограниченным ресурсам оправдывают применение

¹ О «столкновении цивилизаций» пишет Хантингтон в своей известной книге: «Цивилизации представляют собой человеческие племена в предельной форме развития, и столкновение цивилизаций суть племенной конфликт в глобальном масштабе. В складывающемся ныне мироустройстве государства и группы людей, принадлежащие к двум различным цивилизациям, для достижения общих целей или для отстаивания своих интересов против представителей какой-либо третьей цивилизации могут вступать в ограниченные, *ad hoc*, тактические отношения и коалиции. Тем не менее отношения между группами из различных цивилизаций никогда не станут близкими, обычно они остаются прохладными и зачастую — враждебными» (Samuel Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1997), p. 207 [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007. С. 323]).

силы, — во всяком случае, в целях самозащиты¹. Такая логика критики либерализма весьма стара и восходит как минимум к XVII в., когда сэр Роберт Филмер так изложил свои аргументы в пользу божественного права абсолютной монархии: «Много сейчас повсюду рассуждают о свободе, которая, как говорят, присуща народоправным государствам. Стоит рассмотреть, насколько и в каком смысле верно такое определение свободы: “...истинная свобода для каждого состоит в том, чтобы делать все, чего он желает, или жить так, как ему угодно, и не быть связанным никакими законами”. Но такой свободы ни в каком государстве вы не найдете, ибо в народоправных государствах законов больше, чем где бы то ни было, а свободы настолько же меньше. Государство, говорят многие, и было изобретено для того, чтобы отнимать свободу, а не для того, чтобы давать ее каждому. Такой свободы быть не может; если бы была, то никакого государства вообще не существовало бы»².

¹ См., например: G. A. Cohen, «Freedom, Justice and Capitalism», *New Left Review*, I/126 (March—April 1981), pp. 3—16.

² Sir Robert Filmer, «Observations upon Aristotle's Politics», in Filmer, *Patriarcha and Other Writings*, ed. by Johann P. Sommerville (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), p. 275. Джон Локк, один из первых предтеч современных либертарианских идей, возразил на это: «Свобода не является “свободой для каждого человека делать то, что он пожелает”, как нам говорят [Филмер] (ибо кто мог бы быть свободным, если бы любой другой человек по своей прихоти мог тиранить его?)»; она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться

По такой логике система, запрещающая насилие, ничуть не менее репрессивна, чем система, требующая насилия, поскольку нейтрализация насильника столь же насильственна, как и его насилие. С этой точки зрения в мире существует определенное количество насилия, которое не увеличивается и не уменьшается¹. Либертарианцы категорически отказываются приравнивать насилие к пресечению насилия.

Различение друга и врага

Из всех авторов, которые в XX в. с контрпросветительских позиций отвергали классические либеральные взгляды на мир и разрешение конфликтов, самым

как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле» (John Locke, *Two Treatises of Government*, ed. Peter Laslett [Cambridge: Cambridge University Press, 1988], II, chap. VI, § 57, p. 306 [Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2014. С. 277]).

¹ Несостоятельность подобных рассуждений становится очевидной, если принять во внимание положение жертвы насилия, — не только в плане чисто физических последствий, но и в плане пожеланий жертвы относительно собственного тела: может ли жертва свободно распоряжаться этим телом или же оно должно быть подвластно желанию любого другого, кто такое желание проявит. Кроме того, в координатах свободы снижение количества насилия не может быть корректным эквивалентом его увеличения, поскольку запрет, т.е. пресечение насилия, не может адекватно уравновешиваться его совершением.

значительным был немецкий теоретик права Карл Шмитт. Его работа «Понятие политического» оказала большое влияние на антилибералов как «правого», так и «левого» толка. В XX в. он был «самым выдающимся противником либерализма»¹. Шмитт утверждал, что «специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага»².

По твердому убеждению Шмитта, либералы ошибались во всем: в том, что социальная гармония возможна, в том, что торговля является моральной альтернативой завоеванию, в том, что дискуссия может заменить сражение, а терпимость — вражду, и что мир без врагов вполне возможен. Для Шмитта конфликт был сутью «политического» как такового, а «политическое» — неотъемлемой частью человеческого существования. Влияние Шмитта на политическую мысль прошлого века замалчивалось, а порой вообще не признавалось (по причине предосудительности

¹ Jan-Werner Muller, *A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought* (New Haven: Yale University Press, 2003), p. 1. В «Понятии политического» главными объектами резкой критики выступают два видных немецких представителя классического либерализма — Франц Оппенгеймер и Йозеф Шумпетер. [См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 37—67.]

² Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, Georg Schwab, trans. And ed. (1932; Chicago: University of Chicago Press, 2007), p. 26 [см.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 37—67.]

его жизненной позиции), но его главные идеи глубоко проникли в теории левых и правых и инспирировала с обеих сторон нападки на терпимость, рыночную экономику, ограниченное правление, свободную торговлю и мирное сосуществование. Сейчас идеи Шмитта способствуют возрождению фашизма в Европе. Так, например, воззрения профессора Московского государственного университета Александра Дугина — это слегка завуалированная национал-социалистическая идеология с экспансионистской «Россией» вместо «Германии» и «Евразией» вместо «Третьего рейха»¹.

С точки зрения Шмитта, «враг не конкурент и не противник в общем смысле. Враг также и не частный противник, ненавидимый в силу чувства антипатии. Враг, по меньшей мере эвентуально, т.е. по реальной возможности, это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности»². И «лишь в действительной борьбе сказываются крайние последствия политического разделения на группы друзей и врагов. От этой чрезвычайной возможности

¹ См.: Дугин А. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009 (Aleksandr Dugin, *The Fourth Political Theory*, London: Arktos, 2012). Концепция Дугина включает в себя основные элементы национал-социалистической теории, за исключением антисемитизма (место евреев занимают гомосексуалы и американцы); в ней чувствуется сильное влияние теории «великих пространств» Шмитта.

² Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, p. 28 [см.: Шмидт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 37—67].

жизнь людей получает свое специфически политическое напряжение»¹.

Славой Жижек, философ марксистского толка, считает, что и левое, и правое крыло антилиберальной политической мысли равно признают различие друг—враг. Будучи «левым», Жижек оценивает концентрацию «правых» на внешних врагах с «левой» точки зрения «безусловного приоритета внутреннего антагонизма как конститутивной основы всего политического»: «Глубоко симптоматично, что вместо классовой борьбы радикальные правые говорят о классовой (или сексуальной) войне. Характернейшим признаком этого шмиттовского дезавуирования политического является примат внешней политики (отношений между суверенными государствами) над внутренней политикой (внутренними социальными антагонизмами), на чем он особенно настаивает. Но разве отношение к внешнему Другому как к врагу — это не способ дезавуировать внутреннюю борьбу, которая распространяется по всему обществу?»

¹ Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, p. 35 [см.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 37—67]. «Государство как наиважнейшее политическое единство сконцентрировало у себя невероятные полномочия: возможность вести войну и тем самым открыто распоряжаться жизнью людей. Ибо *jus belli* содержит в себе такое полномочие; оно означает двойную возможность: возможность требовать от тех, кто принадлежит к собственному народу, готовности к смерти и готовности к убийству и возможность убивать людей, стоящих на стороне врага» (ibid., p. 46).

В противоположность Шмитту, левая платформа должна настаивать на безусловном приоритете внутреннего антагонизма как конститутивной основы всего политического»¹.

Для таких мыслителей — и левых, и правых — конфликт или «неустрашимый антагонизм» в любом случае есть основа человеческой жизни. (Даже такой современный прогрессистский левоцентристский мыслитель, как Джон Ролс, внедряет в свою теорию социальной справедливости понятие органического конфликта между гражданами и проводит различие между справедливостью действий граждан и справедливостью общественного порядка в целом. Он считает, что даже когда «все с полным основанием убеждены, что поступают честно и скрупулезно соблюдают нормы выполнения договоренностей... общая справедливость имеет тенденцию к разрушению даже при условии, что каждый действует честно; общий результат изолированных и независимых взаимодействий далек от общей справедливости и не ориентирован на нее»². Таким образом, самой структуре справедливости неотъемлемо присущ конфликт интересов социальных групп: даже при условии, что каждый действует в соответствии со своими правами и правилами справедливости,

¹ Slavoj Žižek, «Carl Schmitt in the Age of Post-Politics», in *The Challenges of Carl Schmitt*, Chantal Mouff ed. (London: Verso, 1999), pp. 18—37, p. 29.

² John Rawls, *Political Liberalism* (New York: Columbia University Press, 1993), p. 267.

общим итогом неизбежно становятся несправедливость и конфликт; поэтому государство должно вмешиваться и предписывать обществу новый порядок справедливости, совершенно не зависящий от правил справедливых отношений между отдельно взятыми людьми.)

После Второй мировой войны на крайне левом фланге возникла целая публикационная «индустрия Карла Шмитта». Влиятельный марксистский журнал «Telos» в своей антилиберальной программе точно следовал основополагающим принципам Шмитта¹. Идеи Шмитта составили основу резкой и безудержной критики либерализма и мира; эту критику итальянский левый Антонио Негри (отсидевший в итальянской тюрьме за участие в актах насилия, включая убийство) и американский публицист Майкл Хардт преподносили как «новый Коммунистический манифест»². Их книга «Empire», нагромождение практически нечитабельных разглагольствований, вышла в издательстве Harvard University Press незадолго до террористических актов 11 сентября и предвосхитила их призывом к атакам на «глобальный капитал», указанием, что «главный враг» — это «специфический режим глобальных связей, который мы называем Империей»³,

¹ Saul Anton, «Enemies: A Love Story», *Lingua Franca*, May/June, 2000.

² Характеристику см. в: Jan-Werner Muller, *A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought*, pp. 229—232.

³ Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire* (Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 2001), p. 45—46. Книга заранее одобряла акты, подобные нападению смертников Усамы бен Ладена

и пугающими замечаниями о радикальном исламском фундаментализме. Последний они считают всего лишь очередной формой постмодернизма и приветствуют его «способность саботировать и разрушать

на Башни-Близнецы и Пентагон, и, вероятно, по этой причине звезда ее вскоре после этих терактов закатилась, не успев взойти. См.: Lorraine Adams, «A Global Theory Spins on an Altered Axis: «Empire» Author Michael Hardt in Wake of Attacks», *Washington Post*, September 29, 2001. Хардт и Негри рассуждают так: «Возможно, что чем больше капитал распространяет свои сети глобального производства и контроля, тем большую мощь способен приобрести каждый очаг восстания. Просто направляя силы в одну точку, концентрируя свои энергии как тугую, сжатую спираль, эти выступления броском змеи наносят удар прямо по высшему выражению имперского порядка» (р. 58 [Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 66—67]). Хардт и Негри сокрушаются по поводу роста международной торговли и умножения транснациональных негосударственных организаций, считая их причиной «сокращения сферы независимой политики». Сферу независимой политики они отождествляют с национальным государством, что, по их мнению, никак не противоречит тезису Шмитта, а, напротив, его подтверждает: анти-теза друг—враг сохраняется и просто переходит на «наднациональный уровень» (pp. 307—309). Кроме того, выражаясь, как обычно, туманно и заумно, они фактически призывают к абсолютной ликвидации свободы слова: «По-настоящему революционная практика обращена к уровню *производства*. Истина не сделает нас свободными, а установление контроля над производством истины сделает. Мобильность и смешение не означают освобождения, а установление контроля над производством мобильности и неподвижности, чистоты и гибридности — означают. Настоящие комиссии по установлению истины в Империи

своей собственной производительной силой паразитический порядок постсовременной власти»¹. (В этой книге едва ли найдется хоть одно ясное и понятное предложение; причина очевидна — это авторская позиция, отличающаяся крайней и яростной непримиримостью. Как заметил Джордж Оруэлл, «когда есть разрыв между реальными и декларируемыми целями, как правило, инстинктивно прибегают к многословию и бессодержательным идиомам, словно каракатица, выпускающая из себя чернила»².)

будут учредительными собраниями масс, социальными фабриками по производству истины». (р. 156 [цит. по: М. Хардт, А. Негри. Империя. М., 2004, с. 152. — Прим. перев.]). Эксцентричный и импульсивный марксистский автор Славой Жижек настолько проникся идеями Шмитта, что заявил, будто даже либеральная демократия должна разделять «шмиттовский» подход, а именно что «наши плюралистичные и толерантные либеральные демократии остаются глубоко шмиттовскими: они по-прежнему полагаются на политическую *Einbildungskraft* [трансцендентальную способность воображения], чтобы создать себе подходящий образ и сделать невидимого Врага видимым. Тот факт, что Враг определяется как фундаменталистский оппонент плюралистической терпимости, нисколько не снимает бинарную оппозицию Друг/Враг, а лишь добавляет к ней очередной рефлексивный извив» (Slavoj Žižek, «Are we in a war? Do we have an enemy?», *London Review of Books*, Vol. 24, No. 10, May 23, 2002).

¹ Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire*, pp. 65—66 [Хардт, Негри. Империя. С. 74].

² George Orwell, «Politics and the English Language», in George Orwell, *A Collection of Essays* (New York: Harcourt, 1981), p. 167.

Негри и Хардт черпают вдохновение у Шмитта — в его печально известной апологии «Великого пространства», которой руководствовался Третий рейх в подходе к геополитическим отношениям. Шмитт настойчиво указывал, что «задача немецкой юриспруденции состоит в том, чтобы избежать ложного выбора между, с одной стороны, чисто консервативным поддержанием межгосударственного образа мысли, превалирующего вплоть до настоящего времени, и с другой — выходом за пределы государственного и национального в универсальное всеобщее право, предпринятым западными демократиями. Она должна найти нечто среднее между ними, а именно понятие о конкретном и великом пространственном порядке — таком, который соответствует земным пространственным масштабам и в то же время новым представлениям о государстве и нации»¹. Именно этот «выход за пределы государственного и национального в универсальное всеобщее право, предпринятый западными демократиями», Негри и Хардт называли «Империей» и объявили подлежащим насильственному разрушению.

Равным образом политические идеи и концепции Шмитта переплелись с крайне правой и неокон-

¹ Carl Schmitt, «The Grossraum Order of International Law with a Ban on Intervention for Spatially Foreign Powers: A Contribution to the Concept of Reich in International Law (1939—41)», in Carl Schmitt, *Writings on War*, Timothy Nunan, trans. (London: Polity Press, 2011), pp. 75—124, p. 109.

сервативной мыслью. Большую роль в этом сыграли философ Лео Штраус (сам оказавший значительное влияние на Шмитта¹) и авторитетные американские

¹ Идеиные связи Штрауса и Шмитта обсуждаются в целом ряде книг, причем многие из них уделяют особое внимание восторженному отношению Штрауса к фашизму. См.: Leo Strauss, «Notes on Carl Schmitt, The Concept of the Political», postscript to Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, pp. 97—122; Heinrich Meier, *Carl Schmitt and Leo Strauss: The Hidden Dialogue* (Chicago: University of Chicago Press, 2006); C. Bradley Thompson, with Yaron Brook, *Neoconservatism: An Obituary for an Idea* (Boulder: Paradigm Publishers, 2010), особенно глава 9 «Флирт с фашизмом». В частности, обращает на себя внимание письмо Штрауса Карлу Левиту от 10 мая 1933 г., написанное из Парижа после победы национал-социалистов в Германии. Ужасно, пишет Штраус, что «весь немецко-еврейский интеллектуальный пролетариат здесь» (в Париже); сам он был бы рад вернуться в Германию, но, как он знает, евреев в Германии больше не считают желательными лицами. Впрочем, добавляет Штраус, если Германия, резко сместившаяся вправо, не желает нас (Левит тоже был евреем) терпеть, она не нарушает верности правым принципам: «Из того, что поправевшая Германия нас не терпит, никак не следует, что она нарушает правые принципы». Напротив, «только на основе правых принципов — фашистских, авторитарных, имперских принципов — и можно бороться со всей мерзостью достойно (*mit Anstand*), без нелепых и патетических апелляций к “неотъемлемым правам человека”». Далее Штраус замечает (и это все равно что повернуть нож в теле либерализма): «Нет никакого смысла смиренно и коленопреклоненно пресмыкаться перед крестом [пышную немецкую фразу нелегко точно передать, особенно потому, что в ней упоминается «крест» и, видимо, с особым подтекстом,

последователи Штрауса, в частности бывший консультант Белого Дома, редактор журнала «The Weekly Standard» и архитектор иракской войны¹ Уильям Кристал, а также колумнист «New York Times» Дэвид Брукс, выступающий за «консерватизм национального величия»². В своей менее воинственной форме этот консерватизм призывает к возведению внушительных государственных монументов в честь национального величия, а в более воинственной

поскольку Штраус был евреем], даже если это крест либерализма, — в то время, как искра истинно римских идей где-то в мире по-прежнему мерцает. Во всяком случае, лучше гетто, чем любой вид креста» (Штраус — Левиту, 13 мая 1933 г.: Leo Strauss, *Gesammelte Schriften*, Band 3, *Hobbes's politische Wissenschaft und zugehörige Schriften—Briefe*, 2 durchges. u. erweiterte Aufl., hrsg. von H. Meier und W. Meier (Stuttgart: Verlag J. B. Metzler), S. 624—626). Ознакомившись с письмом, апологеты Штрауса всячески пытались доказать, что он имел в виду нечто иное. Но представляется более чем вероятным — особенно если учесть прямое и открытое восхваление «фашистских, авторитарных, имперских принципов», — что Штраус имел в виду именно то фашистское государство, которое создал Муссолини. Муссолини, пытавшийся построить «Новую Римскую Империю», был тогда скорее соперником, чем союзником Гитлера и национал-социалистов, и не включал антисемитизм (опять же на тот момент) в государственную идеологию.

¹ Robert Kagan and William Kristol, «What to Do About Iraq», *The Weekly Standard*, January 21, 2002, available at <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/000/768pylwj.asp>.

² David Brooks, «A Return to National Greatness: A Manifesto for a Lost Creed», *The Weekly Standard*, March 3, 1997.

открыто призывает к войне. Неоконсерваторы были главными творцами вторжения в Ирак и продолжают выступать за применение военной силы почти в каждой ситуации. Война, считают Уильям Кристол и Роберт Каган, способна восстановить «подлинный, идущий из глубин сердца консерватизм», причем этот последний «должен обнимать собой как личную, так и национальную ответственность, делать привлекательной каждую возможность демонстрации военной мощи страны, подчеркивать значимость национального величия и возрождать дух героизма, которого в последние годы остро не хватает американской внешней политике — и американскому консерватизму»¹.

Отклик Лео Штрауса на работу Шмитта произвел на последнего глубокое впечатление, и по предложению Штрауса он переформулировал свои идеи, чтобы придать им еще более отчетливую антилиберальную направленность. Штраус выступил с комментарием к изданию «Понятия политического» 1932 г. и в заключение отметил, что Шмитт не размежевался с либерализмом окончательно, так как по-прежнему пребывает в плену категорий, установленных либерализмом: «Как мы говорили, Шмитт предпринимает критику либерализма в либеральном мире; тем самым мы имели в виду, что его критика либерализма ограничена горизонтом самого либерализма.

¹ William Kristol and Robert Kagan, «Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy».

Его антилиберализм сдерживается все еще не преодоленной “категориальной системой либеральной мысли”. Поэтому предложенная Шмиттом критика либерализма может достичь завершенности лишь при условии, что ее горизонт окажется за пределами либерализма»¹. Именно это Шмитт и постарался сделать. В издании 1933 г., выпущенном после победы Гитлера, но запрещенном после войны (дальнейшие издания книги были репринтами издания 1932 г.), он поддержал национал-социализм, более отчетливо выразил свой антисемитизм и облек конфликт друга и врага в неприкрыто расистские

¹ Leo Strauss, «Notes on *The Concept of the Political*», — Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, pp. 97—122, p. 122. Влияние Штрауса на Шмитта проанализировано в: Heinrich Meier, *Carl Schmitt and Leo Strauss: The Hidden Dialogue*. Тем, кто отмахивается от службы Шмитта Третьему рейху и объясняет ее чисто карьерными или оппортунистическими соображениями, следует побольше узнать о запрещенных сочинениях Шмитта, таких как статья «Der Führer Schützt das Recht» («Фюрер защищает право», опубликованная в «Deutsche Juristen-Zeitung» (August 1, 1934; http://www.flechtsig.biz/DJZ34_CS.pdf) уже после того, как Гитлер расправился с сотнями неудобных ему. Им следует почитать главы о Шмитте (раскрывающие глаза и вызывающие тошноту) в книгах: Yvonne Sherratt, *Hitler's Philosophers* (New Haven: Yale University Press, 2013); Emmanuel Faye, *Heidegger: The Introduction of Nazism into Philosophy*, (New Haven: Yale University Press, 2009), а также ознакомиться с шокирующими открытиями и аналитическим обзором Рафаэля Гросса в книге: *Carl Schmitt and the Jews: The «Jewish Question», the Holocaust, and German Legal Theory* (Madison: University of Wisconsin Press, 2007).

формулировки¹. (Есть какая-то тревожная ирония в том, что проницательная критика интеллектуала-еврея убеждает и побуждает интеллектуала-немца стать ревностным нацистом и «главным нацистским юристом»² Третьего рейха.)

Подобно Марксу и Энгельсу, Шмитт считал свободную торговлю не мирной альтернативой войне, а только ширмой, скрывающей более жестокую форму эксплуатации. «“Человечество” — особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий, и в своей этически-гуманитарной форме это специфическое средство экономического империализма»³. Либеральные концепции всеобщих прав человека Шмитт отверг как несовместимые с его различием друга и врага: «Человечество — не политическое понятие; ему не соответствуют никакая политическая сущность, никакое общество и никакой статус. Появившееся в XVIII в. гуманитарное понятие человечества было полемическим отрицанием существовавшей тогда феодально-аристократической системы и связанных с ней привилегий. Согласно

¹ Обзор вопроса см. в: Emmanuel Faye, *Heidegger: The Introduction of Nazism into Philosophy*, op. cit., pp. 158—162.

² Ludwig von Mises, *Omnipotent Government: The Rise of the Total State and Total War* (1944; Indianapolis: Liberty Fund, 2011), p. 106 [Мизес Л. фон. Всемогущее правительство. Челябинск: Социум, 2013. С. 126].

³ Carl Schmitt, *The Concept of the Political*, p. 54 [см.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. №1. С. 37—67.].

доктрине естественного права и либерально-индивидуалистическим доктринам человечество есть всеобщий, т.е. всеобъемлющий общественный идеал, система отношений между индивидуумами. Он материализуется лишь тогда, когда устраняется реальная возможность войны и любое объединение по принципу друг—враг становится немыслимым. В этом универсальном обществе больше не будет наций в форме политических организмов, не будет классовой борьбы и враждующих группировок»¹.

По мнению Шмитта, такие либеральные идеи, как всеобщие права человека, терпимость, свобода слова, торговли и передвижения, не имеют реальных политических коррелятов: «Весь либеральный пафос направлен против подавления или недостатка свободы. Всякое посягательство на индивидуальную свободу, всякая угроза этой свободе, частной собственности и свободной конкуренции объявляется репрессией и eo ipso [тем самым] злом. То, что либерализм еще оставляет на долю государства, правительства и политики, сводится к обеспечению условий для свободы и устранению посягательств на свободу. Таким образом, мы получаем цельную систему демилитаризованных и деполитизированных понятий»².

«Демилитаризованный и деполитизированный» мир представляется Шмитту (как и Штраусу, Юнгеру

¹ Ibid., p. 55 [в русском переводе данное место отсутствует (как и два нижеследующих)].

² Ibid., p. 71.

и другим представителям этой традиции) миром не-серьезности, миром чистого «развлечения». Настоящий человеческий мир — это мир политизированный, а «политическое — самый напряженный и предельный антагонизм, и любой конкретный антагонизм становится тем более политическим, чем ближе он подходит к самой крайней точке, т.е. к группированию по принципу друг—враг»¹. Каким бы ни был враг — внешним или внутренним, — он представляет собой основной смысл жизни как для правых, так и для левых. Титанические и героические силы должны столкнуться в борьбе, которая достойнее, выше и благороднее жизни, занятой «развлечениями», бизнесом, торговлей, семьей, любовью, — всем тем, что легковесно по сравнению с «политическим». Чтобы зажить серьезной политической жизнью, нужно отбросить все ценности либерализма — мирное сотрудничество, терпимость и плюрализм жизней, ограниченных «внутренним» содержанием, — и сосредоточить все социальные силы на победе над *главным врагом*.

Идеи 1914 года

«Мы стоим в память о мертвых, которые святы для нас, и мы убеждены, что нам вверено истинное и духовное достояние нашего народа. Мы стоим за то, что будет, и за то, что было. И хотя внешняя

¹ Ibid., p. 29.

сила и внутреннее варварство собираются
в мрачные тучи, все же — пока лезвие ме-
ча будет высекать искры в ночи — можно
сказать: Германия жива и Германия никог-
да не погибнет!»

Эрнст Юнгер¹

К интеллектуальному движению, столь важным представителем которого был Шмитт, принадлежали многие другие, тоже вдохновленные «Идеями 1914 года», — прославлением года, в который Европу захлестнула массовая истерия, повлекшая за собой миллионы жертв². Пережитая война оказала огромное влияние на весь мир, и не только в чисто политическом плане (например, централизация полномочий государства в Соединенных Штатах): она создала культ конфликта, регламентации и войны. Блестящая

¹ Ernst Jünger, *The Storm of Steel, from the Diary of a German Storm-Troop Officer on the Western Front*, p. 319.

² Это словосочетание ввел в оборот марксистский автор Иоганн Пленге в своей книге 1916 г. «1789 und 1914: Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes». В ней он заявил, что «требования военного времени привели к установлению социалистического принципа в немецкой экономической жизни, ее организация наполнилась новым духом, а необходимость обороны страны подарила миру идею 1914 года, идею немецкой организации и национальную общность государственного социализма» (цит. по: F. A. Hayek, *The Road to Serfdom* (1944; London: Routledge & Kegan Paul, 1979), p. 127 [см.: Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 171]).

книга Эрнста Юнгера «В стальных грозах» особенно наглядно представляет эту традицию. (Юнгер также состоял в активной переписке со Шмиттом, которая длилась более 50 лет без перерыва¹.)

Подобно своему другу и корреспонденту Шмитту, Юнгер тоже был властителем дум и во многом способствовал неприятию либеральных ценностей и идей как правыми, так и левыми². Описание пережитого в ударных частях на полях Первой мировой войны стало популярным выражением «Идей 1914 года», — особенно военного коллективизма. В «Стальных грозах» Юнгер воспел борьбу и конфликт, воплощенные в войне. Подразумеваемой их противоположностью были скука, явная бесцельность существования, несерьезность мирной жизни, состоявшей в производстве, продаже и покупке вещей, в посещении концертов и спектаклей, в деятельности лабораторий и художественных галерей, в поисках научного знания и наслаждении добрым пивом в дружеском кругу. Буржуазная жизнь была унылой, а жизнь борьбы, неистовой смерти и войны — единственной сценой, на которой существование приобретает смысл.

¹ *Briefwechsel, Briefe 1930—1983 Ernst Jünger / Carl Schmitt, Helmut Kiesel, ed. (Stuttgart: Klett-Kotta, 2012).*

² Сотый день рождения Юнгера был отмечен поздравительным письмом от французского президента-социалиста Франсуа Миттерана. Сам он в годы Второй мировой войны перешел со службы режиму Виши к социалистам, когда стало ясно, на чью сторону клонится победа. Письмо можно найти на: <http://www.ernst-juenger.org/2012/05/francois-mitterand-to-ernst-junger-on.html>.

«Если нам скажут, что наше время — время грубой силы, мы ответим: ногами мы стояли в грязи и крови, но взоры наши были обращены к вещам возвышенным. И ни один из бесчисленного числа тех, кто пал в наших атаках, не погиб ни за что. Каждый исполнил свое личное решение... Когда будет уже невозможно понять, как человек отдает свою жизнь за свою страну, — а такое время наступит, — тогда придет конец и этой вере, и идея Отечества умрет. И тогда, наверное, будут завидовать нам — как мы сейчас завидуем внутренней и неодолимой силе святых»¹.

Именно так воспринимали войну Юнгер и многие другие. Но вряд ли так ее воспринимали миллионы других солдат, которые утопали в жидкой грязи, чьи легкие были сожжены горчичным газом, солдат, которые умирали, харкая кровью, и которым было не суждено увидеть жен, детей, любимых и друзей. Эрих Мария Ремарк в романе «На Западном фронте без перемен» изобразил войну совсем по-другому. Если Юнгера восхваляли, то книги Ремарка нацисты сжигали, а его сестра была обезглавлена по приговору нацистского Volksgerichtshof («Народного суда»); есть свидетельства, что судья сказал ей: «Ваш брат скрылся от нас, но вам не уйти»².

¹ Ernst Jünger, *ibid.*, p. 317.

² По другим свидетельствам слова были такими: «Мы приговорили вас к смерти потому, что не можем добраться до вашего брата. Вы должны пострадать за него». См.: Hilton Tims, *Erich Maria Remarque: The Last Romantic* (New York: Carroll & Graf, 2003), p. 143.

Юнгер был не только талантливым писателем: эстетизация насилия, конфликта и регламентации превратила его в активного сторонника тоталитарной диктатуры. Вот чего он ожидал от диктатуры: «Настоящая революция еще не свершилась, но она неотвратимо приближается. Это не реакция, а подлинная революция во всей полноте ее свойств и проявлений. Ее идея — народная идея, доведенная до небывалой остроты; ее знамя — свастика; форма ее выражения — сосредоточение воли в одной единственной точке, диктатуре! Диктатура заменит слово делом, чернила — кровью, пустые обещания — жертвой, перо — мечом»¹.

В статье 1930 г. Юнгер изложил концепцию «тотальной мобилизации»; она произвела глубокое впечатление на немецких антилиберальных коллективистов (в том числе на Мартина Хайдеггера), ибо представлялась им технически вполне осуществимой программой коллективизма. Юнгер восхвалял «последовательное ограничение “индивидуальной свободы”, привилегии, которая, без сомнения, всегда выглядела подозрительно», и восторгался тем, что в Советском Союзе «русский “пятилетний план” впервые явил миру попытку направить коллективную энергию

¹ Ernst Jünger, «Revolution und Idee», *Völkischer Beobachter* (газета именовалась «Боевым печатным органом национал-социалистического движения Великой Германии»), September 23/24, 1923. См.: Helmuth Kiesel, *Ernst Jünger: Die Biographie* (München: Siedler Verlag, 2007), p. 268.

великой империи в единое русло». «Тотальная мобилизация», по его словам, это «лишь подобие той высшей мобилизации, к которой эпоха нас обязывает»¹.

Приверженность диктатуре, предпочтение чего угодно, только не либерализма свидетельствуют о глубинном сходстве соперничавших форм коллективизма. Впоследствии Юнгер вспоминал о своих ранних просоветских симпатиях (еще до службы Третьему рейху). В частности, он говорил об СССР: «Меня очень привлекал план, сама идея плана. Я говорил

¹ Ernst Jünger, «Total Mobilization», trans. Joel Golb & Richard Wolin in Richard Wolin (ed.), *The Heidegger Controversy: A Critical Reader* (Cambridge, MA: MIT Press, 1998), pp. 119—39, p. 127, p. 134. Бенито Муссолини еще раньше пришел к идее регламентации как альтернативы либерализму: «Истина, открытая отныне для всех, чьи глаза не ослеплены догматизмом, состоит в том, что люди, видимо, устали от свободы. Слишком разнузданно они ею пользовались. Нынешняя свобода — это больше не та целомудренная и строгая дева, за которую сражались и умирали поколения первой половины прошлого века. Для сегодняшней молодежи — отважной, энергичной, стойкой, взирающей на зарю новой эпохи, — есть другие слова, куда более притягательные, и эти слова таковы: Порядок, Иерархия, Дисциплина... И да будет известно, отныне и навсегда, что фашизм не знает никаких идолов, не поклоняется никаким фетишам. Он уже переступил, а если нужно будет, спокойно повернется и еще раз переступит через уже достаточно разложившееся тело Богини Свободы». *The Life of Benito Mussolini*, by Margherita G. Sarfatti, Introduction by Signor Mussolini, Frederic Whyte, trans. (New York: Frederick A. Stokes Company, 1925), pp. 328—239 (цитируется статья Муссолини, опубликованная в мае 1923 г. в журнале «Gerarchia»).

себе: пусть у них нет конституции, но зато у них есть план. Это, вероятно, превосходная вещь»¹.

Любопытно сравнить восприятие коллективизма у Юнгера и его единомышленников с совершенно противоположным, которое мы находим у русского писателя Василия Гроссмана. Он вырос в условиях советской коллективистской регламентации и пришел к ее отрицанию; он ясно видел глубинное сходство фашизма, национал-социализма и коммунизма. Гроссман работал корреспондентом «Красной Звезды» (центральной газеты Красной Армии) и первым написал репортаж об освобождении Треблинки — одного из лагерей смерти Третьего рейха. Никогда не живший в свободном обществе, Гроссман понял, что такое свобода и почему к ней нужно стремиться. Роман «Жизнь и судьба» при жизни писателя так и не был опубликован; сразу после его завершения КГБ конфисковал копии рукописи (и даже ленту от пишущей машинки, на которой они печатались). В одном из эпизодов романа, в самый разгар войны между Третьим рейхом и СССР, полковник Петр Павлович Новиков, наблюдая за проезжающими перед ним солдатами его части, думает: «Человеческие объединения, их смысл определены лишь одной главной целью — завоевать людям право быть разными, особыми, по-своему, по-отдельному чувствовать, думать, жить на свете. Чтобы завоевать это право, или отсто-

¹ Julien Hervier, *The Details of Time: Conversation with Jünger* (New York: Marsilio Publishers, 1995), p. 69.

ять его, или расширить, люди объединяются. И тут рождается ужасный, но могучий предрассудок, что в таком объединении во имя расы, Бога, партии, государства — смысл жизни, а не средство. Нет, нет, нет! В человеке, в его скромной особенности, в его праве на эту особенность — единственный, истинный и вечный смысл борьбы за жизнь»¹. Эти «скромные особенности» нисколько не вдохновляют левых и правых идеологов коллективизма; их цель — принудительно привлечь всех нас к борьбе за то или иное великое дело.

Влияние Юнгера не исчезло. Его голос отчетливо различим в писаниях Дэвида Брукса, неоконсервативного журналиста, который публикуется в «New York Times». В колонке от 23 августа 2000 г. под названием «Дело умственной отваги» Брукс цитирует заимствованное у романистки Фанни Берни описание ужасного ощущения при мастэктомии без обезболивания («Потом я почувствовала, как нож натывается на грудную кость — скребет об нее! Это продолжалось, хотя я испытывала просто невыразимые муки»). Брукс восхваляет саму операцию и «героизм» писательницы, передавшей свои ощущения до мельчайших деталей («тяжелое, но необходимое испытание, если она хотела проявить характер и отвагу»). В рассуждениях Брукса слышны отзвуки известного эссе Юнгера 1934 г. «О боли». Все достижения

¹ Vasily Grossman, *Life and Fate: A Novel*, trans by Robert Chandler (New York: Harper & Row, 1987), p. 230 [Гроссман В. Жизнь и судьба. М., 1990].

Просвещения Юнгер решительно отверг и заявил: «Сегодня, пожалуй, мы уже вправе сказать, что мир наслаждающегося собой и жалеющего себя самого отдельного человека остался позади нас и что его ценности, еще распространенные, терпят поражение по всем решающим пунктам или опровергаются следствиями из них»¹.

Согласно Бруксу, «героизм существует не только на поле битвы, не только на публике, но и в голове, — как способность противостоять неприятным мыслям». Кроме того, Брукс вслед за Шмиттом, Юнгером и Штраусом порицает либеральный капитализм: «Сейчас уже меньше говорят о грехах и пороках. Капитализм тоже внес свой вклад в разрушение этого морального настроя. Когда средства массовой информации конкурируют за аудиторию, они вознаграждаются за приятный и позитивный материал». Жизнь сведена исключительно к «приятному и позитивному» содержанию, ей не хватает «героического». Это очень напоминает сетования Штрауса и Шмитта, считавших, что свободные общества лишены серьезности. Ярый сторонник войны в Ираке, Брукс в своих сочинениях предлагает эстетизированную версию призыва своих неоконсервативных коллег, Роберта Кейгена и Уильяма Кристола, «возродить чувство героического» в США путем использования

¹ Ernst Jünger, *On Pain*, David C. Durst, trans. (1934; New York: Telos Press Publishing, 2008), p. 17. [Юнгер Э. О боли // Опустошитель. №8. См.: <http://litbook.ru/article/2745/>.]

их военной мощи для «подавления или уничтожения многих из мировых монстров»¹.

Наследники традиции коллективизма просто не могут представить, что величие нации может достигаться без войны, насилия и антагонизма, — за счет защиты прав отдельного человека на мирное обладание своими скромными особенностями. Для них жизнь, лишенная героической борьбы, это жизнь мелкая и никчемная. Такое эстетическое превознесение войны разжигало огонь, поглотивший миллионы жизней.

Войны не являются неизбежными

Скоро уже не останется людей, безрассудных до такой степени, чтобы затевать войну. И не потому, что война стала невыгодной, — она никогда не была выгодной, — а потому, что учением великих либертарианцев, которые всегда стояли за мир, сформировано определенное общественное сознание. Свобода ведет к миру, господство ведет к войне. Сторонники свободы готовы сравнить жизни тех, кто выступал за свободу, с жизнями тех, кто выступал за господство, тех, кто старался спасти, и тех, кто стремился разрушить.

Чарльз Спрэдинг²

¹ William Kristol and Robert Kagan, *op. cit.*

² Charles T. Sprading, *Liberty and the Great Libertarians* (1913; New York: Fox & Wilkes, 1995), p. 29.

В 1913 г., незадолго до того, как в Европе разразилась безумно кровавая и разрушительная война, американский либертарианец предвосхитил позднейшую риторику президента Вудро Вильсона, который вовлек Соединенные Штаты в то, что он называл «войной за прекращение всех войн». Чарльз Спрэдинг спрашивал: «Как прекратить войны? С помощью ведения войны? Можно ли остановить кровопролитие с помощью кровопролития? Нет; единственный способ прекратить войны — это перестать воевать»¹.

Голоса либертарианцев того времени не были услышаны, и миллионы заплатились своими жизнями. На рубеже столетия журналист-либерал Э. Годкин предупреждал, что волна пошла против свободы: «Лишь немногие, по большей части старые люди все еще поддерживают либеральную доктрину, и когда они уйдут, у нее не останется сторонников... Старое ложное представление о божественном праве еще раз продемонстрировало свою разрушительную силу, и прежде чем оно вновь будет отвергнуто, неизбежно произойдут международные столкновения в ужасающем масштабе»².

Относительно краткосрочной перспективы Годкин оказался прав, а Спрэдинг ошибся. Но в долгосрочной перспективе оба они предвидели мир. Течение вновь развернулось в сторону идей свободы.

¹ *Ibid.*, p. 28.

² E. L. Godkin, «The Eclipse of Liberalism», *The Nation*, August 9, 1900.

На всех континентах либералы и либертарианцы работают ради мирного мира, ради свободы мысли, слова, религии, любви, объединений, передвижения, труда и торговли. Рост мировой экономики снизил привлекательность войны и повысил шансы на мир.

В наших силах раз и навсегда развенчать современные теории о «божественном праве» правителей, государственных деятелей и военачальников распоряжаться чужими жизнями. Настало время, говоря словами полковника Новикова, «завоевать людям право быть разными, особыми, по-своему, по-отдельному чувствовать, думать, жить на свете» и создать мир, в котором все пользуются благами свободы и мира.

САРА СКВАЙР

Искусство войны

126 Как художественная литература и, в частности, поэзия позволяют увидеть в войне то, что при другой форме описания скрыто от нас? Чем поэт помогает лучше понять войну по сравнению со статистиком, историком и журналистом? Сара Сквайр — автор пособия для колледжей по литературному построению текста *«Writing with a Thesis»* («Раскрытие темы по образцу»), которое вышло уже 12-м изданием. Ее поэтические произведения публиковались во многих изданиях — в частности, *«The New Criterion»*, *«The Oxford Magazine»*, *«Vocabula Review»*, — и неоднократно награждались литературными премиями. Является членом общества *«Liberty Fund»*.

Среди великих исторических событий и эпических характеров шекспировского «Генриха V» почти теряется безымянный персонаж, который в списке действующих лиц назван «мальчиком». Он обретается в кругу бывших приятелей принца Хэла, а они готовятся идти на войну с Францией, которую начал их старый друг, ставший теперь королем. Этого мальчика

мы не замечаем вплоть до конца IV акта, когда он служит переводчиком комическому персонажу Пистолу в разговоре с пленным французским солдатом, а потом обращается к аудитории: «Я должен оставаться при обозе с другими слугами. Если бы только французы узнали, что обоз у нас некому стеречь, кроме мальчишек, они бы здорово у нас поживились»¹.

Это последние слова, которые мы слышим от мальчика, ибо французам все известно. Мальчиков, стороживших обоз, убивают, и это «гнусное злодейство» — всего лишь очередной кровавый эпизод пьесы, посвященной поиску баланса между подвигами и ужасами войны.

Но почему Шекспир вообще вводит этот эпизод? Почему в самый разгар битвы при Азенкуре он берет паузу, чтобы безымянный мальчик, которому вскоре предстоит умереть, сказал несколько лишних слов?

Ответ, я думаю, таков: эпизод с мальчиком и эмоциональная реакция на злодейство нужны нам как прививка против бессердечия, с которым Фальстаф говорит о своих солдатах в 1-й части «Генриха IV»: «Ба, они достаточно хороши, чтобы истыкать их копьями! Пушечное мясо, пушечное мясо! Они заполнят могилу не хуже других. Смертные люди, братец ты мой, смертные люди!»² Я думаю, Шекспир понимал, что в числе великих способностей литературы есть и такая: помочь нам различить индивидуальный

¹ Перевод Е. Бируковой. — *Прим. перев.*

² Акт IV, сцена 2; перевод Е. Бируковой. — *Прим. перев.*

человеческий голос в усредняющей и анонимизирующей обстановке войны. Именно эта способность придает литературе такую ценность в глазах классических либералов, которые хотят изучить и понять войну, чтобы устранить ее.

Война стремится лишить нас индивидуальности; это поняли уже давно. Это хорошо понимал Оруэлл, и в его романе «1984 год» мы видим мир, который «воевал всегда», видим новый социальный порядок, созданный с целью деиндивидуализации. Мужчинам и женщинам не дозволено строить интимные личные отношения. Все действия — групповые. Все находится под неусыпным наблюдением, лишены частного пространства и любой персонализированной собственности; цель одна — превратить индивидуальные личности во взаимозаменяемые единицы.

Вацлав Гавел так описывает посттоталитарное государство, которое отошло от прямого насилия и прочно навязало людям свою систему угнетения, что его описание с полным правом можно приложить к государству в состоянии войны: «Между целями посттоталитарной системы и целями жизни зияет пропасть: если жизнь по сути своей нацелена на множественность, разнообразие, независимое самосозидание и самоорганизацию, т.е., кратко говоря, на осуществление ее собственной свободы, то посттоталитарная система требует подчинения, единообразия и дисциплины... Такая система служит людям лишь постольку, поскольку этим обеспечивается служба людей системе. Все, что не укладывается в заданные рамки, т.е. все, что помо-

гает людям выйти из предписанных им ролей, воспринимается системой как покушение на нее самое».

Против этой обезличивающей и разрушительной силы войны и состояния войны и возвышают голос настоящие писатели.

Эту способность литературы Марк Твен использует в «Военной молитве». «Посланец небес» объясняет собравшимся, что их молитва за победу — это одновременно и молитва за гибель других: «Господи Боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны... тщетно умоляющие Тебя разверзнуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой»¹.

Когда враг перестает быть анонимной массой, выстрелить в него уже гораздо труднее.

И когда человек перестает быть частью анонимной массы, ему труднее нажать на спусковой крючок. Вот почему так важны регламентация и подчинение. Написанное во время Второй мировой войны стихотворение

¹ Перевод Т. Кудрявцевой; цит. по: http://antimilitary.narod.ru/antology/twain/twain_1905_Prayer.htm — Прим. перев.

Генри Рида «Наименование частей» начинается с изображения занятия по изучению оружия; посредством этой муштровки новички-рекруты переделываются в солдат. Монотонный голос сержанта и перечисляемые им задачи резко контрастируют с чудесным весенним днем и буйством природы за окном казармы:

Сегодня у нас изучение частей. Вчера
Была обычная чистка. И завтра утром
Нам будет что делать после стрельб. А сегодня,
Сегодня у нас изучение частей. Камелии
Сверкают как кораллы во всех соседних садах,
А у нас сегодня изучение частей.

Деиндивидуализирующее воздействие войны ужасно, разумеется, не только тем, что превращает личности во взаимозаменяемые и неотличимые друг от друга единицы. Поистине ужасно то, что происходит с этими единицами, когда война захлестывает их.

И вот здесь голос писателя вне конкуренции, а особенно драгоценен голос того писателя, который был на войне. Один из самых ярких голосов принадлежит Уилфреду Оуэну; стихи, написанные им во время Первой мировой войны, разоблачают анонимность войны и призывают бороться с ней. «Гимн обреченной молодежи» начинается с безответного вопроса: «По тем юнцам, чтодохнут, как собаки, ктоотзвонит?»¹; все стихотворение — это скорбь о трагедии неповто-

¹ Цит. по: <http://www.stihi.ru/2009/11/15/6595>, переводчик не установлен. — *Прим. перев.*

римых людей, посланных на массовый убой. Самое известное стихотворение Оуэна «*Dulce et decorum est*»¹ разворачивается из общей перспективы — отходящий отряд: «Согнувшись пополам, как нищие с мешками... / Хромая, кашляя надрывно, мы плелись / Устало к месту вожделенного покоя»² — до крупного плана: солдат, не успевший надеть противогаз во время газовой атаки.

Один замешкался, давясь и спотыкаясь,
 Барахтаясь, как в огненной смоле,
 В просветах мутного зеленого тумана,
 Бессильный, как во сне, вмешаться и помочь,
 Я видел только — вот он зашатался,
 Рванулся и поник — бороться уж невмочь.

Затем Оуэн обращается к читателю:

О, если б ты потом тащился вместе с нами
 За той повозкой, куда кинули его,
 Смотрел в лицо с разинутыми бельмами-глазами,
 Не видящими больше ничего,
 Слыхал, как от толчков повозки вновь и вновь
 В забитых пеной легких клокотала кровь, —
 Ты не посмел бы, друг мой, повторять
 Избитой лжи, юнцов наивных распаляя:
 «Нет больше радости и чести жизнь отдать,
 За родину солдатом погибая!»

¹ «Прекрасно и славно умереть [за родину]» (Гораций. Оды III 2,13). — Прим. перев.

² Здесь и ниже перевод М. Зенкевича; цит. по: <http://www.liveinternet.ru/users/alfizik/post105414412/>. — Прим. перев.

Похожего эффекта добивается Йейтс в стихотворении «Пасха 1916 года», которое он завершает «мартирологом» погибших во время «пасхального восстания»:

И я наношу на лист —
Макдоннах, Макбрайд,
Конноли и Пирс,
преобразили край,
Чтуший зеленый цвет,
и память о них чиста:
Уже родилась на свет
грозная красота¹.

130

Простое перечисление имен погибших побуждает понять, что потерянные жизни — это именно потерянные жизни, а не пересчитанные мертвые тела. Литература настаивает на том, чтобы мы всматривались в эти жизни и прислушивались к этим голосам. Как там, думаем мы, звали этого мальчика в «Генрихе V»?

Если Йейтс все-таки находит в утрате неповторимых жизней красоту (пусть и ужасную), то израильский поэт Йегуда Амихай не чувствует в ней ничего, кроме отчаяния.

Бомба, что взорвалась, была плоской и круглой,
диаметром сантиметров тридцать.
Радиус поражения был семь метров,

¹ Цит. по: http://easter1916.narod.ru/songs_yeats.html, переводчик не установлен; возможно несколько вариантов. — Прим. перев.

и в этом радиусе остались лежать
одиннадцать раненых и четверо убитых.
Есть и другой круг, гораздо шире,
это круг времени и боли,
в нем — кладбище и две больницы.
А молодая женщина похоронена
в том городе, где она родилась,
километров за сто отсюда.
И это чудовищный круг.
Где-то в далекой стране, у моря,
одинокий мужчина оплакивает ее смерть —
и круг расширяется, охватывая весь мир.
Не хочу вспоминать про плач сирот, который несётся
к Божьему престолу и выше —
туда, где нет круга и нет Бога¹.

В «Dulce et decorum» Оуэн изображает газовую атаку все более крупным планом, а затем просит читателя задуматься о том, как нужно это воспринимать. Точно так же Амихай заставляет читателя вдуматься в то, что же приносит маленькая бомба, если представить себе концентрические круги ее воздействия. Бомба убила только четверых, но эхо от ее взрыва дошло до «Божьего престола и выше».

Военная статистика, конечно, важна. Нам нужно знать, сколько денег мы истратили, сколько солдат потеряли, сколько гражданских лиц погибло. Но при этом мы не должны забывать, что сколько бы мы

¹ Перевод А. Графова; цит. по: <http://evrofilm.com/ieguda-amixaj-1924-2000-stixi.html>. — *Прим. перев.*

ни узнали из больших цифр, они не скажут нам всего. Если мы видим, как говорила Эми Лоуэлл, только «общую канву войны», мы перестаем замечать детали, из которых она состоит, перестаем обращать внимание на неповторимые жизни, собственно, и служащие этими деталями.

131

Многие писатели говорили о том, каким тщетным кажется им их занятие во время войны, когда людям нужны новости, а не искусство. В известном стихотворении Пабло Неруда с горькой откровенностью объясняет, почему во время войны он не может писать много или писать хорошо:

Вы спрашиваете, почему я не говорю о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей земли?
Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь
на улице!¹

Что еще, считает он, можно сказать во время войны? Только одно: «Смотрите, кровь на улице!» А если больше ничего сказать нельзя, какой смысл в поэзии?

Но Оден напоминает нам: писатель может и должен возвысить свой голос, чтобы персонализировать кровь на улице и вскрыть глубинный смысл этой картины. Это не просто кровь вообще: это *чья-то* кровь.

¹ Перевод И. Эренбурга; цит. по: <http://4ernovik.ru/classic-poems/pablo-neruda/citata/>. — Прим. перев.

Личный голос должен прозвучать именно для того, чтобы защитить ценность индивидуальной жизни против скрытой лжи войны:

Все, что я имею, это голос,
обнажающий скрытую ложь,
романтичную ложь в мозгу
чувственного мужчины с улицы
и ложь Власти,
чьи здания щупают небо:
государство — не вещь,
и никто не живет сам по себе;
голод лишает выбора
гражданина или полицию;
мы должны возлюбить друг друга или умереть¹.

¹ У. Оден. 1 сентября 1939; переводчик не установлен, цит. по: <https://www.stihi.ru/2006/04/29-62>. — Прим. перев.

МАРК ТВЕН

Военная молитва¹

¹³² Сэмюэл Клеменс, больше известный под литературным псевдонимом Марк Твен — один из величайших американских писателей. Самые известные его книги — «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна».

То было время величайшего волнения и подъема. Вся страна рвалась в бой — шла война, в груди всех и каждого горел священный огонь патриотизма; гремели барабаны, играли оркестры, палили игрушечные пистолеты, пучки ракет со свистом и треском взлетали в воздух; куда ни глянь — вдоль теряющихся вдаль крыш и балконов сверкала на солнце зыбкая чаша флагов; каждый день юные добровольцы, веселые и такие красивые в своих новых мундирах, маршировали по широкому проспекту, а их отцы, матери, сестры и невесты срывающимися от счастья голосами

¹ Написано в 1905 г. Перевод Т. Кудрявцевой; цит. по: http://antimilitary.narod.ru/antology/twain/twain_1905_Prayer.htm. — Прим. перев.

приветствовали их на пути; каждый вечер густые толпы народа затаив дыхание внимали какому-нибудь патриоту-оратору, чья речь задевала самые сокровенные струны их души, и то и дело прерывали ее бурей аплодисментов, в то время как слезы текли у них по щекам; в церквах священники убеждали народ верой и правдой служить отечеству и так пылко и красноречиво молили бога войны ниспослать нам помощь в правом деле, что среди слушателей не нашлось бы ни одного, который не был бы растроган до слез. Это было поистине славное, удивительное время, и те немногие опрометчивые люди, которые отваживались неодобрительно отозваться о войне и усомниться в ее справедливости, тотчас получали столь суровую и гневную отповедь, что ради собственной безопасности почитали за благо убраться с глаз долой и помалкивать.

133

Настало воскресенье — на следующий день войска выступали на фронт; церковь с утра была набита до отказа, здесь же находились и добровольцы, чьи юные лица горели в предвкушении ратных подвигов; мысленно они уже были там — вот они наступают, упорно, все быстрее и решительнее, стремительный натиск, блеск сабель, враг бежит, паника, пороховой дым, яростное преследование, капитуляция! — и вот они снова дома: вернулись с войны закаленные в боях герои, долгожданные и обожаемые, в золотом сиянии победы! С добровольцами сидели рядом их близкие, гордые и счастливые, вызывая зависть друзей и соседей, не имевших братьев и сыновей, которых они могли бы послать на поле брани добыть отчизне

победу или же пасть смертью храбрых. Служба шла своим чередом: священник прочел военную главу из Ветхого Завета, потом первую молитву; загудел орган, сотрясая здание; молящиеся поднялись в едином порыве, с бьющимся сердцем и блестящими глазами, и в церкви зазвучал могучий призыв:

Господи, грозно на землю взирающий,
Молнии, громы послушны Тебе!

Затем последовала «долгая» молитва. Никто не мог бы припомнить ничего равного ей по страстности и проникновенности чувства и по красоте изложения. Просили в ней больше всего о том, чтобы всеблагой и милосердный Отец наш оберегал наших доблестных молодых воинов, был бы им помощью, опорой и поддержкой в их подвигах во имя отчизны; чтобы Он благословлял их и охранял в день битвы и в час опасности, держал их в своей деснице, дал им силу и уверенность и сделал непобедимыми в кровавых схватках; чтобы помог Он им сокрушить врага, даровал им, их оружию и стране вечный почет и славу...

В эту минуту в церковь вошел какой-то пожилой незнакомец и неторопливо, бесшумной поступью направился по главному проходу к алтарю. Глаза его были устремлены на священника, высокую фигуру облакала одежда, доходившая до пят, и седые волосы пышною гривой падали на плечи, обрамляя изборожденное морщинами лицо, неестественно, даже мертвенно — бледное. Все с недоумением смотрели на него, а он, молча пройдя между скамей, поднялся на кафедру

и выжидающе стал рядом со священником. Смежив веки и не догадываясь о присутствии незнакомца, священник продолжал читать свою волнующую молитву и закончил ее страстным призывом: «Благослови наше воинство, даруй нам победу, Господи Боже наш, отец и защитник земли нашей и оружия!»

Незнакомец дотронулся до его плеча, жестом приказал ему отойти, — что изумленный священник не замедлил исполнить, — и занял его место. Несколько мгновений он сурово оглядывал потрясенных слушателей, и глаза его горели призрачным огнем, потом низким, глухим голосом начал:

— Я — посланец престола, несущий вам слово Господне!

Прихожане стояли как громом пораженные; незнакомец если и заметил их испуг, то не обратил на него ни малейшего внимания.

— Всевышний услышал молитву своего слуги, вашего пастыря, и готов ее исполнить, если таково будет ваше желание после того, как я, Его посланец, разъясню вам ее смысл, точнее — полный ее смысл. Ибо, как и во многих других людских молитвах, вы, сами того не подозревая, просите о неизмеримо большем, чем вам кажется, когда вы молитесь, — если, конечно, вы заранее всё не обдумали.

Слуга Божий и ваш прочел молитву. Подумал ли он, прежде чем прочитать ее? И одна ли это молитва? Нет, их две: одна — которую он произнес вслух, и другая — которой не произнес. И обе достигли ушей Того, кто слышит все просьбы — высказанные

и невысказанные. Поразмыслите над этим — и запомните. Если станете просить благословения своим делам и поступкам, будьте осторожны, ибо в эту минуту вы непреднамеренно можете навлечь проклятье на своего соседа. Если вы молитесь о ниспослании дождя, ибо он нужен полям вашим, — тем самым вы, быть может, молитесь о бедствии для соседа, чья земля не нуждается во влаге и дождь только испортит ему урожай.

Вы слышали молитвы вашего слуги — ту ее часть, которую он произнес вслух. Господь послал меня к вам, чтобы я облек в слова другую ее часть то, о чем пастор и все вы в глубине сердца молча молили его. Не разумея и не думая, о чем молитесь? Дай Бог, чтобы это было так. Вы слышали, слова: «Даруй нам победу, Господи Боже наш!» Этого достаточно. Вся молитва, которую вы произносили здесь вслух, заключена в этих многозначительных словах. Уточнения излишни. Моля о победе, вы молили и о многих не упомянутых вами следствиях, которые сопутствуют победе, должны ей сопутствовать, не могут не сопутствовать. И вот до слуха Отца нашего небесного дошла и невысказанная часть молитвы. Он повелел мне облечь ее в слова. Внемлите же!

Господи Боже наш, наши юные патриоты, кумиры сердец наших, идут в бой — пребудь с ними! В мыслях мы вместе с ними покидаем покой и тепло дорогих нам очагов и идем громить недругов. Господи Боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить

грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом, летом — палимые солнцем, зимой дрожащие от ледяного ветра, вконец отчаявшиеся, тщетно умоляющие Тебя развернуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой; ради нас, кто поклоняется Тебе, о Господи, развеи в прах их надежды, сгуби их жизнь, продли их горестные скитания, утяжели их шаг, окропи их путь слезами, обagri белый снег кровью их израненных ног! С любовью и верой мы молим об этом Того, кто есть источник любви, верный друг и прибежище для всех страждущих, ищущих его помощи со смиренным сердцем и покаянной душой. Аминь.

(Помолчав немного.) Вы молились об этом; если вы все еще желаете этого — скажите! Посланец Всевышнего ждет.

Впоследствии многие утверждали, что это был сумасшедший, ибо речь его была лишена всякого смысла.

13

УИЛФРЕД ОУЭН

Dulce et decorum est¹

¹³⁶ Уилфред Оуэн — английский поэт и солдат. Убит в бою 4 ноября 1918 г., за неделю до подписания перемирия, ознаменовавшего конец Первой мировой войны.

Согнувшись пополам, как нищие с мешками,
Спиной к преследующим вспышкам боя,
Хромая, кашляя надрывно, мы плелись
Устало к месту вожделенного покоя.
Шли, дремля на ходу, в грязи башмак теряя,
Покорно волоклись сквозь этот ад,
Брели на ощупь, позади не различая
Глухих разрывов газовых гранат.
Газ! Газ! Скорей! — Неловкие движенья,
Напяливание масок в едкой мгле.
Один замешкался, давясь и спотыкаясь,
Барахтаясь, как в огненной смоле,
В просветах мутного зеленого тумана,

¹ «Прекрасно и славно умереть [за родину]» (Гораций. Оды III 2, 13). Перевод М. Зенкевича; цит. по: <http://www.liveinternet.ru/users/alfizik/post105414412/>. — Прим. перев.

Бессильный, как во сне, вмешаться и помочь,
Я видел только — вот он зашатался,
Рванулся и поник — бороться уж невмочь.
О, если б ты потом тащился вместе с нами
За той повозкой, куда кинули его,
Смотрел в лицо с разинутыми бельмами-глазами,
Не видящими больше ничего,
Слыхал, как от толчков повозки вновь и вновь
В забитых пеной легких клокотала кровь, —
Ты не посмел бы, друг мой, повторять
Избитой лжи, юнцов наивных распаляя:
«Нет больше радости и чести жизнь отдать,
За родину солдатом погибая!»

УИЛФРЕД ОУЭН

Притча о старце и отроке¹

¹³⁸ Уилфред Оуэн — английский поэт и солдат. Убит в бою 4 ноября 1918 г., за неделю до подписания перемирия, ознаменовавшего конец Первой мировой войны.

Поднялся Авраам, собрал в округе хворост,
 Развел большой огонь и, наточив железо,
 Пошел к убежищу, где обретался с сыном.
 И Исаак спросил его: «Я вижу, Отче,
 Как ты железо и огонь готовишь к делу,
 А где же агнец для такого всесожженья?»
 Но молча Авраам связал ремнями сына,
 Воздвиг престол и вырыл кровоток глубокий,
 И вот уж нож занес, чтоб отрока зарезать,
 Как вдруг его окликнул ангел с поднебесья:
 «Окстись, окстись! Не возложи на чадю руку!
 Раскрой глаза и посмотри перед собою:
 Вон в зарослях овен запутался рогами —
 Его и принеси ты в жертву, а не сына».

¹ Перевод Е. Лукина; цит. по: <http://magazines.russ.ru/zin/2012/12/o9-pr.html>. — Прим. перев.

Не внял словам — пролил родную кровь старик...
Ну а затем по всей Европе — вжик, вжик, вжик.

КЭТИ РЕЙЗЕНВИТЦ

Мир начинается с тебя

¹³⁹ Что можете сделать вы, читатель этой книги, чтобы мир стал более мирным? Чем можете заявить о себе? Какие шаги можете предпринять и какие средства есть в вашем распоряжении? Кэти Рейзенвитц — редактор сайта «Young Voices» (<http://youngvoicesadvocates.com/>), сотрудничает с международной организацией *Students For Liberty*. Публикуется по проблемам политики и культуры в таких изданиях, как «Forbes», «Chicago Tribune», «Reason», «VICE Motherboard» и «Washington Examiner».

Война окружает нас, но скрывается от нас. Были времена, когда войны начинались и кончались разрозненно; сейчас мы живем в состоянии перманентного конфликта. А поскольку текущие войны ведутся не против других государств, а против таких абстрактных явлений, как «наркотики» и «террор», невозможно понять, приводили ли они когда-нибудь к победе. Террор — тактика, наркотики — товар; их нельзя «победить» так, как противников в традиционном значении этого слова. Поэтому войны против них ведутся безостановочно.

Войны не только уносят жизни людей; они подрывают принцип верховенства права и наши гражданские свободы — именно те институты, на которых и зиждется гражданское общество. Отдельно взятые недруги уничтожаются без суда с помощью секретных программ использования беспилотников. Ради ведения войн с реальными и воображаемыми врагами разрабатываются и объявляются необходимыми мощные компьютерные шпионские программы. Против «недееспособных государств» используются военная сила, и часто это приводит к еще большей дестабилизации местной обстановки. Вооруженные силы дестабилизируют политическую систему той или иной страны и создают хаос, чтобы оправдать вооруженную интервенцию и аннексию. Полицейские подразделения все больше напоминают военизированные ударные отряды, которые обращаются с местными жителями не лучше, чем с врагом на поле боя.

Довольно вспомнить такие примеры государственной агрессии, как вторжения в Ирак и Афганистан, вспомнить Чечню, Грузию и Крым, вооруженные конфликты в Сомали и Дарфуре, многие другие межгосударственные конфликты, — и становится ясно, что поколение, достигшее зрелости на рубеже тысячелетий, почти не видело мирного времени. Мы выросли в мире войны, открытой и скрытой, односторонней и многосторонней. Как же мы можем выступать за неведомый нам идеал — мир?

Однако уже в течение столетий заметна общая тенденция отхода от войны. Все больше людей жили

более мирной жизнью, чем предшествующие поколения. Глобальная торговля и средства сообщения, эти инструменты мира, вызвали к жизни наиболее глобально мыслящее поколение — поколение подлинных граждан мира.

В большинстве мест для большинства людей вероятность гибели от насилия снизилась; в то же время граждане многих стран почти постоянно ощущают влияние инициированных государством кампаний насилия. О жертвах этих перманентных войн общество часто и не подозревает: это случайные свидетели, гибнущие от ударов беспилотников; это жертвы столкновений преступных группировок с полицией в ходе так называемой «войны против наркотиков» и рейдов на незаконные «черные рынки»; гражданские и военные лица, гибнущие в прямых военных конфликтах; наконец, это те жертвы, которые большинству труднее всего заметить, — свобода, ограниченное правление и верховенство права.

Итак, что же может сделать наше поколение, родившееся уже в новом тысячелетии, для защиты мира? Это три шага: *Повышение информированности, Расширение нашего круга, Организационная работа (Learn. Amplify. Organize).*

Повышение информированности

Призывы к войне рассчитаны на неинформированных, благодушных и доверчивых людей. Экономические заблуждения (например, обманчивое уверение, что

войны «стимулируют экономику») вкупе с неверной информацией, прямым обманом и псевдопатриотической риторикой (которая демонизирует тех, кто осмеливается задавать неудобные вопросы) могут склонить массы на сторону войны или внушить им ложную уверенность, что власти все делают правильно. Вместо трезвого анализа вероятных последствий использования военной силы людям предлагают набор благих намерений. Сама мысль о том, что военные действия могут привести к непреднамеренным последствиям или создать добавочный риск, отвергается с порога. Поэтому для поддержания мира чрезвычайно важно быть информированным, точно представлять мотивы, риски и издержки, докапываться до фактов; более того, нужно подвергать сомнению намерения политиков и быть в готовности потребовать у них объяснений. Эта книга — хорошее начало, но тем, кто хочет работать ради мира, предстоит сделать гораздо больше.

Мы должны повышать нашу осведомленность в области международных отношений, изучать историю военных интервенций, особенно с точки зрения их жертв. Война — слишком серьезное дело; поэтому от нас требуются знание фактов, оценка вероятности непреднамеренных последствий, учет всех издержек и степени негативного воздействия перечисленных факторов на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Когда вы прочитаете все разделы книги, лучше всего обратиться к «Рекомендуемой литературе» (список помещен в конце). Прекрасный источник более детальной аналитической информации,

«ориентированной на разработку социально-экономической политики» — сайт www.cato.org/foreign-policy-national-security. В странах с открытым доступом к интернету неоценимую информационную службу могут сослужить поисковые системы (правда, к их источникам следует относиться со здоровым скептицизмом).

Расширение нашего круга

Для того чтобы у человека возникла решимость выступить за мир, порой достаточно просто чужого примера. И этим примером можете стать вы. Допустим, вы слышите, что кто-то поддерживает насилие; возражайте, приводите доводы в пользу мира и свободного выбора. Это может быть личная беседа (здесь лучше обойтись без эмоций, сосредоточиться на разумных доводах, помочь собеседникам забыть о лозунгах и представить ужас, ущерб и страдание, вызываемые насилием), общение в Фейсбуке или в другой соцсети, на собрании или митинге; вы можете сделать это в письменном обращении к редактору, в прямом эфире радиопередачи, в письменных дебатах, в статьях для вашей студенческой газеты. Как правило, вы обнаружите, что не одиноки и что ваш голос будет поддержан голосами тех других, которые в противном случае промолчали бы.

Основная мысль великого защитника мира Фредерика Бастиа состояла в том, что государственная политика имеет не только «видимые», но и «невидимые»

последствия. Допустим, политики отдают распоряжение сделать то-то и то-то; но что *не будет сделано* в результате этого распоряжения? Решение *выпускать* джипы и танки для войны равносильно решению *не выпускать* гражданские автомобили и тракторы. Если в военной промышленности *создаются* рабочие места, это значит, что на предприятиях, выпускающих мирную продукцию, они *сокращаются*. Каждое решение имеет свою цену и подразумевает отказ от чего-то, отсутствие чего-то, — причем это «что-то» непосредственно не зримо. Так и с войной. Это тоже выбор, а любой выбор сопряжен с издержками. Если с вашей помощью люди смогут оценить издержки и увидеть «невидимое», это будет важный шаг к тому, чтобы обуздать опрометчивые и безрассудные поползновения к войне.

Если вы живете в стране со сколько-нибудь «отзывчивыми» властями, вы можете высказать ваше мнение выборным представителям. Каждое хорошо продуманное и изложенное обращение говорит политику, что так считают многие, а не только вы. Политики обычно прислушиваются к таким мнениям — и гораздо внимательнее, чем принято считать. (А вот на эмоциональные осуждения и призывы они стараются не реагировать.)

Если вы нашли в интернете материалы, полезные, с вашей точки зрения, для дела мира, поделитесь ими в Твиттере, Фейсбуке, ВКонтакте, в вашем блоге или в иных средствах информации. Когда кто-нибудь выскажет свое мнение об этих материалах, вам следует

отозваться рассудительно и постараться настроить ум и сердце вашего респондента в пользу мира. При обмене мнениями лучше всего приводить разумные доводы и воздерживаться от эмоций. Лучше убеждать, чем осуждать. Задача не в том, чтобы дать выход нашему негодованию, а в том, чтобы убедить других присоединиться к нам в стремлении к миру.

Короче говоря, вы можете передать другим вашу преданность миру, любви и свободе. (Первым делом вы можете заказать несколько экземпляров этой книги и ознакомить с ней членов вашей семьи, друзей, однокурсников и даже — если наберетесь смелости — преподавателей.)

Организационная работа

Если вы учитесь в высшем учебном заведении, найдите местную ячейку «Students For Liberty» и включитесь в ее работу. Это будет нетрудно и полезно. К тому же вы приобретете друзей, которые разделяют вашу преданность миру, любви и свободе. О том, как найти первичную ячейку или создать ее, вы можете узнать на сайте studentsforliberty.org. А на главной странице «Atlas Network» (<http://AtlasNetwork.org/>) вы найдете список организаций, которые способствуют реформам, создающим мирные общества.

Затем организуйте совместные акции сторонников мира. Другим это удастся; значит, и вы сможете. Вот несколько свежих примеров из США (где я живу) и других стран.

В октябре 2010 г. либертарианцы Университетского колледжа штата Мичиган устроили «Кладбище гражданских свобод». Они заказали надгробную плиту для каждой свободы («неприкосновенность частной жизни», «свобода слова», «неприкосновенность личности» и «свобода вероисповедания»), которая пала или готова пасть жертвой войны. Плиты установили на главном перекрестке кампуса, где их трудно было не заметить. Там же активисты раздавали информационные материалы и привлекали в группу новых членов.

В марте 2012 г. члены организации «Молодые американцы за свободу» из университета Слипери Рок помогали студентам осознать масштабы американских потерь от операций в Ираке и Афганистане и с этой целью провели в кампусе акцию под названием «Десятилетие войны». Центральную площадку они окружили американскими флагами; каждый обозначал смерть двух военнослужащих за последнее десятилетие войны. В центре размещалась трибуна «Свободы слова», с которой каждый студент мог сказать, что он думает о войне. В течение недели, день за днем, тысячи студентов, сменяя друг друга, приходили на эту акцию. Активисты получили возможность поговорить с коллегами-студентами о последствиях войн и ознакомить их с деятельностью своей организации; перед входом на акцию они раздавали литературу о свободе.

В апреле 2013 г. либертарианцы из колледжа Университета Флориды организовали «Неделю протеста против беспилотников». В ней приняли участие представители всего политического спектра; они выразили

несогласие с правительственной программой использования беспилотников, а также с решениями университета, способствовавшими военному использованию беспилотников. На трибуне свободы слова было изображение вооруженного беспилотника, а в самых оживленных местах кампуса поставили столы, изображавшие «Расположение беспилотника в военной зоне»; так студенты могли наглядно представить, где применяются беспилотники.

В марте 2014 г. участники Европейской конференции «Students For Liberty» прошли маршем к российскому посольству, чтобы выразить протест против вторжения на Украину и аннексии Крыма. В группу входили студенты из России и Украины, которых объединило неприятие вооруженной агрессии одного государства против другого.

В странах, где власти ограничивают или подавляют свободу слова, такие акции, конечно, труднее проводить. Но голос студентов, выступающих за мир, слышен и там. В России активисты «Students For Liberty» провели марши против интервенции на Украину в Москве, Санкт-Петербурге и других городах (и за эту смелость были задержаны). В Индии и Пакистане члены «Students For Liberty» выступают за свободу торговли, помогающую заменить миром и дружбой войны, конфликты и вражду, столь часто омрачавшие историю этих стран. Члены «Students For Liberty» в Африке стремятся содействовать гражданскому миру в странах, пострадавших от острых внутренних конфликтов. То же самое относится к Латинской

Америке, где активисты «Students For Liberty» в Венесуэле, Гватемале, Сальвадоре и других странах работают на благо мира.

Из всего этого следует, что вы — да-да, именно вы, читающие сейчас эти слова, — можете заявить о себе делом. Вы можете присоединиться к другим и активно выступать за мир. Если такой группы поблизости нет, можно создать новую. Каждую группу, каждое движение кто-нибудь создавал. В данном случае пусть это будете вы.

Заявите о себе: выберите мир

Знакомство с этой книгой обогатило вас. Конечно, вы можете узнать еще больше, но вы уже сделали важный шаг к миру. У вас есть квалифицированный голос, который вы можете отдать за мир. Нужно, чтобы ваш голос был услышан и вы знали, что вы не одиноки, что другие присоединят свои голоса к вашему и распространят мирное послание. Объединяйтесь с другими и показывайте делом, что вы поддерживаете мир. Иначе, когда вы постареете и поседаете, сможете ли вы с полным правом сказать: «Я выступал за мир»?

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР

Как английские СМИ освещали англо-бурскую войну¹

К бедствиям, сопровождающим войну, надо, по всей справедливости, причислить уменьшение любви к истине, обусловленное привычкой лгать, предписываемой личными выгодами и поощряемой легковерием. Герберт Спенсер (1820—1903) — английский философ и социолог, теоретик классического либерализма. В последних статьях, опубликованных за год до смерти, Спенсер резко критиковал охватившее британское общество — политиков, прессу, народные массы — империалистические, ура-патриотические и милитаристские настроения, в конце концов вылившиеся в англо-бурскую войну.

<...>

Весьма хорошим вступлением к такому исследованию может служить следующая выдержка из старинного журнала «The Idler». В ноябре 1758 г. д-р Джонсон

¹ Из статьи «Государственное народное образование», впервые опубликованной в: *Spencer H. Facts and Comments*. New-York, 1902. Печатается по: Спенсер Г. Политические сочинения : в 5 т. Т. 4 : Политические опыты. М. ; Челябинск : Социум, 2015. С. 436—440.

писал: «В военное время всегда проявляется в народных массах единодушное стремление слышать что-нибудь хорошее о самих себе и что-нибудь дурное о неприятелях. Задача газетчиков становится тогда очень легкой. Для выполнения ее достаточно сообщить сперва, что ожидается сражение, а потом — что оно состоялось, причем, каков бы ни был его исход, англичане и союзники и выказали величайшие доблести, тогда как неприятель ничего путного не сделал. К бедствиям, сопровождающим войну, надо, по всей справедливости, причислить уменьшение любви к истине, обусловленное привычкой лгать, предписываемой личными выгодами и поощряемой легковерием. Заключение мира оставляет как английского воина, так и повествователя о его подвигах без определенных занятий и я не знаю, чего именно надо в большей степени опасаться: переполнения улиц солдатами, привыкшими к грабежу, или же переполнения чердаков писателями, привыкшими ко лжи?»

С тех пор минуло уже полтора столетия, но положение вещей за это время, сколько можно судить, изменилось лишь очень немного. Известия с театра южноафриканской войны оказывались сплошь и рядом переполненными всяких вымыслов, преувеличений и умолчаний. Много было в них искажено или совершенно стусевано. Образчиком может служить появившееся после начала войны, а именно в октябре 1899 г., сообщение о том, что хлеба у буров гниют на корню (сочиненное, без сомнения, в Лондоне репортером, который забыл, что здешней осени соответствует

в Южном полушарии весна). Несколько месяцев спустя это не помешало объявить, что у буров уборка хлебов в полном разгаре, благодаря чему население Ледисмита отнеслось будто бы совершенно равнодушно к известию об отражении британских войск, намеревавшихся освободить этот осажденный бурами город. Однако же значительно позже обнаружено было в «Таймс» письмо корреспондента этой же газеты из Ледисмита, где заявлялось, что упомянутая неудача повергла всех жителей злополучного города в величайший ужас. Подобным же образом по известиям из различных укрепленных местностей, осажденных бурами, бомбардирование не приносило английским их гарнизонам почти никакого вреда, а между тем по освобождении Кимберли выяснилось, из доклада мистера Родса, что в этом городке урон за время осады простирался до 120 человек убитых и раненых. Специальный корреспондент газеты «Глоуб» прямо сознается, что искажение фактов считалось для репортеров обязательно необходимым. Он пишет: «По отношению к этой войне проявляется у нас своеобразное ложное понимание верноподданничества и патриотического долга. Если бы кто-нибудь дерзнул заявить, что дела принимают критический оборот, то это было бы сочтено с его стороны чем-то вроде государственной измены. Поражения должны поэтому выставляться победами» (Globe. 1900. 26 февраля).

Другой газетный корреспондент, м-р Янг, имел случай лично убедиться, что военная цензура не только препятствовала сообщать о действительных фактах,

но в то же время охотно распространяла заведомо ложные известия. В качестве примера приведем следующий случай. Находящиеся в плену у буров английские офицеры и солдаты единодушно утверждали, что буры обращались с ними очень хорошо до последнего периода войны, когда англичане принялись систематически выжигать фермы и захватывать бурских женщин и детей. Покойный сэр Джордж Грей говорил о бурах: «Не знаю ни одного народа, который был бы богаче доблестями как в частной, так и в общественной жизни», а между тем корреспондент газеты «Дейли мейл» м-р Рамер позволил себе писать о бурах: «У них нет ни мужества, ни добросовестности... это трусы, не осмеливающиеся смотреть прямо в глаза опасности... бесчеловечные полудикари, исполненные сатанинского коварства» т.п.

Подобного рода известия получались с театра южноафриканской войны в продолжение не только всей зимы, но также весны и лета. Очевидная лживость их вызывала у некоторой части читающей публики все более возраставшую недоверчивость, но масса газетных читателей поглощала с такой же алчностью, как и во времена Джонсона, все рассказы, лестные для соотечественников и зазорные для неприятелей, пока наконец английскую публику не угостили присланным из Китая образчиком лживости газетных известий, настолько уже поразительным, что он сразу же подрывал доверие к газетам. Сперва появился отчет о резне, будто бы происходившей в Пекине, с обстоятельным описанием стойкого сопротивления европейцев,

отчаянных рукопашных схваток и окончательного истребления малочисленных представителей западной цивилизации желтолицыми извергами, причем приводились ужасающие подробности о зверствах, которые проделывались китайцами на несчастными, попавшими им живьем в руки. Несколько дней спустя неопровержимо выяснилось, что этот обстоятельный отчет был просто напросто вымыслом, лишенным всякого основания. На самом деле не было ни резни, ни зверств. Эта наглая ложь и ее разоблачение обрушились на английскую публику без предварительной подготовки, а потому произвели более сильное впечатление, чем масса противоречивых известий о южноафриканских событиях, и заставили общественное мнение обратить внимание на бесцеремонное искажение истины, принявшее характер установившегося обычая. Вспомнили, что телеграммы подвергаются при случае тщательной обработке на Флотской улице¹, причем из четырех слов изготавливается иной раз сорок. «Старый публицист» в заметке, которая была помещена в «Таймс» от 29 августа 1900 г., рассказывает, что блестящее описание разных перипетий боя, занявшее в газете целый столбец, было выработано таким путем из телеграммы в 20, много 30 слов.

Такое систематическое надувание публики объясняется заведомой ее жадностью к сенсационным известиям, ввиду которой газеты, дабы не упускать денеж-

¹ На этой улице (Флит-стрит) располагались редакции ведущих английских газет. — *Прим. ред.*

ных своих интересов, считают себя вынужденными соперничать друг с другом в измышлении ложных или по крайней мере преувеличенных сообщений.

Вышеприведенное было мною написано в 1900 г. Позволю себе добавить к нему показания двух очевидцев южноафриканской войны, извлеченные из появившихся в декабре 1901 г. в печати «Неофициальных депеш» Эдгара Уоллеса и «С ремингтоном» капитана Филлипса¹. Несмотря на свое разногласие относительно способов ведения войны (публицист высказывается за возможно большую ее суровость, а капитану хотелось бы смягчить ее ужасы), оба они единодушно порицают систематическое искажение истины военной цензурой. Мистер Уоллес называет главного цензора при армии лорда Робертса «лордом — искажителем телеграмм», объясняет, что цензор пропускал без всяких возражений депеши «необычайно оптимистического свойства», но в то же время, опасаясь вызвать недовольство главнокомандующего», не решался пропустить пессимистическую депешу, «как бы она ни согласовывалась с действительностью». Капитан Филлипс рассказывает, в свою очередь, что финансовая клика захватила в свои руки печать, распоряжалась на телеграфе, пересматривала депеши и решала, какого рода известия должны получаться в Англии... При этом заведомо возводились на буров небывлицы, способные возбудить негодование английских

¹ Упоминаются книги: Edgar Wallace «Unofficial Despatches» и capt. L. M. Phillipps «With Remington». — *Прим. ред.*

народных масс». Болезни и смертность среди буров, совместно с опустошением их ферм, производят на капитана впечатление «долгой, медленной пытки, от которой эти несчастные обливаются кровавым потом и еле дышат... Было бы до чрезвычайности важно выяснить все эти обстоятельства английскому народу, так как это заставило бы изменить способ ведения войны».

Таким образом, бесспорно доказано, что народные массы в Англии обыкновенно вводятся в обман ложными сведениями, которые преподносятся им в газетах.

Рассмотрим теперь следствия, вытекающие из такого порядка вещей. Лондонские ежедневные газеты расходятся, надо полагать, миллионах в трех экземплярах, а провинциальные английские газеты, вероятно, в еще большем количестве. При таких обстоятельствах умышленно искаженные известия поглощались ежедневно всей массой английского народа, которая и перед тем уже была раздражена ложными утверждениями, извлеченными из южноафриканских газет. Все это вместе породило в народной массе чувство свирепого ожесточения, проявляющееся теперь повсеместно в Великобритании зверским обхождением с теми, кто решается думать и говорить, что в войне с бурами право оказывается всецело на стороне англичан. Здесь мы стоим лицом к лицу с расхоронившимися страстями людей, обученных на казенный счет до уровня, на котором проявляется уже стремление читать газеты «с жадностью поглощая восхваления по собственному адресу и уничижительные отзывы

о неприятеле». Дремавшие инстинкты предкового варварства были пробуждены беспринципной печатью, которая принесла бы сравнительно ничтожный вред, если бы искусственное распространение умственного развития в народных массах не подчинило их ее влиянию. В одной из пьес Шекспира заявляется: «Истины у нас с трудом лишь хватает на ограждение общественной безопасности». В данном случае можно было бы сказать, применяясь к нынешним условиям: «Истины едва лишь хватает на поддержание общества в здоровом состоянии». Свирепствующая теперь военная горячка, причиняющая такие страшные бедствия не только за границей, но и в общественной жизни самой Англии, обусловлена тем, что народным массам ежедневно приходится дышать в атмосфере, пропитанной ложью. Разве не усматривается здесь довода в пользу предположения, что усиленное развитие умственных способностей, когда оно опережает совершенствование нравственности, может повлечь за собой самые бедственные результаты?

* * *

После того как это уже было написано, мне удалось ознакомиться с замечательным образчиком одного из обычных способов искажения суждений, на которых зиждется общественное мнение. Я буду ссылаться здесь на указания свидетеля, который по своему долгому жизненному опыту и высокому положению в армии должен считаться заслуживающим полного доверия. Фельдмаршал сэр Невил Чемберлен говорит:

«Никогда еще до сих пор британская армия не учиняла подобного такому массовому и бесцеремонному истреблению уводу женщин и детей». В конце июля 1901 г. он послал в один из журналов письмо, в котором содержались заявления вроде только что приведенной выдержки, где порицался образ действия англичан во время южноафриканской войны. Редакция журнала в продолжении нескольких дней не отвечала на это письмо, а когда фельдмаршал стал осведомляться по телеграфу о причинах такого молчания, ему прислали наконец корректурный лист с пометкой, что некоторые места, составлявшие как раз сущность письма, непременно должны быть выпущены. Вследствие мотивированного таким образом промедления, сэр Невил Чемберлен обнародовал свое письмо в другом журнале. В данном случае сделана была обычная в Англии попытка воспрепятствовать обнародованию мнений, несогласных с воззрениями преобладающей партии, которые всегда распространяются, напротив того, в самых широких размерах. Таким образом истина замалчивается и подавляется не только цензурой на южноафриканском театре войны, но также и домашней цензурой в самой Англии.

<...>

ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС

Мир¹

Либерал питает отвращение к войне не как гуманист — несмотря на то, что она имеет благотворные последствия, а потому, что она ведет только к пагубным результатам. Сколь пагубна война для развития человеческой цивилизации становится очевидным, как только начинаешь понимать выгоды, извлекаемые из разделения труда, а постоянное углубление разделения труда возможно только в обществе, где существует уверенность в длительном мире. Людвиг фон Мизес (1881—1973) — один из величайших мыслителей XX в., австрийский экономист, философ и политолог. С 1940 г. жил и работал в США.

Есть благородные люди, которые ненавидят войну, потому что она несет с собой смерть и страдания. Как бы мы ни восхищались их гуманизмом, аргументы этих людей против войны, базирующиеся на филантропическом основании, по-видимому, частично или полностью теряют свою силу, когда мы рассматриваем утверждения сторонников и защитников войны. Последние ни в коей мере не отрицают, что война приносит боль и горе. Тем не менее они считают,

¹ Из книги: Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2014. С. 25—30.

что с помощью войны, и только войны, человечество единственно способно добиваться прогресса. Война — мать всех вещей, сказал когда-то греческий философ, и тысячи людей повторяли это за ним. В мирное время человек вырождается. Только война пробуждает в нем дремлющие таланты и силы и вдохновляет его возвышенными идеалами. Если упразднить войны, то человечеству грозит разложение от праздности и застоя.

Трудно и даже невозможно опровергнуть эту логику рассуждения защитников войны, если единственным возражением против войны, которое можно придумать, будет то, что война требует жертв, ибо сторонники войны придерживаются мнения, что эти жертвы не напрасны и стоят того, чтобы их принести. Если действительно было бы верно, что война — мать всех вещей, тогда человеческие жертвы, которые она требует, были бы необходимыми для повышения общего благосостояния и прогресса человечества. Можно сокрушаться по поводу жертв, даже стараться уменьшить их число, но нельзя оправдать желание покончить с войнами и установить вечный мир.

Либеральная критика аргументов в пользу войны кардинально отличается от критики гуманистов. Либерал исходит из посылки, что не война, а мир является матерью всех вещей. Единственное, что позволяет человеку развиваться и отличает человека от животных, — это общественное сотрудничество. Производителен один лишь труд: он создает богатство и тем самым закладывает внешние основы внутреннего расцвета человека. Война лишь разрушает, она не

способна на созидание. Война, резня, разрушение и опустошение — это то, что у нас общего с хищниками джунглей; созидательный труд — это наш отличительный человеческий признак. Либерал питает отвращение к войне не как гуманист — несмотря на то, что она имеет благотворные последствия, а потому, что она ведет только к пагубным результатам.

Любящий мир гуманист обращается к могущественному властителю: «Не затевай войны, даже если в результате победы у тебя есть перспективы улучшить свое благосостояние. Будь благороден и великодушен. Откажись от соблазнительной победы, даже если это потребует от тебя пойти на какие-то жертвы или потерять какие-то преимущества». Либерал думает иначе. Он убежден, что победоносная война является злом даже для победителя, что мир всегда лучше, чем война. Он требует от более сильного не жертвы, а только осознания того, в чем состоят его подлинные интересы, и умения понимать, что мир для него, более сильного, так же выгоден, как и для более слабого.

Когда миролюбивый народ подвергается нападению со стороны воинственного врага, он должен оказать сопротивление и сделать все, чтобы отразить вторжение. Героические подвиги, совершенные на такой войне теми, кто защищает свою свободу и жизнь, достойны похвалы; мужество и отвага этих воинов превозносятся совершенно справедливо. Здесь отвага, бесстрашие, презрение к смерти похвальны, потому что находятся на службе благой цели. Однако люди совершили ошибку, возведя эти солдатские доблести

в абсолюте, как качества, хорошие в себе и для себя, без обсуждения целей, которым они служат. Тот, кто придерживается такого мнения, должен, чтобы быть последовательным, признавать благородными доблестями отвагу, бесстрашие и презрение к смерти разбойника. В действительности, однако, не существует ничего хорошего или плохого самого по себе. Действия людей становятся хорошими или плохими, только преломляясь в целях, которым они служат, и в последствиях, которые они вызывают. Даже Леонид¹ не заслуживал бы уважения, которое мы к нему питаем, если бы он пал не как защитник Родины, а как полководец оккупационной армии, стремящейся лишить миролюбивый народ свободы и имущества.

Сколь пагубна война для развития человеческой цивилизации — становится очевидным, как только начинаешь понимать выгоды, извлекаемые из разделения труда. Разделение труда превращает индивида в *животное политическое*, зависящего от окружающих его людей, общественное животное, о котором говорил Аристотель. Вражда между одним животным и другим или между одним дикарем и другим никак не меняет экономическую основу их существования. Дело обстоит совершенно иначе, когда ссора, которую

¹ Леонид (508/507—480 до н.э.) — спартанский царь с 488 г. до н.э. В греко-персидских войнах в 480 г. возглавил греческое войско против персидского царя Ксеркса. Погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление греческого войска. В античных преданиях Леонид — образец патриота и воина. — *Прим. ред.*

решили разрешить посредством оружия, случается в сообществе, где труд разделен. В таком обществе каждый индивид выполняет специализированную функцию; никто из них больше не в состоянии жить независимо, потому что все нуждаются в помощи и поддержке всех остальных. Экономически самодостаточные фермеры, производящие на своих фермах все, в чем нуждаются они сами и их семьи, еще могут пойти войной друг на друга. Но когда деревня делится на фракции, где кузнец оказывается на одной стороне, а сапожник — на другой, то одной фракции придется страдать от отсутствия обуви, а второй — от отсутствия инструмента и оружия. Гражданская война разрушает разделение труда, поскольку вынуждает каждую группу удовлетворяться трудом своих сторонников.

Если бы вероятность такой вражды считалась высокой, то разделению труда никогда не позволили бы развиться до такой степени, чтобы в случае, когда битва действительно разразится, пришлось бы терпеть лишения. Постоянное углубление разделения труда возможно только в обществе, где существует уверенность в длительном мире. Разделение труда может развиваться только в условиях гарантии такой безопасности. При отсутствии этой предпосылки разделение труда не расширяется за границы деревни или даже отдельного домохозяйства. Разделение труда между городом и деревней — когда крестьяне окружающих деревень снабжают город зерном, мясом, молоком и маслом в обмен на промышленные товары, производимые горожанами, — уже предполагает,

что мир гарантирован по меньшей мере в данном регионе. Если разделение труда охватывает всю страну в целом, то гражданская война должна находиться за пределами возможного; если оно должно охватить весь свет, то должен быть гарантирован длительный мир между народами.

Сегодня любой человек посчитал бы абсолютно бессмысленной подготовку таких крупных современных столиц, как Лондон или Берлин, к войне с жителями окрестных сельских районов. Однако на протяжении многих веков города Европы учитывали такую возможность и экономически были к ней готовыми. Укрепления некоторых городов с самого начала были спроектированы таким образом, чтобы они могли прожить некоторое время, разводя скот и выращивая зерно внутри городских стен.

В начале XIX в. гораздо более крупные части населенного мира все еще были разделены на большое число в общем и целом экономически самостоятельных регионов. Даже в наиболее высокоразвитых областях Европы потребности региона удовлетворялись по большей части продукцией самого региона. Торговля, выходящая за узкие границы ближайшей округи, не имела большого значения и охватывала в основном те товары, которые не могли производиться на месте из-за климатических условий. Однако практически во всем мире производство деревни удовлетворяло почти все нужды ее жителей. Для этих деревень расстройство торговых отношений, вызванное войной, в общем не означало никакого ухудшения экономического

благополучия. Даже население более развитых стран Европы не очень сильно страдало во время войны. Если бы континентальная система, которую Наполеон I ввел в Европе с целью изгнать с континента английские товары и те заокеанские товары, которые попадали на континент через Англию, проводилась в жизнь более строго, чем это было в действительности, все равно вряд ли жители континента испытали бы какие-либо ощутимые лишения. Разумеется, им пришлось бы обходиться без кофе и сигар, хлопка и хлопковых изделий, специй и многих редких пород дерева; но в те времена все эти вещи в домашнем хозяйстве широких масс играли подчиненную роль.

Развитие сложной сети международных экономических отношений является продуктом либерализма и капитализма XIX в. Только они сделали возможной глубокую специализацию современного производства с сопутствующим совершенствованием технологии. Чтобы обеспечить семью английского рабочего всем, что она потребляет и чего она желает, необходима кооперация народов пяти континентов. Чай для завтрака поставляется из Японии или с Цейлона, кофе — из Бразилии или с Явы, сахар — из Вест-Индии, мясо — из Австралии или Аргентины, хлопок — из Америки или Египта, шкуры для кожаных изделий — из Индии или России и т.д. А в обмен на эти продукты английские товары распространяются по всему миру до самых отдаленных деревень и труднодоступных ферм. Такое развитие событий стало возможным и мыслимым только потому, что с торжеством

либеральных принципов люди больше не воспринимали всерьез мысль о том, что когда-нибудь снова может разразиться большая война. В золотой век либерализма война между людьми белой расы в целом считалась делом прошлого.

Но события повернулись иначе. Либеральные идеи и программы были вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом и милитаризмом. Если Кант и фон Гумбольдт, Бентам и Кобден прославляли вечный мир, оракулы следующей эпохи без устали превозносили войну, как гражданскую, так и международную. И очень скоро они добились успеха. Результатом явилась мировая война, давшая нашему веку предметный урок несовместимости войны и разделения труда.

ИОН ДЕГЕН

Мой товарищ в смертельной агонии...

Ион Лазаревич Дёген (род. 1925) — танкист-ас во время Великой Отечественной войны, врач и ученый-медик в области ортопедии и травматологии, доктор медицинских наук (1973). Стихотворение написано в декабре 1944 г. Долгое время переписывалось и передавалось устно с многочисленными искажениями (или в разных вариантах) как народное, т.е. как стихотворение неизвестного автора-фронтовика. Об авторстве Дегена стало известно только в конце 1980-х годов.

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Война занимает едва ли не ключевое место в истории человечества. Поэтому необъятна и посвященная ей литература — апологетическая, описательная и осуждающая. Литература, приведенная в сносках, поможет вам более детально ознакомиться с тем или иным конкретным вопросом. А в этом разделе перечислены несколько основных книг, рассматривающих проблемы войны и мира с позиции тех, для кого свобода, добровольное сотрудничество и взаимная выгода неизмеримо выше, чем подчинение, господство и славное насилие.

«*The Law*», «*The State*» and Other Writings, 1843—1850, by Frédéric Bastiat (Indianapolis: Liberty Fund, 2012). В книгу входят наиболее значительные произведения одного из выдающихся экономистов XIX в. Фредерика Бастиа, посвященные природе войны, грабежу и этатизму. Бастиа объясняет, как государство может превратиться из защитника в хищника и разбойника. (Достойны ознакомления и другие работы Бастиа, в том числе изданные в серии Liberty Fund.)

The Libertarian Reader: Classic and Contemporary Writings from Lao Tzu to Milton Friedman, ed. By David Boaz (New York: The Free Press, 1997; обновленное издание 2015). Здесь вы найдете не только обзор либеральной и либертарианской мысли со времен древности до наших дней, но и умело составленный раздел «Мир и международная гармония», содержащий классические статьи по проблеме мира.

Depression, War and Cold War: Studies in Political Economy, by Robert Higgs (Oxford: Oxford University Press, 2006). В книге скрупулезно, на основе многочисленных фактов раз-

венчивается миф о том, что Вторая мировая война «вывела экономику из депрессии»; тщательно исследуется политическое и экономическое влияние войны, а также, в числе прочего, роль военных подрядчиков в формировании государственной политики.

On War and Morality, by Robert Holmes (Princeton: Princeton University Press, 1989). В книге представлен информативный обзор связанных с войной моральных проблем; она побуждает продумать все последствия военных действий.

Terror, Security, and Money: Balancing the Risks, Benefits, and Costs of Homeland Security, by John Mueller and Mark G. Stewart (Oxford: Oxford University Press, 2011). В книге изложен альтернативный (и более рациональный) подход к учету рисков и возможных ответов. Книга особенно полезна в качестве руководства по анализу издержек и выгод, а также по рациональному управлению рисками.

A History of Force: Exploring the worldwide movement against habits of coercion, bloodshed, and mayhem, by James L. Payne (Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing Co., 2004). Книга предлагает новый взгляд на то, какими путями на место насилия и жестокости с течением времени приходили сотрудничество и гражданское общество.

The Better Angels of Our Nature: A History of Violence and Humanity, by Steven Pinker (London: Penguin Books, 2011). Здесь представлены данные и аналитические материалы по проблеме «Долгого мира», а также проведен сравнительный анализ различных объяснений упадка насилия. Статистику насилия, социальную историю, политическую теорию и психологию Пинкер сводит воедино в поистине мастерском исследовании.

«The Conquest of the United States by Spain», by William Graham Sumner (1898) (Indianapolis: Liberty Fund, 2013). Здесь вы найдете классическое противопоставление республики и империи.

Обширную и растущую онлайн-библиотеку классических работ в русле либеральной / либертарианской традиции вы найдете в Online Library of Liberty, <http://oll.libertyfund.org>.

Литература на русском языке

Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Время, 2015.

Алексиевич С. Цинковые мальчики. М.: Время, 2013.

Бастия Ф. Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006.

Бест Дж. Война и право после 1945 г. М.: ИРИСЭН, 2010.

Долгий путь российского пацифизма: идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественной мысли России. М.: ИВИ РАН, 1998.

Кревельд М. ван. Трансформация войны. 2-е изд. М.: ИРИСЭН, 2015.

Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2013.

Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2016.

Мизес Л. фон. Политическая экономия войны и мира. Челябинск: Социум, 2016.

Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008.

Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002.

Пацифизм в истории: Идеи и движения мира. М.: ИВИ РАН, 1998.

Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 4: Политические опыты. М.; Челябинск: Социум, 2015.

Хиггз Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН, 2010.

Энджелл Н. Великое заблуждение: очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск: Социум, 2009.

Том Палмер — исполнительный вице-президент по международным программам в сети фондов «Атлант» (Atlas Network). Он курирует работу команд молодых людей по всему миру, занимающихся продвижением идей и принципов классического либерализма, и обеспечивает сотрудничество глобальной сети аналитических и исследовательских центров и институтов. Т. Палмер — главный научный сотрудник

Института Катона, в котором прежде он работал вице-президентом по международным программам и директором Центра по продвижению прав человека.

Его рецензии и статьи по вопросам политики и морали опубликованы в таких научных журналах, как «Harvard Journal of Law and Public Policy», «Ethics», «Critical Review» и «Constitutional Political Economy», а также статьи в газетах и еженедельниках, в том числе в «Slate», «Wall Street Journal», «New York Times», «Die Welt», «Al Hayat», «Caixing», «Washington Post» и «Spectator» (Лондон).

Т. Палмер получил степень бакалавра в области гуманитарных наук в Колледже Св. Иоанна в Аннаполисе, шт. Мэриленд, затем магистерскую степень по философии в Католическом университете Америки в Вашингтоне, округ Колумбия, и докторскую степень по политологии в Оксфордском университете. Его книги и сборники статей под его редакцией выходили в Princeton University Press, Cambridge University Press, Routledge и других научных издательствах.

УКАЗАТЕЛЬ*

- Австралия 65
Авторитарный режим 76
Агрессия, агрессор 19, 54, 76,
81, 84, 94, 100
Адамс, Джон (Adams, John)
86, 89
Азия 46, 72
Аллен, Уильям (Allen,
William) 42
Алчиан, Армен (Alchian,
Armen) 42
Америка, американский 74,
78, 90, 98, 118, 124, 143
Американская исключитель-
ность 98
Американская революция
84-87, 91
Американское Просвещение
5, 83-91
Амихай, Иегуда (Amichai,
Yehuda) 130
Английское правительство
(*см. тж* Британское пра-
вительство) 13
Англичане 98, 136-38
Англия (*см. тж* Британия,
Великобритания) 40, 49
Антиимпериализм 69
Антиимпериалистическая
лига 49, 72
Антилиберальный 108, 114,
115, 116, 118, 121
Антисемитизм 118
Арабская весна 97
Арбитраж 105, 108
Аргентина 40
Арийцы 113
Афганистан 8, 96, 140, 143
Африка 144
Афроамериканцы 21
Баасистская партия 10
Багдад 10
Баланс силы 70
Балко, Редли (Balko, Radley)
99
Бартер 111
Бастиа, Фредерик (Bastiat,
Frédéric) 37, 62, 76, 107-8,
141
Бедность 17, 32, 66
Бейкер, Джеймс (Baker,
James) 73
Бенгази 96-97

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Берр, Аарон (Burr, Aaron) 90
 Беспилотники, программы/
 удары 11, 139-40, 143
 Бизнес 39-49, 57, 72, 75, 76,
 78, 119
 Битва при Азенкуре (Battle of
 Agincourt) 127
 Благополучие 58, 59, 69, 120
 Ближний Восток 46
 Бог 113, 123, 128, 130, 132,
 133, 134-35
 Богатство 8, 32, 34, 38, 51,
 57, 58, 69, 111
 Божественное право 114, 125
 Бонапарт, Наполеон
 (Bonaparte, Napoleon) 37
 Бразилия 101
 Брайт, Джон (Bright, John)
 49, 69, 72,
 Британия, британский
 (см. *тж* Великобритания)
 59, 69, 70, 74, 83, 86, 88,
 101, 102
 Британская империя 69-70
 Британские колонии 84
 Британский народ 70
 Британский парламент 68-69
 Британское правительство
 (см. *тж* Английское пра-
 вительство) 86
 Брукс, Дэвид (Brooks,
 David) 123
 Буржуа(зия) 24, 107, 111-13,
 120
 Бурн, Рэндольф (Bourne,
 Randolph) 12
 Буш, Джордж (Bush,
 George W.) 8
 Вашингтон, Джордж (Wash-
 ington, George) 86-89
 Век разума 27
 Великая депрессия 78
 Великобритания 15
 Великобритания (см. *тж*
 Британия, Англия) 8, 70,
 85, 89, 90
 Венесуэла 144
 Верховенство права 12, 106,
 139, 140
 Вестфальские страны 53
 Вестфальский мир 50
 Взаимные выгоды 31, 32-33,
 77, 107
 Взаимозависимость 50,
 53-54, 60-61
 Взрывные устройства 10
 Викинги 59-60, 71
 Вильсон, Вудро (Wilson,
 Woodrow) 124
 Власть, злоупотребление 12, 59
 Внешняя политика 92, 141
 Военизированные полицей-
 ские подразделения 101-2
 Военизированные ударные
 отряды 95, 140
 «Военная молитва» («The
 War Prayer») 127, 132-35

- Военная мощь 85-87, 91,
95-96, 98, 124
- Военная сила 6-7, 59-61, 68,
73-75, 95, 102
- Военное влияние 100
- Военное вмешательство 48,
75, 141
- Военное снаряжение 101
- Военно-промышленный ком-
плекс 97-98
- Военные действия 108-9, 111,
115, 124, 127, 130, 131, 133,
136-37, 139
- Военные конфликты 73-74,
95, 104, 112, 117, 140
- Военные предприятия 67
- Военные расходы 51
- Военные технологии 93
- Военные экспедиции 71-72
- Военный 70, 72, 83, 85-86,
90-91, 95, 97-98, 101
- Воинская доблесть 113
- Война 1812 г. 90
- Война в Персидском зали-
ве (см. *тж* Иракская вой-
на) 73
- Война с террором 139
- Война, ведение 9
- Война, издержки 8, 29, 37,
69, 140-42
- Война, оправдание 8-14, 62
- Война, отступление 18-28,
55, 92
- Война, природа 10
- Война, причины 23, 63,
80-81
- Война, типы 94-96
- Вольтер (Voltaire) 111
- Вооружения 15, 25, 60, 91,
98, 132, 134
- Вооружения 53, 54, 60, 84,
94, 97, 99, 100
- Вооруженная интервенция
139
- Вооруженные силы 7, 139-40
- Вооруженный конфликт 6,
63, 84, 90, 140
- Всеобщие права (см. *тж*
Права человека) 105
- ВТО, протесты против 102
- Вторая мировая война 15,
18-19, 55, 61, 72, 78, 79,
83, 92, 93, 116, 128
- Вулси, Джеймс (Woolsey,
James) 74
- Выгоды от торговли 50
- Вьетнамская война 19
- Гавел, Вацлав 127
- Гамильтон, Александр (Ham-
ilton, Alexander) 90
- Гарантированное взаимное
уничтожение 53
- Гватемала 144
- Гендер 113
- Геноцид 22
- «Генрих IV» 13, 126, 130
- Гераклит 103, 109

- Германия 72, 120-21
Героический 112, 117, 119,
123, 124, 133
Гесиод 16
«Гимн обреченной молодежи» («Anthem for Doomed Youth») 129
Гитлер, Адольф (Hitler, Adolph) 118
Глобальная торговля 51
Глобальная экономика 125
Глобальные рынки 60
Гоббсеанский 20, 22
Годкин, Э (Godkin, E. L.) 124-25
Голдстейн, Джошуа (Goldstein, Joshua) 55
Голландское правительство 65-66
Голод 72
Гомер 16, 79
Гонконг 65
Гордон, Томас (Gordon, Thomas) 86
Господство 22, 24
Государственные предприятия 75-76
Государственный долг 13, 68, 85, 91, 94
Государство-угнетатель 127
Грабеж 22, 26, 37, 38, 58-61
Грабеж 38
Граждане 101, 103, 140
Гражданские войны 8, 19, 96, 97
Гражданские свободы 13, 90-91, 99, 102, 139, 143
Гражданское население 8, 86, 90, 91, 97, 130
Гражданское общество 17, 58, 102, 104, 139
Гроссман, Василий 122
Грузия 140
Гуам 73
Дафур 140
Движение за свободу торговли 69
Декларация независимости 85
Деколонизация 51
Демократия 7, 14, 26, 51, 52, 56, 58, 81, 108
Депрессия 74
Джефферсон, Томас (Jefferson, Thomas) 83-85, 89, 90-91
Диктатура 14, 121-22
Дипломатия 50, 54, 61, 101, 104,
Добровольное сотрудничество 3, 44, 82, 106
Добровольность, 39
Добровольные действия 46
Добровольный обмен, торговля 40-41, 45, 47, 49, 64
Добродетели 59-60, 87, 107, 109, 110, 113

- Дойл, Майкл (Doyle, Michael) 53
 Домино теория 94-95
 Древнеримский сенат 14
 Древний Рим 87
 Друг/враг, различие 114-20
 Дугин, Александр 115
 Дэвис, Лэнс (Davis, Lance E.) 59, 70

 Евразия 115
 Евреи 109
 Еврейский 118
 Европа 55, 58, 65, 67, 70, 72, 78, 84, 89, 90-91, 107, 109, 115, 120, 124, 138, 143
 Европейская колонизация 67
 Европейские войны 50
 Европейские имперские государства 59
 Естественное право/Естественный закон (см. *тж* Закон природы) 119
 Естественный порядок 110

Жертвы 8, 14, 24, 30, 71, 104, 140-41, 143
 Жижек, Славой (Žižek, Slavoj) 115
 Журналистика 49

Завоевание 107, 114
Закон войны 9

Закон о подстрекательстве к мятежу 89
Закон природы (см. *тж* Естественное право/естественный закон) 3, 108
Закон рынков Сэя 30, 32, 34
Запад 64-65
Западная Африка 75
Западная Европа 19, 21, 61
Западная цивилизация 16
Западные общества 65
Западные правительства 65, 96-97, 117
Западные страны 64
Защитники окружающей среды/экологи 41
 «Здравый смысл» (Пейн) 91
Земля 9, 14, 38, 57, 65, 68, 88, 93, 131, 134-35

Игра с отрицательной суммой 31, 36, 38, 71
Игра с положительной суммой 31, 33, 34, 71, 107
Идеи 1914 года 120
Идеология 2, 5, 22, 23, 25, 26, 77, 92, 98, 103, 108, 115
Израильтяне 130
 «Илиада» 16
Иммиграция 100
Империализм 62, 67, 68, 70, 71, 73, 76, 80, 118
Импорт 74, 76, 78

- Инвестиции 50, 77, 79, 81
 Индивидуализм 122
 Индия 144
 Индонезия 65-66
 Иностранная помощь 75
 Институт Катона (Cato Institute) 74, 83, 92, 99, 141
 Интервенционизм 39, 141
 Ирак 7, 9, 73, 74, 94
 Иракская война 94, 117, 123, 140, 143
 Иракцы 7-11
 Искусства 109, 111
 Исламские общества 65
 Исламский фундаментализм 116
 Испания, испанцы 49, 59, 71
 Испано-американская война 49
 Испанская империя 73
 Италия 29, 116
- Й**
 Йейтс, Уильям (Yeats, William Butler) 129, 130
- К**
 Каддафи, Муаммар (Qaddafi, Muammar) 97
 Калифорнийский университет (UCLA) 42-43
 Канада, канадцы 10-11, 40, 48, 101-2
 Кант, Иммануэль (Kant, Immanuel) 26, 27, 53
 Капитал 107
 Капитализм (с.м. т.ж. Кумовской капитализм) 123
 Карл VI (Charles VI) 34
 Катон Младший (Cato the Younger) 14-15
 Кейген, Роберт (Kagan, Robert) 123
 Кибервойна 50
 Киссинджер, Генри (Kissinger, Henry) 74
 Китай, китайцы 64, 48, 75
 Китайское правительство 15
 Классовая борьба 112
 Классы людей 113
 Клейн, Джо (Klein, Joe) 11
 Клеменс, Сэмюэл (Clemens, Samuel Langhorne) 132
 Кобден, Ричард (Cobden, Richard) 49, 53, 68, 72
 Коллективизм, коллективисты 13, 81, 108-9, 112, 115, 120-24
 Колониализм 30, 59, 62, 67-68, 70, 72-73
 Комбатанты 8-11, 140
 Коммерция 17, 26, 39, 58, 60, 66, 72, 76, 78, 89, 104-5, 107, 109, 111, 12, 140
 Коммунизм 22, 98, 106, 122
 Конкистадоры 60
 Конкуренты 110, 115
 Конкуренция 53-54, 119
 Консерватизм 106, 117-18

- Констан, Бенжамен (Constant, Benjamin) 17
Конституционный конвент 88
Конституция США 5
Континентальная армия 86-87
Континентальный конгресс 86-87
Контрпросвещение 109, 111-12, 114
Контрпросвещение 110, 113
Конфликт(ы) 5, 45, 50, 53, 55, 58-60, 71, 77, 78, 93, 103-10, 112-16, 120-21, 139
Конфликты в Европе, тенденции 55-56
Корейская война 18-19, 92
Кристол, Уильям (Kristol, William) 117, 123-24
Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) 86
Кроссграничная торговля 53
Кротость нравов 107
Кругман, Пол (Krugman, Paul) 77, 84
Крым 140, 143
Кувейт 73, 94
Кумовской капитализм/политика 37, 46, 47, 76
Купцы, торговцы 109

Лао-Цзы 2
Ларок, Джин (LaRoque, Gene) 7

Латинская Америка 46, 144
Левеллеры 106
Леви, Маргарет (Levi, Margaret) 13
Левые 71, 103, 106, 108, 114-16, 119-20, 123
Либерализм (классический) 2, 105, 108-9, 113-14, 127
Либерализм (см. *тж* Либертарианство) 105, 107, 110-14, 116, 118-19, 122
Либералы (классические) (см. *тж* Либертарианцы) 17, 41-42, 52, 64, 68, 77, 108-9, 112, 114, 127
Либеральные идеалы 119
Либеральные теоретики 53-54
Либеральные ценности 110, 119
Либеральный 26, 41, 43, 53, 118-19, 125
Либеральный капитализм 123
Либертарианские ценности 120
Либертарианство (см. *тж* Либерализм) 2, 76, 105
Либертарианцы (см. *тж* Либералы) 17, 41-42, 48, 63, 80, 103, 105-7, 114, 120, 124-25, 143
Ливия 96-97, 140
Литература 126-27, 130
Логан, Джастин (Logan, Justin) 92

- Локк, Джон (Locke, John) 27, 105
- Лоуэлл, Ами (Lowell, Amy) 130
- Луизиана, покупка 90
- Любовь 1, 2, 17, 24, 49, 63, 70, 72, 108, 119, 125, 131, 135, 142
- Макдональд, Роберт**
(McDonald, Robert M. S.) 83
- Мальтус, Томас (Malthus, Thomas) 34, 35
- Мандела, Нельсон (Mandela, Nelson) 1
- «Манифест Коммунистической партии» (Маркс, Энгельс) 111
- Маркс, Карл (Marx, Karl) 110, 111, 113, 118
- Марксисты 113, 115, 116
- Межгосударственные военизированные конфликты 55, 57
- Международная коммерция 53, 105
- Международная торговля 41, 49, 89
- Международные организации 104
- Межправительственные организации 26
- Мексика 40
- Мексиканское правительство 101
- Меркантилизм, меркантилисты 30, 31, 36, 67, 73, 75-77
- Местр, Жозеф де (Maistre, Joseph de) 103, 109, 11
- Месть 22
- Милитаризация 99-102
- Милитаризм, милитаризмы 26, 76, 101, 113, 120
- Мир, скучность 17
- Мирные блюстители порядка 99, 139
- Мировая торговля 140
- Мировоззрение «нулевой суммы» 29-38, 58, 65, 67, 71, 81
- Мировые войны 38, 55, 64, 68
- Миротворчество 60
- Монтескье (Montesquieu) 53, 78, 91, 107
- Мораль (см. *тж* Нравы) 5, 9, 10, 23, 25, 81
- Музиль, Роберт (Musil, Robert) 112
- Мун, Паркер (Moon, Parker T.) 80, 81
- Мэдисон, Джеймс (Madison, James) 5, 84, 88, 90
- Мюллер, Джон (Mueller, John) 92, 93
- «Наименование частей» («Easing the Spring») 128

- Налоги 13, 85, 88, 91, 93
Налогообложение 12, 69
Налогоплательщики 75, 76
Наполеоновские войны 89
Наркотики 6, 100, 101
Наркотики, война с 6, 99, 101, 139
Насилие 3, 6, 10, 11, 14-15, 17, 19-24, 27, 41, 47, 53, 56-57, 59, 60, 62-64, 67, 79, 93, 100-1, 103-16, 109-11, 113-14, 117, 120-21, 124, 13-37, 140-41
Насилие, спад 62-82, 104
Наука 17, 25, 27, 109, 120
Нацизм, нацисты (см. *тж* Национал-социализм; Национал-социалисты) 22, 113, 118
Национализм 22, 26, 93, 98, 106
Националисты 31, 77
Национал-социализм (см. *тж* Нацизм, нацисты) 118
Национал-социалисты (см. *тж* Нацизм, нацисты) 121
Национальный социализм 98, 113, 115, 118, 122
Невидимая рука 59
Негри, Антонио (Negri, Antonio) 116, 117
Недерланды (Netherlands) 40, 65, 66
Независимость 30, 48, 57, 91, 127
Немцы 115, 117, 118
Ненависть 1, 2, 17, 48, 72, 112, 117
Ненасилие, ненасильственное сопротивление 26, 27, 55
Неоконсерваторы 113, 117, 123
Неприкосновенность частной жизни 143
Неруда, Пабло (Neruda, Pablo) 131
Несправедливость 67
Нефть 73, 74, 75, 94
Нисканен, Уильям (Niskanen, William) 74
Ницше Фридрих (Nietzsche, Friedrich) 113
Нобелевская премия 53, 72
Новая Англия 90
Новая Зеландия 65
Новиков, Петр Павлович 122, 125
Новый человек 108
Нравы (см. *тж* Мораль) 105, 110, 113
Нью-Йорк 100, 116
«Нью-Йорк таймс» 18, 84, 117, 123
Обама, Барак (Obama, Barack) 11
Обмен 34, 72, 105, 107, 110-12, 114

- Обоюдовыигрышные решения 45-46, 71
 Общества 57
 Общественное устройство 108, 116, 119, 127
 Общественные отношения 108
 Общественные ценности 59
 Общественный интерес 59, 76
 Общество (см. *тж* Гражданское общество) 12, 17, 25, 48, 56-58, 69, 98, 102, 106, 108, 112, 116, 118-19, 122, 139
 Объективная истина 109
 Овертон, Ричард (Overton, Richard) 106
 Оден, У. Х. (Auden, W.H.) 131
 «Одисея» 79
 Олбрайт, Мэдлен (Albright, Madeleine) 6-8
 ООН 6, 60
 Органы правоприменения 99-102
 Оружие массового уничтожения 8
 Оруэлл, Джордж (Orwell, George) 117, 127
 Освобождение 30
 Оуэн, Уилфрид (Owen, Wilfred) 129, 130, 136-37, 138
 Оценка товаров 51
 Пакистан 144
 Пасси Фредерик (Passy, Frédéric) 72
 «Пасха 1916 г.» («Easter 1916») 129
 Патриархальность 112
 Патриотизм 132, 140
 Пауэлл, Колин (Powell, Colin) 6-7
 Пейн, Джеймс (Payne, James) 64, 92
 Пейн, Томас (Paine, Thomas) 13, 53, 91
 Первая мировая война 72, 84, 120, 129, 136-37, 138
 Пинкер, Стивен (Pinker, Steven) 18, 55, 63, 64, 92, 104, 109
 Плутарх 14
 Погоня за рентой 58
 Подчинение 127
 Поколение нового тысячелетия 140
 Полачек, Соломон (Polachek, Solomon) W. 78
 Поле боя 18, 123, 140
 Политика 42, 46, 50, 51, 56-58, 60, 88, 93, 103, 112, 115, 117, 119, 141
 Политическая наука 1, 7, 64, 81,
 Политическая экономика 52, 76, 82
 Политические партии 81

- Политические системы 139
Полицейские отряды специального назначения 99-102
Полиция 99-102, 139, 140
Постмодернизм 116
Посттоталитарное государство 127
Потребители 31, 36, 59, 68, 76, 78, 108
Потребители 40, 47, 51, 67, 71, 77, 78
Поэзия 126, 131
Права (rights) 33, 41, 46, 48, 81, 85, 116, 124
Права личности (см. *тж* Права человека) 67, 106
Права личности 124
Права собственности 41
Права человека 26, 101, 105, 118, 119
Права человека, нарушения 101
Правительственные программы 47
Правительство ограниченное 51, 58, 108, 115, 140
Правительство, централизация of 88, 120
Правительство/государство 12, 25, 38, 40-41, 46, 48-50, 64, 70, 73, 75, 85, 87-88, 90, 96, 102, 104, 114, 141
Право (right) 108, 115, 116, 117, 119, 120, 123
Право/закон и порядок 99
Предприниматели 31, 37, 43, 59
Предпринимательство 17, 32
Прибыль, прибыльный 29, 35, 41, 44, 53, 59, 60, 68, 69, 110, 111, 124
Призыв на военную службу 12
Примирительные меры 26
Принс-Смит, Джон (Prince-Smith, John) 77
Принудительный труд 12, 68
Принуждение 18, 41, 46-48, 89, 107
Природа войны 5, 10
Притча о старце и отроке» («Parable of the Old Man and the Young») 138
Прогрессиизм 106, 116
Производители 31, 33, 36, 68, 108
Производство 17, 34, 35, 57, 58, 59, 60
Производство, производители 33, 35, 66, 98, 111
Пролетариат 113
Промышленность 17, 31, 34-35, 44, 69, 98, 107, 116
Просвещение 27, 84, 104, 111, 123
Протекционизм 36-37, 78, 81
Профсоюзы 78, 91, 101

- Процветание 1, 14, 17, 30, 32,
 34-35, 37-38, 39, 46, 59,
 66, 73, 76, 84, 89, 91, 111
 Психология 63
 Путин, Владимир 76
 Пуэрто-Рико 73

 Рабочие 32, 34, 37, 51, 61,
 63, 67, 107
 Рабочие места 142
 Рабство 21, 30, 93, 105
 Равенство 46
 Равные права 106
 Развивающиеся страны 18,
 57, 77
 Развитый мир 77, 102
 Развлечение 119
 Разнообразие 127
 Разум 5, 6, 23, 25, 109
 Раса, расовый 113, 118
 Рассет, Брюс (Russett,
 Bruce) 53
 Ратные подвиги 133
 Реваншизм 26
 Регламентация/подчи-
 нение 128
 Регулирование рынка 58
 Рейзенвиц, Кэти (Reisenwitz,
 Cathy) 139
 Религии 25, 40, 89, 93, 106,
 113
 Религиозная принадлежность
 81, 113
 Религиозная риторика 98

 Религиозная свобода (с.м. т.ж
 Свобода вероисповеда-
 ния) 143
 Религиозная терпимость 108
 Религиозный экстаз 112
 Религиозный экстремизм 22
 Ремарк, Эрих Мария (Re-
 marque, Erich Maria) 121
 Рескин, Джон (Ruskin, John)
 110, 111
 Ресурсы 41, 57, 73-75, 84,
 98, 114
 Рецессия 74
 Рид, Генри (Reed, Hen-
 ry) 128
 Розенкранц, Ричард 53
 Ролз, Джон (Rawls, John) 116
 Российское правительство 76
 Россия, русские 48, 76,
 95-96, 101, 115, 122,
 143-44
 Руссоисты, последователи
 Руссо 20, 22
 Рынки 51, 57-59, 75, 109,
 111-12
 Рыночные силы 61
 Рюэф, Жак (Rueff, Jacques)
 33

 Сальвадор 144
 Самнер, Уильям (Sumner,
 William Graham) 73
 Самоконтроль 22, 90
 Самоорганизация 127

- Самоуправление 44-45
Санкции 26
Саркози, Николя (Sarkozy, Nicolas) 75
Саудовская Аравия 40
Сверхдержавы 54, 85
Свобода 5, 17, 64, 76, 84-85, 88, 90-91, 105, 107, 108, 114, 119, 122, 124-25, 140, 142
Свобода 64, 79, 81, 105, 110, 112, 114, 119, 127
Свобода выражения 102
Свобода любви 125
Свобода мысли 125
Свобода обмена 108
Свобода объединений 125
Свобода слова 81, 91, 108, 113, 119, 125, 143
Свобода совести/вероисповедания 125
Свобода торговли 106, 119, 125, 144
Свободная торговля 30, 38, 72, 77, 81, 110, 112, 115, 118
Свободный обмен (см. тж свобода обмена) 76, 91
Свободный рынок 2, 31, 40, 41, 45-46, 48, 105
Свободы 70, 91, 106
Северная Америка 65, 84
Сейли, Карлос (Seiglie, Carlos) 78
Сельское хозяйство 34-35, 39, 66, 107, 111
Сирия 140
Служка 12, 127
Смертная казнь 21
СМИ 49, 92, 123, 141-42
Смит, Адам (Smith, Adam) 30, 33, 53, 54, 59, 67, 68, 91
Собственность 41, 105-7
Совет экономических консультантов 74
Соглашения о свободной торговле 36, 68
Солдаты 7-9, 15, 80, 101, 107, 111, 121, 122, 127, 128-30, 133, 135, 136-37
Сомали 140
Сообщество 23, 26, 107
Сотрудничество 12, 16, 41-42, 45, 48, 105-7, 108
Соуэлл, Том (Sowell, Tom) 42
Социализм (см. тж Национал-социализм) 12, 106-7, 114
Социалисты 108, 110, 113, 121
Социальная гармония 106, 111, 114
Социальная справедливость 116
Социальные сети 25
Социальные силы 113, 119
Социология 1, 63
Специализация 61

- Спиноза, Барух (Spinoza, Baruch) 27
- Справедливой войны теории 9
- Справедливость 2, 9, 14, 17, 88-89, 99, 116
- Спрос и предложение 32
- Спрэдинг, Чарльз (Sprading, Charles T.) 124-25
- Средства сообщения 140, 142
- СССР (с.м. *тж* Россия) 15, 18, 53, 64, 75, 96, 122
- Статьи Конфедерации 86, 88
- Столкновение цивилизаций 64-67, 81
- Стремление к счастью 113, 141
- «Студенты за свободу» 2, 139, 142, 143, 144
- Субсидии 36, 46-47, 59, 68, 75, 98
- США 7, 8, 15, 18, 21, 36, 41, 48-49, 53, 73, 75, 78, 84, 88, 90-91, 94, 96-102, 124, 142, 143
- США, Конгресс 73, 78, 88
- США, Конституция 88, 89, 90
- США, правительство 9, 101
- Сэй, Жан-Батист (Say, Jean-Baptiste) 30-38, 66, 77
- Тацит 86
- Твен, Марк (Twain, Mark) 127, 132
- Теократия 106
- Теократы 113
- Терпимость, толерантность 105-7, 109, 110-15, 119
- Терроризм, террористы 8, 94, 101
- Тилли, Чарльз (Tilly, Charles) 93
- Товары 12, 30-32, 41, 49, 51, 58, 59, 67-68, 75, 77-79
- Товары 66, 70
- Торговля 17, 36, 47, 50-54, 58, 60-61, 64, 67-69, 76-79, 89, 94, 110, 119
- Торговые барьеры 36
- Торговые войны 36
- Торговые монополии 68
- Торговый баланс 36, 76
- Тотальная мобилизация 122
- Треблинка 122
- Тренчард, Джон (Trenchard, John) 8
- Третий рейх 64, 115, 117-18, 122
- Труд 12, 33-34, 42, 51, 57, 59-60, 64, 68, 71, 107
- Трумен, Гарри (Truman, Harry S.) 79
- Туземное население 70, 91
- Уважение 41, 46-48, 67
- Уголовная юстиция 99
- Удовлетворенность 17

- Украина 95-96, 101, 143-44
Утопические идеологии 26
- Фашизм** 22, 98, 106, 113, 115, 122
Феодалный 112, 118
Физиократы 91
Филиппины 49, 73
Филмер, Роберт (Filmer, Robert Sir) 114
Франклин, Бенджамин (Franklin, Benjamin) 84
Франко-индийская война 86
Франция 68, 72, 75, 76, 80, 88-89, 98, 107, 109
Французская революция 37
Французское вторжение 69
Французское общество международного арбитража 72
Французское правительство 75
Французы 34, 126
Фрейд, Зигмунд 113
- Хайдеггер, Мартин** (Heidegger, Martin) 121
Хантингтон, Сэмюэл (Huntington, Samuel) 64-65, 67
Хардт, Майкл (Hardt, Michael) 116, 117
Хаттенбек, Роберт (Huttenback, Robert A.) 59, 70
Хиггс, Роберт (Higgs, Robert) 12
- Хищничество** 24, 59, 61
Холмс, Роберт (Holmes, Robert) 10
Холодная война 19, 53
Хуссейн, Саддам (Hussein, Saddam) 7, 10, 73-74, 94
- Цезарь, Юлий** (Caesar, Julius) 14-15, 86
Ценность, ценности 40, 46, 48, 50, 104, 106, 111, 119, 120, 123
Цены 31, 40, 41, 45, 70, 75
Цивилизация 20, 62, 64-67, 79, 81, 91, 106, 108, 113
Цинциннат (Cincinnatus) 87
Цицерон, Марк Тулий (Cicero, Marcus Tullius) 2
- Чавес, Уго** (Chavez, Hugo) 74
Частная собственность 119
Человеческая жизнь 106, 109, 110
Человеческая природа 18-28, 109
Человеческие ценности 111
Человеческий интерес 109
Человеческий капитал 59
Человеческий порядок 106
Человеческий труд 60
Человеческое общество 106
Черные рынки 140
Черчилль, Уинстон (Churchill, Winston) 83

Честь 9, 10, 12, 48, 85, 104,
116, 133

Чечня 140

Чиоффи-Ревилла, Клаудио
(Cioffi-Revilla, Claudio)
55

Шекспир, Уильям (Shake-
speare, William) 13, 126

Шеллинг, Томас (Schelling,
Thomas) 53-54

Шмитт, Карл (Schmitt, Carl)
114-20, 123

Шпионаж 12-13, 139

Штраус, Лео (Strauss, Leo)
117-19, 123

Эйзенхауэр, Дуайт (Eisen-
hower, Dwight D.) 97-98

Экологический ущерб 41

Экология 60

Экономика 40, 58, 73, 84,
92, 98

Экономисты 73, 74, 77, 78,
108

Экономическая взаимозави-
симость 51, 53

Экономическая выгода/поль-
за 84, 94, 113

Экономическая координа-
ция 111

Экономическая теория/наука
12, 42, 50, 63-64, 70,
73-74, 77, 85, 97, 110

Экономические националисты
31, 66, 77

Экономические ошибки
управления 96

Экономические потери 70

Экономический конфликт 81

Экономическое взаимодейст-
вие 67

Экономическое развитие
32-33, 37, 38, 52, 93

Экономическое развитие
32-33, 37-38, 52, 93

Эксплуатация 22, 110, 112,
118

Экспорт мировой 52

Экспорт, экспортеры 76, 78

Эмпатия/сочувствие 22, 26

Энгельс, Фридрих (Engels,
Friedrich) 110, 111, 118

Энджелл, Норман (Angell,
Norman) 53

Этика 47-48

Этнические чистки 64

Юм, Давид (Hume, David)
27, 91

Юнгер, Эрнст (Jünger, Ernst)
109, 119-23

Ядерная война 53-54, 94

Ядерные вооружения 54, 60,
93, 94, 95

Япония 40, 65, 74

11 сентября 2001г. 8
 «Dulce et Decorum Est» («Пре-
 красно и славно умереть [за
 родину]») 129, 130, 136-37

Habeas corpus 143
 «Time» 11

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Социально-политическое электронное издание

16+

Серия «Библиотека ГВЛ. Политика»

МИР, ЛЮБОВЬ И СВОБОДА

Как жить без войн

Под ред. Тома Палмера

Подписано к использованию 24.02.20

Формат 10,0×15,5 см

Гарнитура Academy

Издательство «Социум»

117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1

Тел.: (495) 330-51-98

Сайт: <http://sotsium.ru>

Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

Том Палмер

Вышли в свет:

Фридрих Хайек
«Капитализм и истории»

Рональд Ротунда
«Либерализм как слово
и символ»

Джон Локк
«Два трактата о правлении»

Вильгельм фон Гумбольдт
«О пределах
государственной деятельности»

Фредерик Бастиа
«Экономические софизмы»

Фредерик Бастиа
«Протекционизм и коммунизм»

Фредерик Бастиа
«Что видно и чего не видно»

Статьи, опубликованные в настоящем сборнике, представляют эмпирические данные и логические аргументы в пользу мира. Мир обосновывается не просто как моральный идеал или желаемая цель, а как первоочередная практическая задача. Авторы сборника исследуют экономические, социальные, политические и психологические условия мира; выявляют причины войн — например, ложные концепции вроде «столкновения цивилизаций», «экономического конфликта», «протекционизма» и мировоззрения, основанного на идее «нулевой суммы», — чтобы затем развенчать их.

Авторы обращаются к разуму. Они опираются на глубокое историческое знание, экономическую реальность, эмпирическую психологию, политическую науку, а также на искусство и эстетическое воображение.